

« Մ Ա Տ Ե Ն Ա Դ Ա Ր Ա Ն »
ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ՄԻՆԻՍՏՐՆԵՐԻ ԽՈՐՀՐԴԻՆ ԱՌԸՆԹԵՐ
ՄԱՇՏՈՑԻ ԱՆՎԱՆ ՀԻՆ ՁԵՌԱԳՐԵՐԻ ԻՆՍՏԻՏՈՒՏ

Հ. Դ. ՓԱՓԱԶՅԱՆ

ՀՈՂԱՅԻՆ ՀԱՐԱԲԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ
ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ
XVI—XVII ԴԱՐԵՐՈՒՄ

ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՍՍՀ ԳՐ ՀՐԱՏԱՐԱԿԶՈՒԹՅՈՒՆ
ԵՐԵՎԱՆ 1972

1115 II

«МАТЕНАДАРАН»
ИНСТИТУТ ДРЕВНИХ РУКОПИСЕЙ ИМ. МАШТОЦА
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ АРМЯНСКОЙ ССР

А. Д. ПАПАЗЯН
X

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ АРМЕНИИ
В XVI—XVII ВЕКАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АН АРМЯНСКОЙ ССР
ЕРЕВАН 1972

В монографии на основе персидских архивных документов, а также армянских и иноязычных исторических первоисточников подробно исследуются существующие в Восточной Армении в позднем средневековье институты феодального землевладения, тесно связанные с системой землевладения в Сефевидском Иране. В труде подробно анализируются вопросы, связанные с аграрными отношениями. На основании новых материалов изучаются методы феодальной эксплуатации и налоговая система. Это исследование представляет известный научный интерес также для освещения вопросов социально-экономических отношений не только в Армении и Азербайджане, но и других странах Ближнего Востока.

Редактор
К. З. АШРАФЯН

Государственная
библиотечная
библиотека РСФСР
№ 4957 1973 г. |

ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАУЧНАЯ РАЗРАБОТКА ВОПРОСА И ОСНОВНЫЕ ПЕРВОИСТОЧНИКИ

Исследование феодальных аграрных отношений в Восточной Армении имеет свою многолетнюю историю. Еще в досоветский период, в середине и, главным образом, в конце XIX в. появился ряд работ, выполненных на базе немногих нарративных источников, историко-географических и этнографических обследований. В них освещались некоторые аспекты аграрного строя в Восточной Армении преимущественно в период, предшествовавший включению ее в состав Российской империи. Наибольшую ценность представляют труды И. Шопена¹, Н. Торнау², С. Зелинского³, М. Кучаева⁴ и С. Егиазарова⁵, созданные в результате тщательного изучения различных социальных институтов и правовых норм в армянских сельских общинах, сохранившихся еще в дореформенной и пореформенной Армении и населенных армянами территориях Закавказья. Несмотря на мето-

¹ И. Шопен, Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб, 1852.

² Н. Е. Торнау, О праве собственности по мусульманскому законодательству, СПб, 1882.

³ С. П. Зелинский, Исследования экономического быта государственных крестьян в Закавказском уезде, Тифлис, 1886.

⁴ М. Н. Кучаев, Феодализм и закрепощение в Закавказье, «Русский вестник», 1895, № 1.

⁵ С. Егиазаров, Исследования по истории учреждений в Закавказье, т. I, Сельская община, Казань, 1889; О водовладении в Закавказском крае, Киев, 1896.

дологическую несостоятельность, эти труды не утратили и по сей день своего значения в качестве источника для изучения экономической и социальной жизни (в особенности земельных отношений) в Закавказье и Восточной Армении во второй половине XIX в.

Марксистское научное исследование исторического прошлого армянского народа началось лишь в советский период, когда были созданы и создаются капитальные труды, посвященные различным проблемам истории и многовековой культуры страны. Особенностью развития советской арменистики за последние десятилетия является разработка наиболее кардинальных проблем политического и социально-экономического процесса, выявление его закономерностей и в то же время наиболее характерных особенностей. Серьезное внимание ученых привлекали вопросы эволюции земельных отношений.

В ряде работ проблемы земельных отношений поднимаются в связи с изучением их авторами монастырских хозяйств и монастырского землевладения на основе, главным образом, известного труда Симеона Ереванци «Джамбр» и материалов Эчмиадзинского католикосского дивана (канцелярии). К числу таких работ относится ценная монография Б. Арутюняна «Крупное монастырское хозяйство в Армении XVII—XVIII вв.»⁶, в которой автор рассматривает землевладение и водовладение, структуру помещичьего хозяйства, торговые и банковские операции Эчмиадзина. Хотя труд этот посвящен преимущественно изучению периода расцвета монастырского хозяйства Эчмиадзина, т. е. второй половине XVIII века, однако ценность представляют и те разделы монографии, в которых кратко изложены вопросы землевладения и водовладения в XVII веке.

Исследованию крупного монастырского землевладения посвящен также труд С. Погосяна⁷, в котором особенно подробно рассмотрены вопросы эксплуатации

наемного труда на принадлежащих Эчмиадзину землях и реализации монастырем на внутреннем и внешнем рынках производимых им продовольственных и технических культур. П. Арутюнян в первой части своей монографии «Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века»⁸ и в предисловии к русскому переводу «Джамбра»⁹ также уделил значительное внимание освещению некоторых вопросов аграрных отношений, сделав ряд интересных выводов.

В ценном правоведческом труде, посвященном изучению мулкадарского права, А. Есяян рассмотрел правовые основы землевладения в Армении накануне и в период русского владычества, показав, в частности, особенности мулка как феодального института¹⁰.

Обстоятельный анализ мнений вышеуказанных и прочих исследователей аграрных отношений в Армении XVII—XVIII вв., и в особенности прав собственности и владения землей, содержится в примечательной монографии С. Маркосяна «Аграрные отношения в Араратской стране»¹¹. Дискутируя с некоторыми исследователями по поводу интерпретации юридического содержания ряда терминов и институтов, упоминаемых в «Джамбре» и некоторых других источниках, С. Маркосян дает свою трактовку сущности правовых норм, бытовавших в феодальной Армении, в частности права наследственного владения землей и прочих связанных с ним юридических норм.

Некоторые вопросы земельных отношений в Армении освещаются в работах, посвященных сопредельным странам (Азербайджану, Ирану)¹² или государствам, в

⁶ П. Арутюнян, Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII века, гл. I, М., 1954.

⁷ Симеон Ереванци, Джамбр, предисловие, М., 1958.

⁸ А. Есяян, Мулкадарское право в Армении, Ереван, 1948.

¹¹ Ս. Մարկոսյան, Ագրարային հարաբերությունները Արարատյան երկրում, Երևան, 1959. Исследованию земельной ренты посвящены следующие труды Т. Авдалбекяна: «Բանրան ու ժուլըը 17—18-րդ դդ.», «Երկրագործական հավելյալ արժեքի նորման 17—18-րդ դդ.», «Նորը» № 2, 3, 1933.

¹² М. С. Иванов, Очерки истории Ирана, М., 1952, стр. 73—75;

⁶ Б. Арутюнян, Крупное монастырское хозяйство в Армении XVII—XVIII вв., Ереван, 1940.

⁷ Ս. Պոգոսյան, Եկեղեցական հողատիրությունը Երևանի խնութիւնում 17—18-րդ դդ. և Էջմիածինը որդեկ խոշոր կալվածատեր, Երևանի պետ. համալսարանի «Գիտական աշխատություններ», հ. 13-րդ, Երևան, 1940.

пределы которых она входила (в частности, Сефевидскому государству)¹³.

Эти работы относятся преимущественно к XVIII веку (в особенности к его второй половине), в некоторой степени к XIX веку и лишь незначительная часть их затрагивает XVII век, в еще меньшей степени—XV—XVI вв., изучение которых имеет важное значение для понимания многих феодальных институтов в последующие столетия.

Особо следует отметить многочисленные труды И. П. Петрушевского¹⁴, посвященные исследованию феодальных отношений в Иране и Закавказье в XV—начале XIX вв., в которых раскрывается характер и дается история развития основных форм феодальной собственности и эксплуатации крестьян. Велика заслуга И. П. Петрушевского в исследовании персоязычных исторических хроник и архивных материалов XV—XIX вв. Он первым в советской историографии подверг тщательному изучению почти все персидские источники сефевидского и последующих периодов, проанализировал имеющиеся архивные материалы и в ряде трудов¹⁵ дал их научную характеристику.

Однако не все вопросы аграрных отношений рассмотрены в его трудах 30—40-х годов, одинаково исчер-

В. Н. Левиатов, Очерки из истории Азербайджана в XVIII в.; Баку, 1948, стр. 24—29 и др.

¹³ *Н. Филрозе*, К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов, «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», изд. МГУ, 1951, стр. 175—187.

¹⁴ *И. П. Петрушевский*, Вахфные имения Ардебильского мазара XVII в., Труды Института истории им. А. Бакиханова АН Аз. ССР, т. I, Баку, 1947; Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу. Сб. статей по истории Азербайджана, Баку, 1949; Государства Азербайджана в XV в., ССИА, Баку, 1949; Азербайджан в XVI—XVII вв., ССИА, Баку, 1949; Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949.

¹⁵ *И. П. Петрушевский*, Персидские официальные документы как источник по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении XVI—начале XIX вв. Проблемы источниковедения, кн. 3, Л., 1940; Очерки..., стр. 7—47.

пывающе и всесторонне, поскольку вопросы землепользования и состояния производительных сил, по признанию самого автора, не получили в них своего разрешения¹⁶. Этот пробел был в дальнейшем восполнен И. П. Петрушевским в его монографии, изданной в 1960 г. и посвященной земледелию и аграрным отношениям в Иране XIII—XIV веков¹⁷. В этой монографии на основании трудов богатой историографии ильханского периода и других источников, в частности рукописных, подробно исследованы условия и особенности сельскохозяйственного производства в Иране и некоторых сопредельных странах, экономическое и правовое положение крестьянства, формы его эксплуатации в период, предшествовавший изучаемой нами эпохе.

Благодаря выполненным советскими историками работам, многие проблемы аграрных отношений в Армении XVI—XVIII вв. получили свое разрешение, хотя остается еще немало дискуссионных и неисследованных вопросов. Так, до сих пор не стали предметом специального исследования исторические условия экспроприации армянских светских феодалов, крупных феодальных собственников, военно-феодальной знатию различных тюркских и других кочевых и полукочевых племен; нет и комплексного исследования государственного и доменного, а также частнофеодального и монастырско-вакуфного землевладения, начиная с XV века, являвшегося очень важным временем в истории формирования его. Тем не менее, оставшиеся до недавнего времени неизвестными или малоизученными, армянские рукописные источники и архивные материалы, а также персоязычные нарративные первоисточники содержат довольно богатый материал для подобного исследования. Как отмечалось выше, наиболее подробная характеристика персоязычных нарративных источников была дана в трудах И. П. Петрушевского. Как справедливо отмечал уважаемый профессор, данные их, будучи рассеяны большей частью по страницам многотомных фолиантов, к тому же обычно лаконичны, а зачастую—неполны и противоре-

¹⁶ *И. П. Петрушевский*, Очерки..., стр. 3.

¹⁷ *И. П. Петрушевский*, Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков, М.—Л., 1960.

чивы. Труды придворной историографии сефевидского периода отличаются панегирическим стилем и посвящены восхвалению самодержавной власти шахов. События политической и общественной жизни излагаются хронистами в связи с последовательным, из года в год, описанием «подвигов» их знатных патронов. Данные же о социально-экономических отношениях, экономическом и социально-правовом положении трудящихся или вовсе отсутствуют, или же страдают неточностью, предвзятостью и крайней, как правило, фрагментарностью. И все же содержащиеся в них сведения, касающиеся, в частности, системы центрального и местного административного управления, налоговой системы проливают свет также и на некоторые аспекты феодальных земельных отношений. В этой связи заслуживают упоминания такие труды феодальной историографии предшествовавшего Сефевидам периода, как последний, седьмой, том много-томной общей истории Мухаммада ибн-Хавандшах Мирхонда «Ровзат-ус-сафа» («Веселый сад») ¹⁸, который был завершен внуком Мирхонда — Гиас-эд-дин-ибн Хумам-эд-дин Хандамиром. Не менее ценны написанные тем же автором по заказу Алишера Навои компилятивная хроника «Хуласат-ул-ахбар» («Свод сведений») и последний том трехтомного исторического произведения под названием «Хабиб-ус-сиар» («Друг жизнеописаний») ¹⁹.

Известная хроника «Тарих-е шах Исмаил-е Сафави» («История Сефевидского шаха Исмаила») кладет начало почти двухсотлетней сефевидской историографии. Анонимный автор подробно повествует о борьбе шаха Исмаила против последних падишахов Ак-Коюнлу, о перемещениях племен кызылбашей в Азербайджане и центральных и восточных областях исторической Армении; приводимые сведения о социально-экономическом положении, однако, весьма скудны ²⁰.

Из общей двенадцатитомной истории дворцового историка шаха Тахмаспа I Хасан-бек Румлу известны только два последних тома, озаглавленные «Ахсан-ут-

таварих» («Лучшая из историй») ²¹, которые охватывают период царствования шахов Исмаила I, Тахмаспа I и Исмаила II до воцарения султана Мухаммада Худабанде. Это ценное историческое произведение также посвящено преимущественно политическим событиям и подробно описанию военных действий между иранскими шахами и султанами Турции. Для гражданской истории в особенности ценны содержащиеся здесь сведения о восстании ремесленников и неимущего населения Тавриза в 1573 году. Хасан-бек Румлу приводит данные о ранней истории тиула, о землях, которые предоставлялись предводителям (амирам) кызылбашских племен.

Из персоязычных первоисточников этого периода богатые сведения относительно Армении содержит двухтомная история курдского историка конца XVI века Шараф-хан Битлисси ²². Передавая историю происхождения курдских племен и прослеживая перемещения их в пределах Курдистана и Исторической Армении, Шараф-хан сообщает интересные сведения о сойюргальных владениях крупных феодалов и социально-правовом положении подневольного населения, трудящегося крестьянства.

История XVI века довольно подробно освещена крупнейшим историком XVII века, придворным секретарем шаха Аббаса I Искандар-бек Туркманом, известным в персидской историографии как «Искандар мунши» (секретарь Искандар). Он написал историю шаха Аббаса I и его предшественников, состоящую из двух объемистых томов и озаглавленную «Тарих-е аламара-е аббаси» («Аббасова мироукрашательная история») ²³.

²¹ A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawarikh of Hasan-i-Rumlu, vol. I (Persian text), vol. II (English translation), ed. by C. N. Seddon, Gaekwad's Oriental Series, no. LVIII 1931—1934, Baroda.

²² Schéref-nameh ou histoire des Kourdes par Schéref, prince de Bidlis, publiée par V. Véliamtnof-Zernof, tt. I—II, SPB, 1860—1862 (персидский текст), см. также французский перевод, Chéref-nameh ou faste de la nation kourde par Schéref-ouddine, traduits et commentés par E. B. Charmoy, tt. I—II, SPB, 1868—1875.

²³ اسکندر بیگ ترکمان تاریخ عالم آرای عباسی، جلد ۱—۲، تهران، ۱۳۳۴

¹⁸ محمد بن خاوند شاه میرخوند، روضة الصفا، لوكنو، ۱۳۰۰.
¹⁹ غياث الدين بن همام الدين خواندمير، حبيب السیر، بمبئی، ۱۳۷۳.
²⁰ The early years of Shah Ismail, founder of the Safavi Dynasty, by E. Denison Ross, „Journal of Royal Asiatic Society“, 1896.

Первую часть этого важного труда Мунши отвел ранней истории Сефевидов. Здесь довольно подробно изложены важные события второй половины XV и XVI вв. Сведения о времени господства ак-коюлу и ранней истории Сефевидов, как указывается в предисловии истории, почерпнуты автором из труда Мевлана Абабакр Техрани «Тарих-е ахвал-е салатин-е торкеман» («История туркменских царей»), из трудов Кази-Ахмад Каффари «Тарих-е Джаханара» («Мироукрашательная история»), Хасан-бека Румлу «Ахсан-ут-таварих», историка Ахибека и Мир-Яхья Сейфи-Казвини «Лубб-ат-таварих» («Ядро история»). Вследствие этого, хотя Мунши жил в конце XVI и первой трети XVII вв., его труд содержит достоверные сведения по истории XV и XVI веков. Наиболее ценными являются вторая и третья части «Тарих-е аламара-е аббаси», где обстоятельно изложены события времени правления шаха Аббаса I.

В своем труде Искандар Мунши отвел большое место истории Азербайджана, Армении и Грузии. В отдельных главах его книги описаны многочисленные важные события, относящиеся к истории Армении и, в частности, истории походов, имевших место в 1605—1625 гг. при Амир-Гуна-хане и затем при Тахмасикули-хане. Большой интерес представляют его рассказы о массовой депортации населения.

Ценность «Тарих-е аламара-е аббаси» для исследования избранной нами темы определяется, в частности, тем, что по сравнению с более ранними историями он содержит больше сведений о таких феодальных институтах, как «икта», «сойюргал», «олка», «тнул», «хасс» или «хассе-йе шарифе», вакуфных поместьях и их управлении. Столь же ценны отдельные упоминания о государственном земельном налоге и других сборах с земледельческого и торгового населения, проливающие свет на характер налоговой системы Сефевидов.

В последние годы своей жизни Искандар Мунши по просьбе своих приближенных стал писать историю правления преемника Аббаса I шаха Сафи (1629—1642). Но он умер спустя пять лет, и этот труд остался незавершенным. В 1958 году Сухейли Хансари подготовил и издал книгу «Зейл-е тарих-е аламара-йе аббаси» («Продолже-

ние Аббасовой мироукрашательной истории»), содержащую историю периода царствования шаха Сафи²⁴. Начальная часть книги, охватывающая первые пять лет истории шаха Сафи, принадлежит перу Искандара Мунши, а остальная часть—до смерти его (1642 г.)—взята из шестой части восьмого тома труда Мухаммад-Юсуфа «Холд-е Барин» («Верхний рай»), посвященного истории династии Сефевидов.

Наряду с описанием персидско-турецких войн, в этой книге имеются материалы, касающиеся внутренней жизни страны и социально-экономических отношений. Особенно важны данные, относящиеся к административному управлению и хозяйственной жизни Араратской страны или вилайета Чухур-Са'д, данные о взаимоотношениях и полномочиях ханов и бекларбеков, о феодальной иерархии, о положении, занимаемом отдельными представителями господствовавшего класса и их привилегиях, как феодальных собственников. Эти данные содержатся в помещенных в последней части книги списках и биографиях известных при шахе Сафи амиров, бекларбеков, везиров, представителей духовенства и прочих высокопоставленных лиц.

Следующим примечательным произведением придворной сефевидской историографии является история шаха Аббаса II (1642—1667), озаглавленная «Аббаснаме», автором которой является личный секретарь шаха, впоследствии великий везир Мухаммад-тахир Вахид Казвини²⁵. Это сочинение, относясь к сравнительно мирному периоду истории Ирана, отмеченному прекращением ирано-турецких кровопролитных войн, немало места уделяет многим вопросам внутривосточной истории, хозяйственного и административного управления, рассмотрению финансово-налоговых дел, в частности доходов бекларбеков и хакимов, злоупотреблений чиновников, превышавших официально установленные

²⁴ ذیل تاریخ عالم‌ارای عباسی، تألیف اسکندر بیگ ترکمان شهیر ۱۳۱۷ بمشش و محمد یوسف مورخ، بتصحیح سهیلی خوانساری تهران ۱۳۱۷ عباسنامه، یاشوخ زندگانی ۲۲ ساله شاه عباس ثانی (۱۰۵۲—۱۰۷۴)، تألیف محمد طاهر و حید قزوینی، بتصحیح و تحشیه ابراهیم دهگان، اراک، ۱۳۲۹

и подлежащие сбору налоги. В «Аббаснаме» большое место уделяется истории Закавказья и Араратской страны.

Перу брата Мухаммад-тахир Вахида Мухаммад-Юсуфа принадлежит общая история Сефевидов «Холд-е Барин» («Верхний рай»), которая доходит до 1694 года, охватывая также время правления шаха Сулеймана (1667—1694). Этот ценный источник до сих пор не опубликован (за исключением упоминавшейся выше истории последних лет правления шаха Сафи, которая издана в «Зейл-е тарих-е аламарайе аббаси»). Рукописные его экземпляры малочисленны. Иного источника, современного годам правления шаха Сулеймана, не существует.

Важным первоисточником для изучения вакуфного землевладения, поместий крупных религиозных учреждений и получаемых с них доходов является труд «Сил-сульт-ал-насаб-е Сафавийе» («Родословная Сефевидов»), принадлежащий перу шейха Гусейн Абд-ал-Захиди из рода шейха Захида Гилани и посвященный генеологии сефевидских шейхов²⁶; в этом труде приведено некоторое количество сойюргальных и тиульных документов и вакуфных актов.

Однако главным первоисточником для изучения внутреннего административного устройства Сефевидского государства, а также налогово-фискальной системы является написанный неизвестным автором в 20-х годах XVIII века по велению афганского правителя Ашрафа известный труд по названию «Тазкират-ал-мулук», персидский текст которого с английским переводом и обширным исследованием издан в 1943 г. в Лондоне видным востоковедом В. Минорским²⁷.

Этот труд, который как бы завершает собой сефевидскую придворную историографию, дает подробную картину государственно-административного и политического устройства обширной империи, в том числе и Восточной Армении. В отдельных главах этого труда говорится о доходах духовенства, амиров, придворной знати

²⁶ شیخ حسین بن شیخ عبدال زاهدی، سلسلة النسب صفویة، نشریة امیرا نشهر، برلین، ۱۹۴۴

²⁷ Tadhkirat al-Mulūk, a manual of Safavid administration, by V. Minorsky, London, 1943.

и приближенных шаха, высших и низших финансовых чиновников, о придворных мастерских и службах, а также о внутреннем провинциальном управлении вилайетами и системе управления в столичном городе Исфаханом, доходах бекларбекств и входивших в них олка.

Хотя сведения, относящиеся непосредственно к Восточной Армении, лаконичны и в некоторых случаях противоречивы, однако характеристика административного строя, и в особенности феодальных институтов, оформившихся в течение XVI—XVII вв., весьма содействует выяснению многих вопросов феодального землевладения в Армении и уточнению смысла и технического значения социально-экономических и административных терминов.

Персоязычная историография XVI—XVII вв. не ограничивается вышеуказанными трудами. Нами перечислены лишь основные историки и, в частности, те, труды которых опубликованы и представляют определенный интерес для истории землевладения. В то же время труды многих историков Сефевидского периода до сих пор обстоятельно не изучены, не опубликованы и известны в научных кругах лишь в рукописных экземплярах, хранящихся в различных библиотеках мира.

Более того, далеко не все памятники персидской историографии XV—XVIII вв. выявлены и текстология часто совершает в этой области новые открытия. Однако и то, что известно на сегодняшний день—богато по своему содержанию и значительно по объему.

Этого нельзя сказать, однако, об армянской историографии указанного периода.

Начиная с XV века наблюдается упадок армянской феодальной историографии. Если XV век дал хотя бы одного известного нам историка—Товму Мецопеци, который вкратце изложил историю конца XIV и первой половины XV века, а в памятной записи—историю переломы престола католикоса из Сиса в Эчмиадзин, то XVI век не оставил нам имени ни единого историка. От XVI века дошли до нас лишь несколько мелких хроник, которые отрывочно освещают историю продолжавшихся в течение всего века нашествий, грабежей, пленения на-

селения, потрясений и бед, выпавших на долю армянского народа²⁸.

Некоторый фактический материал о политических событиях можно найти в памятных записях рукописей этого века, которые, однако, до сих пор не опубликованы. И в указанных хрониках, и в памятных записях рукописей данные о социально-экономической жизни, в особенности об истории землевладения, весьма фрагментарны и случайны и не удовлетворяют требованиям научного исследования.

Некоторое оживление культурной жизни в армянской действительности стало наблюдаться лишь с начала XVII века. Последовавший ирано-турецкий мир после перемирия 1555 года создал условия для возрождения монастырских школ. Культурная жизнь более стабилизировалась в первом десятилетии XVII века. Именно в это время возникла новая Сюникская школа, основанная усилиями епископа Саркиса и Киракоса Трапизонци в 1610 г. в Воротанском ущелье. Хотя эта школа просуществовала недолго, однако вышедшие из нее деятели с той же энергией продолжали начатое дело в других районах Армении. Видным деятелем этой школы был Мовсес вардапет Хотананци, который после посещения Западнй Армении и армянских колоний (поселений) на Ближнем Востоке обосновался в небольшом ереванском монастыре Апостола Анания, где, воспользовавшись сравнительно благоприятными условиями, продолжил свою учительскую деятельность. В этот период появились образованные представители духовного сословия, которые стремились развить традиции монастырских школ.

Именно к этому времени относится творчество известного историка, каковым был Аракел вардапет Даврижеци.

Аракел Даврижеци—последний крупный представитель средневековой армянской историографии; в преклонном возрасте, сначала по поручению католикоса Пилипоса Агбакеци, а затем по увещеваниям католико-

²⁸ «Մանր ժամանակագրութիւններ 13—18-րդ դդ.», կազմեց Վ. Ա. Հակոբյան, հ. I, Երևան, 1951, էջ 125—177, հ. II, 1956, էջ 225—255.

са Акопа Джугаеци он в течение 11 лет (1651—1662 гг.) написал объемистую историю, состоящую из 56 глав²⁹.

Даврижеци осветил самые разнообразные вопросы истории собственно Армении и армянских колоний в течение 1602—1662 гг. Каждое важное событие, происшедшее в армянской действительности—будь то в Ара-ратской стране или Васпуракане, Новой Джуге или Галиции—глубоко волновало его и более или менее подробно описано им на страницах его труда. С большим волнением и патриотическим чувством описывает он ужасные бедствия и потрясения, пережитые армянским народом на заре XVII века; не забывает он дать и грустные картины лишений, которые терпело во время военных действий местное мусульманское население, разорения населенных пунктов и беженства.

Сообщаемые Даврижеци данные достоверны; они написаны с чувством большой ответственности, подвергнуты проверке сопоставлением с разными источниками, о чем он счел пужным сообщить читателям: «...Потерял из-за этого много дней, обошел много стран и земель в поисках рассказов для этой истории, расспрашивал не только христиан, но и иноплеменников и записывал все рассказанное ими. Случалось, что одну и ту же историю, дабы быть уверенным в достоверности, я записывал, повторыя десять и более раз»³⁰.

Он упоминает и письменные источники, в результате чего мы узнаем, что историк изучил многочисленные рукописи, использовал данные памятных записей и мелких хроник. Благодаря этому в «Истории» Даврижеци сохранилось несколько обширных хроник, в том числе ценная хроника второй половины XVI века (1541—1600 гг.) «История Албании», принадлежащая перу Ованнеса Цареци³¹.

«История» Аракела Даврижеци является чрезвычайно важным источником, в особенности для изучения

²⁹ «Գատու թիւն Առաքել վարդապետի Գուրբեղեցոյ, սակս զիւրուածոց Հայաստանեայց ե գաւառին Արարատայ ե մասին Գողթան գաւառի սկսեալ ի ՌԾԱ թուականին հայոց սինչ ի ՌՃԺԱ թ.», Վարդապետ, 1896.

³⁰ Там же, стр. 670.

³¹ Там же, стр. 605—620.

политической истории первой половины XVII века. В ней довольно подробно описано тяжелое положение, создавшееся в начале века, дана мрачная картина разрушений, голода, крайнего упадка экономической и культурной жизни, говорится об извращенных нравах духовенства, эксплуатации и угнетении трудящихся различными слоями господствовавшего класса. Особенно ценны те части труда, которые относятся к истории начавшихся с 30-х годов строительных работ и усилению могущества и влияния Эчмнадзина; здесь же подробно говорится о новом интеллектуально-культурном движении и об отдельных представителях его.

Однако сколь важен труд Аракела Даврижеци как источник по политической истории первой половины XVII века, столь же скудны его сведения по вопросам социально-экономической жизни, и в особенности истории земельных отношений. Как представителя армянского духовенства, его преимущественно занимал вопрос судьбы армянской церкви, а также многочисленные вопросы, связанные с длительной и упорной борьбой армян против религиозных притеснений и политики ассимиляции, осуществлявшейся правителями Османской Турции и Сефевидского государства. Сочинение Даврижеци поэтому имеет огромное значение для исследования лихолетья в жизни армянских трудящихся, изнывавших под гнетом чужеземных деспотов и тиранов.

Одним из важных источников первой половины XVII века является также обширная хроника Григора вардапета Камахеци или Даранахци (1576—1643), в которой со всей подробностью описаны имевшие место при жизни автора в Армении и армянской действительности важные события³². Григор Даранахци был известным церковным и общественным деятелем своего времени; он посетил все важные центры поселения армян и повсюду принимал деятельное участие в армянской общественной жизни. Дошедшая до нас написанная его рукой хроника состоит из двух частей, в первой из которых содержится история важнейших церковных и политических событий 1595—1634 гг.; эта часть относится преимущественно

³² «Ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցու կամ Դարանաղցու, հրատ. Մեծրոպ վարդապետի Նշանյան, Երևան, 1915».

венно к Западной Армении и ближайшим ей армянским колониям. Во второй части хроники, описывая важнейшие события в Армении и армянских поселениях, Даранахци уделил некоторое внимание и событиям, имевшим место в Восточной Армении—Айрарате и Сюнике в 1600—1640 гг.

Однако и этот источник весьма скуден с точки зрения интересующей нас истории аграрных отношений; содержащиеся в нем отдельные упоминания относятся преимущественно к Западной Армении и не могут быть непосредственно полезными нам для изучения истории землевладения Восточной Армении.

Чрезвычайно важным первоисточником для истории социально-экономических отношений в Восточной Армении XVII века является дневник или «Дафтар» агулисского торговца Закария сына Крдунц Агамира; текст дневника издан в 1938 г. в Ереване³³.

Написанный простым разговорным языком XVII в., этот дневник обладает богатым и разнообразным содержанием. Помимо описаний важных событий личной и семейной жизни автора, в ходе которых приводятся многочисленные подробности о хозяйстве и быте того времени, здесь можно найти обширный материал о купечестве XVII века, внутренней и внешней торговле, сухопутных и морских путях и прочих областях хозяйственной жизни.

Велико значение дневника Закария Агулеци для изучения положения трудового люда Армении, лежавшего на нем бремени феодальных поборов и государственных налогов; в дневнике имеются чрезвычайно живые описания принудительных работ, к которым привлекались жители селений и городов, а также яркие зарисовки жизни армянской сельской общины.

В связи со своими закупками по поводу различных праздников Закария Агулеци приводит розничные и оптовые цены на продукты первой необходимости, сравнение которых с дневным заработком земледельца или рабочего-строителя этого же времени позволяет составить

³³ «Զեղարարի Ագուլիցու օրագրութիւնը», հրատ. Արմֆանի, Երևան, 1938. Этот труд имеется и на русском языке; см. «Дневник Закария Агулисского», Ереван, изд. АрмФАН, 1939.

приблизительное представление об уровне жизни и материальном благосостоянии трудящихся. По данным дневника становится возможным уточнить приблизительный вес серебряных денег, имевших обращение в Сефевидском Иране.

Большая часть упоминающихся в дневнике Закария Агулеци административных, налоговых и прочих терминов соответствует терминам персидских источников и архивных документов того же времени, — обстоятельство, которое облегчает использование этих материалов.

Дневник содержит хотя и лаконичные, но точные сведения о волнениях среди населения, о разорении его ханами и другими высокопоставленными чиновниками и о накопленных ими громадных богатствах.

Следующим в хронологическом порядке трудом, которым завершается ряд армянских нарративных источников XVII века, является интересное сочинение Закария Саркавага Канакерци (1626—1699), состоящее из трех томов³⁴. Написанный чрезвычайно ясным и незатейливым языком, этот самобытный по своему литературному стилю и охваченным материалом источник определенно отличается от других памятников армянской средневековой историографии. Будучи полуграмотным саркаванке, Закария Канакерци включил в свою историю услышанные от разных лиц легенды и притчи, которые вовсе не связаны с данной эпохой. Однако, описывая в этих легендах и притчах окружающую среду, автор приводит довольно интересные сведения, которые освещают многие вопросы, относящиеся к верованиям народа и его повседневному быту. Не проявляя критического подхода к используемому фактическому материалу, он приводит без изменений увиденное и услышанное им, оставляя читателю судить о достоверности прочитанного. Труд Закария Саркавага ценен именно этими непосредственными описаниями. При этом временами он приводит также подробности, о которых нет никаких упоминаний

³⁴ Չարտրիս Սարկավագ, Պատմագրութիւն, հ. I—III, Վաղարշապատ, 1870. Имеется русский перевод этого труда: См. Закарий Канакерци. Хроника, перевод с армянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбинян-Меликин, М., 1969.

аний в других армянских и ипоязычных источниках того времени.

Исключительную ценность представляют сведения Закария Саркавага об отдельных областях внутренней жизни родного его села Канакер и других сел — Котайка и Арагацотна, которые составляют значительный фактический материал для исследования внутренней структуры армянской сельской общины XVII века, ее организации и полномочиях, а также антагонизма между богатыми и неимущими членами этой общины.

Интересное и подробное описание взимания налогов с сельского населения, относящееся к 1699 г., дано в третьей главе труда автора первой четверти XVIII века католикаса Гаудзасара Есаи Хасан-Джалаляна «Краткая история Албании»³⁵. Католикос Есаи намеревался написать историю освободительных войн армян Арцаха в 20-х годах XVIII века, однако изложил главные события лишь до 1722 года, начав свой труд с описания новой переписи 1699—1702 гг. Сравнение этих чрезвычайно ценных данных Есаи Хасан-Джалаляна с описанием переписи, данной Закарием Саркавагом, показывает, что в течение XVII столетия жестокая эксплуатация трудящихся не только не смягчилась, но и, все более усиливаясь, достигла к концу века ужасающих размеров.

Некоторый материал по истории экономической жизни XVII века можно найти в трудах нескольких армянских авторов XVIII века, из которых достоин наибольшего внимания труд Абраама Кретаци «История католикаса Абраама Кретаци о событиях его жизни и о Надир-шахе персидском»³⁶.

Сохранился также дневник Кретаци, повседневные записи которого содержат интересные подробности относительно социально-экономических отношений и быта населения того времени³⁷.

³⁵ «Պատմութիւն համառոտ Աղուանից կրկրի, յորինեալ է Տ. Եսայի Աղուանից կաթողիկոսէ Հասան-Ջալալեանցը, Երուսաղեմ, 1868:

³⁶ «Արրանամ կաթողիկոսի Կրեոացւոյ Պատմագրութիւն անցիցն իւրոց և նաոր Շահին պարսից», Վաղարշապատ, 1870:

³⁷ Գոկա. Ս. Տեր-Ավետիսյան, Արրանամ Կրեոացւոյ հիշատակարանը (ծոցի տեարահը), Պետտիան համալսարանի «Գիտական աշխատություններ» հ. 13-րդ, էջ 285—343:

Следует отметить, что хотя основными первоисточниками по экономической истории Восточной Армении и, в частности, феодального землевладения являются официальные архивные документы, однако социально-экономические данные, почерпнутые из вышеупомянутой армянской и иноязычной исторической литературы и путевых заметок европейцев³⁸, также важны и полезны в качестве вспомогательного материала, дополняющего архивные документы.

Документы на армянском языке, касающиеся хозяйственных сделок, в частности купли-продажи и дарения земли, сравнительно немногочисленны; они относятся в основном к отчуждению—наследованию, дарению, и продаже мелких земельных участков, садов, воды, мельниц и прочего имущества или его долей. Документы на армянском языке, которые касались бы крупного феодального землевладения—мулков деревень или ленных владений—почти отсутствуют.

В диване католикоса сохранилось некоторое количество документов этого порядка, значительная часть которых издана отдельной книгой Ар. Абраамяном в 1941 году³⁹. Надо сказать, что они преимущественно относятся к XVIII веку, частью—к концу XVII века и мало полезны для изучения аграрных отношений XVI и начала XVII вв.

Подобные дарственные акты, договоры, купчие, расписки и многие документы относительно хозяйственных сделок в свое время были переписаны на свободные страницы рукописных евангелий, машинописных и прочих сборников богослужебного характера. Они охватывают обширный период XI—XVIII вв. и относятся преимущественно к южным районам Васпуракана. Л. Хачикян связывает это с тем фактом, что в Восточной Армении подобные акты обычно фиксировались в виде надписей на стенах монастырей. В упомянутых районах Западной

³⁸ „Les six voyages de Jean Baptiste Tavernier“, Paris, 1692, II, 1—II; „Voyage de Mr. le Chevalier Chardin en Perse et autres Heux de l'Orient“, Paris, 1811, II, 1—X.

³⁹ «Կաթիվածագրեր», կազմեց Հար. Աբրահամյան, պրակ I, Երևան, 1941.

Армении подобные лапидарные надписи встречаются редко⁴⁰.

Среди записей такого рода значительное число составляют те, которые свидетельствуют о передаче в вакф монастырям и другим культурным учреждениям отдельных пашен и других участков земли, входивших в земельный фонд сельских общин⁴¹; эти записи относятся, главным образом, к отчуждению права землепользования.

Как было сказано, на многочисленных архитектурных памятниках Восточной Армении сохранилось большое количество лапидарных надписей, значительная часть которых относится к XV—XVII векам. Однако и они свидетельствуют больше о выполнении строительства того или иного сооружения или дарении отдельных мелких участков, садов, мельниц и прочего имущества и не могут оказать непосредственной помощи в изучении вопросов истории крупного феодального землевладения⁴².

Официальные документы, касающиеся права владения землей и особенно частного крупного землевладения, а также государственного и доменного землевладения и обширных вакуфных поместий в исследуемый период писались на официальном государственном языке Сефевидского Ирана—персидском языке.

Персидские официальные архивные документы, как исторические первоисточники, могут предоставить историку много достоверного материала. Будучи опубликованными властями и получившими силу закона документами, они более достоверны, чем историографические и хроникальные произведения придворных историков.

Интерес к персидским архивным документам как к историческим первоисточникам, как мы увидим ниже, имеет значительную давность, однако история их научного изучения и публикации не столь давняя и относится к 30-м годам нынешнего века.

⁴⁰ Լ. Խաչիկյան, Տնտեսական գործարքների մասին գրառումները հայերեն ձեռագրերի մեջ և նրանց աղբյուրագիտական նշանակությունը. «Բանբեր Մատենադարանի», 5, Երևան, 1960, էջ 22.

⁴¹ Там же, стр. 24.

⁴² См. Ч. Կոստանյան, Վիճակն Տարեգիր, Պետերբուրգ, 1913. «Դիվան հայ վիճագրութեան», կազմեց Ս. Գ. Բարխուդարյան, պրակ II, Երևան, 1960, պրակ III, Երևան, 1967.

В 1936—1937 гг. под редакцией Ю. Н. Марра впервые были изданы сборники документов Нахичеванского и Кубинского ханств XV—XIX вв., включающие персидские оригиналы и русские переводы 53 ханских указов и различных купчих⁴³.

Институт истории АН Грузинской ССР в 1949 году издал первую книгу составленного М. Хубуа сборника «Персидские ферманы и хокмы Музея Грузии» (персидские оригиналы с переводом на грузинский язык), которая включает 50 указов сефевидских шахов, Надир-шаха и Ираклия II⁴⁴. Опубликованные указы содержат ценные материалы, характеризующие тиульную систему и вакуфного землевладения.

Большие заслуги в научной публикации персидских документов имеет видный грузинский иранист-текстолог покойный В. Путуридзе. Издав в 1955 году объемистый сборник двуязычных (одна страница на персидском, другая—на грузинском языке) указов грузинских царей XVI—XVIII вв.⁴⁵, В. Путуридзе затем за короткий период опубликовал три выпуска новой серии персидских исторических документов XVI—XVIII вв., хранящихся в библиотеках и Государственном архиве Грузии⁴⁶. В этой

⁴³ «Передняя Азия в документах», серия памяти проф. Ю. Н. Марра, кн. I, Нахичеванские рукописные документы XVII—XIX вв., перевод и коммент. К. Н. Смирнова и Дж. Гаибова под ред. Ю. Н. Марра, изд. Груз. ФАН, Тбилиси, 1936; кн. II, «Указы кубинских ханов», Тбилиси, 1937. Этому изданию предшествовали стеклографические издания в Ереване в 1927 году оригиналов и армянских переводов нескольких персидских документов первой четверти XVIII века, выявленных акад. Аш. Иоаннисяном в Центральном государственном архиве (Москва). Это издание под заглавием «Документы об армяно-персидских отношениях» было подготовлено к изданию акад. Р. Ачаряном.

⁴⁴ მაკარ ხუბუა, საქართველოს მუზეუმის სპარსული ფირმანები და კოქმები, თბილისი, 1949.

⁴⁵ ქართულ-სპარსული ისტორიული საბუთები, გამ. ვლ. ფუტურაძემ, თბილისი, 1955.

⁴⁶ სპარსული ისტორიული საბუთები საქართველოს წიგნთსაცავებში, გამ. ვლ. ფუტურაძემ, წიგნი I, ნაკვეთი 1, თბილისი, 1961, ნაკვ. 2, 1962, ნაკვ. 3, 1963.

серии значительное место занимают важные документы по экономической и политической истории Северного Ирана, а также Закавказья и Восточной Армении. Примечательны, в частности, указы сефевидских шахов, свидетельствующие о предоставлении за определенные повинности обязанности тиулов и сойюргалов и о системе их учета и записей.

К этому же периоду относится небольшое число документов Института истории АН Азербайджанской ССР, персидские оригиналы которых с переводом на азербайджанский язык и комментариями изданы недавно Т. Мусави отдельным выпуском⁴⁷. Т. Мусави составил и другой сборник, в который включены персидские документы, относящиеся к истории Баку XVII—XIX вв.⁴⁸. Значительная часть их дарственные, повествующие о вакуфных приношениях мечетям, находившимся в Баку и его окрестностях, и предоставлявшихся им налоговых льготах.

Значительная работа проделана и по изучению официальных документов, хранящихся в архивах республик Средней Азии; важен, в частности, тот факт, что здесь обращается особое внимание на изучение документов, относящихся непосредственно к аграрным отношениям. Из публикаций до 1954 г. с этой точки зрения достойны внимания документы, выбранные из архива шейхов Джуйбара⁴⁹. Большую заслугу в публикации персидских документов архивов Узбекистана имеет О. Д. Чехович; после издания в 1954 году объемистого сборника документов XVII—XIX вв.⁵⁰, она подвергла изучению

⁴⁷ Т. Мусави, Орта эср Азербайжан тарихина даир фарс дилани-де јазылмыш сәһәдләр, Баку, 1965.

⁴⁸ Т. Мусави, Баку тарихина даир орта эср сәһәдләри, Баку, 1967.

⁴⁹ «Из архива шейхов Джуйбара. Материалы к земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в.», изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1938; П. П. Иванов, Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., изд. Института востоковедения АН СССР, М.—Л., 1954.

⁵⁰ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», вып. I, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX

документы более раннего периода. Ею издано большое количество ценных документов XIV—XV вв. (вакфнаме)⁵¹, а затем сборник более старых вакфнаме под заглавием «Бухарские документы XIV века»⁵². Публикации О. Д. Чехович выполнены на высоком научном уровне и представляют серьезный вклад в научную публикацию хозяйственных документов, составленных в соответствии с шариатским правом. Историей аграрных отношений в Узбекистане в позднее средневековье занимается Р. Г. Мукминова, которая опубликовала пространное вакфнаме Шейбани-хана (1488—1510 гг.), приложив к этому ценному оригиналу интересное исследование, посвященное истории аграрных отношений в XVI веке⁵³. Из документов, хранящихся в Таджикской ССР, опубликовано очень мало, к тому же основная часть изданных документов относится к XVIII—XIX вв. Среди имеющихся на сегодня публикаций наибольшего внимания достоин сборник, составленный А. Мухтаровым и изданный под редакцией А. А. Семенова и О. Д. Чехович в Москве, в 1963 году⁵⁴.

Сравнительно немногочисленны зарубежные публикации. После опубликованного В. Минорским в 1939 году сойюргальной грамоты Касыма Ак-Койюнулу⁵⁵, у евр. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под редакцией А. К. Арндса, изд. АН Уз. ССР, Ташкент, 1954.

⁵¹ О. Д. Чехович, Из источников по истории Самарканда XIV в. в сб. «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965, стр. 300—361.

⁵² О. Д. Чехович, Бухарские документы XIV века, Ташкент, 1965.

⁵³ Р. Г. Мукминова, К истории аграрных отношений в Узбекистане XVI в., по материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966.

⁵⁴ «Материалы по истории Ура-Тюбе», сб. актов XVIII—XIX вв., составление, перевод и предисловие А. Мухтарова, под редакцией А. А. Семенова и О. Д. Чехович, М., 1963. Ценный сборник архивных документов, освещающих историю аграрных отношений XVI—XX вв., подготовил к изданию лектор Таджикского университета А. А. Егани, см. его же «Документы к истории аграрных отношений в северных районах Таджикистана в XVI—начале XX в.», автореф. диссерт. на соискание ученой степени канд. ист. наук, Душанбе, 1968.

⁵⁵ V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, BSOS, vol. LX, part 4, London, 1939.

пейских востоковедов пробудился большой интерес к персидским архивным документам. Стали публиковаться оригиналы и переводы отдельных указов и купчих, хранящихся у частных коллекционеров, как, например, изданные Анн К. С. Ламбтон две сефевидские сойюргальные грамоты 1650 и 1703 гг.⁵⁶, или изданный Г. Р. Ромером сойюргальный указ Рустама Ак-Койюнулу⁵⁷ и несколько других примечательных документов. Среди этих отдельных публикаций наибольшего внимания достоин изданный немецким востоковедом Гербертом Хорстом оригинал вакфнаме, относящийся к дарению, сделанному Тимуром в 1403—1404 гг. ходже Али сыну шейха Сафи-эд-дина Ардабили⁵⁸. Имеются также публикации отдельных документов, приложенные к статьям. Достойны быть отмеченными публикации французского востоковеда Жана Обена, издавшего указы туркменских правителей Ак-Койюнулу, трактующие земельные пожалования и предоставляемые феодалам налоговые привилегии⁵⁹. В 1959 году был издан сборник персидских документов Британского музея в расшифровке и переводе на немецкий язык немецкого ираниста Г. Буссе; им же написаны примечательное исследование по иранской дипломатике и обстоятельные комментарии⁶⁰. Среди опубли-

⁵⁶ Ann K. S. Lambton, Two Safavid Soyurgals, BSOS, 1952, p. 45.

⁵⁷ Hans Robert Roemer, Le dernier firman de Rustam-Bahadur Aq-Qoyunlu?, „Bulletin de l'Institut français d'Archéologie Orientale“, 1960, t. LIX, pp. 273—287.

⁵⁸ Herbert Horst, Timur und Hoga Ali, Ein Beitrag zur Geschichte der Safawiden, Akademie der Wissenschaften und der Literatur Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse, 1958, no. 2, Wiesbaden.

⁵⁹ Jean. Aubin, Note sur quelques documents Aq-Qoyunlu (Archives persanes commentées, 1), Melanges Louis Massignon I, Damas, 1956. Note préliminaire sur les archives du Takya du Tchima-Rud (Archives persanes commentées, 2), Teheran, 1955. Idem, Un Soyurghal Qara-Qoyunlu concernent le buluk de Bawanat-Harat-Marwaat (Archives persanes commentées, 3) „Documents from Islamic Chanceries“, Oxford, 1965.

⁶⁰ Herbert Busse, Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen, Kairo, 1959.

кованных 23 указов имеются 4 указа Кара-Койюнулу и Ак-Койюнулу и 19 указов Сефевидов; значительное количество составляют указы о пожаловании вакуфных поместий святыням Кума и о принадлежащих мечетям сойюргалах. Древнейший указ, данный султаном Джаханшехом Кара-Койюнулу в 1453 году, относится к взимаемым с армянской общины Старой Джуги налогам.

В Иране пока не предпринято серьезных шагов по научной публикации архивных документов. Имеются бессистемные публикации отдельных документов, которые к тому же не связаны с социально-экономической историей. В последнее время изданы небольшие собрания, состоящие из документов позднесефевидского периода и времени Каджаров⁶¹. Кроме того, большое количество оригиналов ценных указов опубликовано за последние годы на страницах журнала «Исторические исследования»⁶².

Покойный В. Минорский в одном из своих писем выражал удивление по поводу того факта, что оригиналы персидских указов в самом Иране сохранились меньше, чем в архивах Армении и Грузии. Однако публикации последних лет и прочие указанные издания свидетельствуют о том, что такие документы в Иране более многочисленны и хранятся у частных лиц и коллекционеров. Надо надеяться, что новосозданное государственное хранилище рукописей в Тегеране сумеет собрать и приступить к научному изучению и публикации этих документов.

Немногие из вышеуказанных публикаций персидских архивных документов непосредственно относятся к Армении. Данные по политической и особенно экономической истории Восточной Армении содержатся преимущественно в документах, хранящихся в архивах Грузии и Азербайджана. В то же время, каждый документ, касающийся системы землевладения в Сефевидском государстве, сам по себе полезен и может содействовать

اسناد و نامه های تاریخی دوره صفویه' با مقدمه دبیر الله صفا'
تهران' ۱۳۴۳

مجله بررسیهای تاریخی 'سالهای سوم' 'چهارم' پنجم' تهران'
۱۳۴۱—۱۳۴۷

освещению многих вопросов, представляющих интерес как с точки зрения изучения аграрного строя в этом государстве, так и отдельных его регионах.

Самым богатым собранием персидских официальных документов, непосредственно относящихся к Восточной Армении XV—XIX вв., является собрание, хранящееся в фондах «Диван католикоса» Института древних рукописей имени М. Маштоца—«Матенадарана» при Совете Министров Армянской ССР.

Научное изучение этого собрания и издание документов началось около 17 лет назад. Автор настоящих строк подготовил и издал первый и второй выпуски указов XV—XVII вв., а также первый выпуск серии «Купчие» (XIV—XVI вв.)⁶³.

Подробное описание собрания персидских документов Матенадарана и особенно общая источниковедческая оценка указов дана в предисловиях вышеуказанных наших изданий, а также в другом нашем труде, посвященном этому собранию⁶⁴. Ниже мы попытаемся нарисовать лишь краткую историю возникновения и сохранения собрания и дать общую характеристику документов, оставившаяся преимущественно на описании шариатских актов и купчих как исторических первоисточников.

В больших и малых монастырях средневековой Армении хранились и дошли до нас многочисленные документы на арабском, а также на турецком и еще больше на персидском языках, которые хотя и относятся преимущественно к истории монастырского землевладения и социально-экономическому положению армянских общин, но, отражая имевшиеся в то время порядки и правовые нормы, в равной степени являются важными

⁶³ «Персидские документы Матенадарана». I. Указы, выпуск первый (XV—XVI вв.), составил А. Д. Папазян, Ереван, 1956; выпуск второй, (1601—1650 гг.), Ереван, 1959 (далее—Указы, I, II). Персидские документы Матенадарана, II, Купчие, выпуск первый (XIV—XVI вв.), Ереван, 1968 (далее—Купчие).

⁶⁴ А. Д. Папазян, Персидские, арабские и турецкие официальные документы Матенадарана XIV—XIX вв. и их значение для изучения социально-экономической жизни стран Ближнего Востока, М., 1960; см. также Հ. Փափազյան, Երկու նորահայտ իլիսանական լուսիկներ, «Բանբեր Մատենադարանի» №. 6, 1962, էջ 379—401.

источниками по изучению истории социально-экономических отношений некоторых стран Ближнего Востока, в особенности Турции и Ирана в XIV—XIX вв.

Большая часть указанных документов еще в XVIII—XIX вв. была сосредоточена в Эчмиадзинском монастыре. Некоторое количество документов было доставлено сюда из монастырей Западной Армении, особенно в годы первой мировой войны. Эти более чем 1500 официальных персидских (а также арабских и турецких) документов хранятся ныне в фонде «Диван католикоса» архивного отдела Матенадарана и числятся в папках 1а, 1б, 1г, 1д, 1е, 1з, 2а, 2б, 3 и 4. Небольшое количество документов рассеяно по другим фондам, в частности в фонде Личных архивов. Здесь имеются также личные дела отдельных представителей восточноармянского дворянства XIX века, являвшихся потомками армянских светских феодалов; в этих делах содержится несколько десятков ценных персидских документов XVI—XIX вв.⁶⁵ Значительное число составляют сохранившиеся в виде рукописных книг сборники копий документов, которые зарегистрированы в фонде восточных рукописей Матенадарана⁶⁶.

Научный интерес к указанным документам имеет примерно двухсотлетнюю историю. Первым, кто подверг эти документы специальному исследованию, был католикос Симеон Ереванци (1763—1780). На основе этих документов он в своем известном труде «Джамбр»⁶⁷ дал историю земельных владений Эчмиадзина и других монастырей Восточной Армении и жалованных им налоговых привилегий.

Проявив исключительную заинтересованность в расширении и обогащении принадлежащих Эчмиадзинскому

монастырю земель, а также в укреплении общественно-политического авторитета католикосского престола Эчмиадзина, Симеон Ереванци сумел на основе этих документов восстановить и укрепить права монастыря на целый ряд деревень. Он с сожалением отмечает, что из-за небрежности его предшественников многие ценные документы исчезли из монастырского архива. «Когда я приступил к этому делу, то часто вздыхал и впадал в отчаяние, пока писал, ибо то, что я желал и надеялся найти, и даже был уверен, что это наверное находится в св. Престоле,—многое из того я не нашел»,—пишет он⁶⁸. Неоднократно он завещает своим преемникам заботливо хранить и обогащать архив официальных документов; сам он перенес в Эчмиадзин многие документы, хранившиеся в монастырях Восточной Армении (Тегард, Хавуц-Тар, Хор-Вирап, Дзагаванк, Кечарис, Севан, Айреванк, Бжни, Гошаванк, Ованаванк, Сагмосаванк, Мугни и т. д.).

Впоследствии отдельные представители армянской клерикально-буржуазной историографии также проявляли известный интерес к арабским, персидским и турецким документам, хранившимся в Эчмиадзинском и других монастырях или в личных архивах последних отпрысков армянского дворянства; достойны упоминания имена С. Джалалянца⁶⁹, М. Смбатяна⁷⁰, А. Тер-Овнаняна⁷¹, Г. Тер-Ованнесяна⁷² (Мурадан), А. Мелик-Акопяна (Раффи)⁷³ и А. Бабаханяна (Лео)⁷⁴. Следует отметить, однако, что исследования упомянутых авторов фрагментарны и не могут сравниться с оригинальным трудом католикоса Симеона Ереванци, который и по сей

⁶⁵ «Ջամբր», стр. 209. См. русский перевод, стр. 283, 1858.

⁶⁶ Ս. Զալալյանց, Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան, Կ. Ք. Տփլիս, 1858:

⁶⁷ Ք. Սմբատյանց, Տեղադիր Գեղարքունի ծովադարձ գաւառի, Վաղարշապատ, 1890; Նկարագիր Ս. Կարապետի Վանից, Տփլիս, 1904:

⁷¹ Լ. Տեր-Հովհաննյան, Պատմութիւն Նոր Զուգայու, որ յկապահան, Կ. Ս.-Ք., Նոր Զուգայու, 1880—1881:

⁷² Գ. Տեր-Հովհաննիսյան, Բաղդասար մեղրոպոլիտի կենսագրութիւնը, «Փորձ» ամսագիր, 1880, № 5:

⁷³ Բաֆֆի, Խառնայի մելիքութեանը, Թիֆլիս, 1895:

⁷⁴ Լեո, Հայոց պատմութիւն, Կ. Ք., Նրեան, 1946:

⁶⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 250; фонд личных архивов, пап. 80 г, дело Мелик-Шахназарянов, док. 1—4.

⁶⁶ Рукописи № 75, 103, 117, 231, 233.

⁶⁷ Մրմնն Երևանցի, Ջամբր, Գիրք որ կոչի յիշատակարան արձանադրութիւն, հայելի և պարունակոյ բնակից արդիւնութեանց Սրբոյ Արևանայ, և իւրոյ շրջակայից վանորէիցն, Վաղարշապատ, 1873: Издан русский перевод «Джамбра», выполненный С. Малхасяном под редакцией П. Арутюняна. См. Симеон Ереванци, Джамбр, Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей, М. 1958.

день служит важным источником и представляет собой заслуживающий внимания образец оценки и использования архивных документов.

Однако начало подлинно научному исследованию рассматриваемых документов было положено в 30-х годах нынешнего столетия, когда отдельные советские ученые-востоковеды стали знакомиться с содержанием этих документов и писать по этим материалам исследования. Особое место среди этих исследований, как было сказано, занимают труды И. П. Петрушевского, в которых документы Матенадарана получили всестороннюю научную оценку⁷⁵.

Персидские архивные документы Матенадарана могут быть разделены на три основные группы: а) указы, б) купчие и в) переписка официального и личного характера.

Наименование «указы» используется здесь в довольно широком понимании, имея в виду сугубо официальный характер документов и высокое административное положение инстанции, издававшей их, а также то обстоятельство, что входящие в эту группу документы, независимо от того, кем они изданы и в связи с чем, содержат официальные инструкции и решения, которые обладали силой закона и подлежали выполнению исполнительными органами.

С этой точки зрения, документы этой группы, безотносительно к их содержанию, в свою очередь могут быть разделены на три основные группы в соответствии с инстанциями, издавшими эти указы: а) шахские указы, б) ханские указы и в) решения религиозных предводителей—шейх-ул-исламов или муфтиев, которые также утверждены шахским указом к исполнению.

Указы, изданные как в период ильханства и туркменских династий, так и при Сефевиде и Надир-Шахе, являются достоверными официальными документами для исследования монастырского землевладения Восточной Армении, а также крупного военно-ленного зем-

⁷⁵ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 7—11, См. его же, Персидские официальные документы XVI—начала XIX вв., как источник для истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, «Проблемы источниковедения», т. III, 1940.

левладения. Особенно большую ценность представляют указы о сойюргальных пожалованиях, тиулнаме и указы, жалующие налоговый иммунитет.

Следует отметить, что указы Кара-Койюнлу и Ак-Койюнлу по своей внешней форме и стилю изложения весьма схожи, но отличаются от указов Сефевидов. Хотя при Сефевиде в указах о воинских повинностях кочевых племен, а также о вакуфном феодальном землевладении и некоторого иного рода пожалованиях сохраняются еще формы, принятые в период туркменского владычества, однако указы, изданные по многим другим поводам, значительно упрощены и писались более лаконичным и свободным от излишеств языком. Последних указов больше, они именовались «рагам» (رقم).

Сефевидские указы, независимо от их содержания, отличаются стилем своего изложения и в основном имеют два наименования—«ферманы» и «хокмы» (فرمان، حکم). Ферманы обычно начинаются словами «فرمان همايون شد» („Августейший указ последовал“)⁷⁶ или «فرمان همايون» („Августейший указ издан“)⁷⁷, а хокмы словами «فرمان جها نسطاع شد» („Высочайший указ последовал“)⁷⁸.

Пока еще не выяснено основное различие между этими двумя видами указов. Отмечено, однако, что хокмы обычно писались на основе прошений, подаваемых в связи с разными вопросами («аризе—عرضه» или «арзедашт—عرضه داشت»); хокмы писались или в свободной верхней части самого прошения⁷⁹ или же отдельно⁸⁰ и на них ставилась особая четырехугольная печать шаха или же круглая печать верховного присутствия (диван-е а'ла), на которой имелась надпись «مهرمسودة دیوان اعلی» („печать верховного присутствия“)⁸¹. Иногда круглой печатью шаха закреплялись те хокмы, которые давались в

⁷⁶ Указы, I, док. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 22; II, док. 2, 3, 4, 5, 6, 7.

⁷⁷ Указы, II, док. 1, 10, 11, 19, 23, 27, 37, 40, 43.

⁷⁸ Там же, док. 20.

⁷⁹ Там же, док. 11, 40.

⁸⁰ Там же, док. 1, 10, 19, 23, 27, 43.

⁸¹ Там же, док. 40.

подтверждение фетв шейх-ул-исламов⁸². Имеются также указы, представляющие собой краткие резолюции на прошениях; они закреплены небольшой печатью яйцевидной формы, которая, видимо, была вделана в перстень⁸³.

Ферманы обычно издавались отдельно или в подтверждение решений диван-ал-садарата или «мисалов» (مِسَال) и обязательно скреплялись большой круглой печатью шаха⁸⁴. Они обычно писались на другой странице «мисалов» и обладали весьма лаконичным и шаблонным содержанием. В них не объясняется, в связи с каким вопросом издан указ, но говорится лишь: «поступить согласно опубликованному при сем примерному мисалу диван-ал-садарата, не отклоняться от его смысла и содержания и считать обязательным решение светлейшего Шар'а»⁸⁵. В мисалах же затрагивались многообразные вопросы, касающиеся, в частности, гражданских прав представителей различных сословий и прав собственности, наследования, а также вопросов правового положения отдельных социальных слоев населения.

Что касается фетв, то они писались в форме вопросов и ответов, при этом в одном документе могли быть один или более вопросов и ответов. Иными словами, один документ может содержать несколько фетв. Вопросы задавались гражданскими судебными органами—«урфом» (عُرف) или местными хакимами и ханами шейх-ул-исламу или муфтию, которые возглавляли судебное присутствие Шар'а—когда возникала надобность уточнить отношение шариата к конкретному инциденту, спору или судебному делу. Обычно вопрос начинался следующей формулой: «Что приказывают мудрые улема (богословы) и мудрецы догмы Ши'a,—пусть их слово вечно живет в мире,—по поводу следующего вопроса...»⁸⁶, затем излагался спорный вопрос с просьбой объяснить,

⁸² Там же, док. 11.

⁸³ Там же, док. 39.

⁸⁴ Указы, I, док. 12, 13, 14, 15, 16, 17, 22; II, док. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 20.

⁸⁵ Указы, II, док. 15.

⁸⁶ Там же, док. 16. چه فرمایند علمای امامیه و فقهای اثنا عشریه، ابدت ایام افادتهم بین المبره در بیان این مسئله

соответствует ли он духу шариата или нет⁸⁷. Вопрос вообще задавался таким образом, что ответ мог быть чрезвычайно лаконичен; обычно ответ давался одним словом: «да» (بله) или «нет» (نه). Этому лаконичному ответу сопутствовали довольно пространные выражения восхваления, после которых упоминалось имя религиозного предводителя, давшего фетву, и ставилась его печать⁸⁸.

Отдельные ферманы и хокмы, к которым не приложены мисалы или фетвы и которые не написаны на прошениях, также преимущественно имеют письменное обоснование. В верхней части другой страницы этих указов отмечалось: «Согласно отношению его превосходительства счастливого и высокопоставленного, наимудрейшего этемад-уд-довле»⁸⁹. Если указ давался в подтверждение опубликованного в прошлом другого указа, то упомянутая резолюция сопровождалась отметкой: «по содержанию бывшего указа» или «согласно прежнему указу, который находится у владельца указа»⁹⁰. На оборотной стороне указов, не имевших какого-либо письменного сопровождения и данных на основе устного распоряжения самого шаха или э'темад-уд-довле, отмечалось: «Согласно высочайшему устному повелению» и прикладывалась печать э'темад-уд-довле⁹¹.

На оборотной стороне указов имеются и другие пометки и печати, которые свидетельствуют о регистрации данного указа, согласно его принадлежности, в соответствующих книгах дворцовой канцелярии—диванхане. Обычно на оборотной стороне указов, в частности тиулнаме, приводился список отданных в тиул сел или прочих обложенных налогом объектов и общин, с

⁸⁷ بمقتضى الشریعہ بانہ، یمتنوا ووجروا

⁸⁸ Указы, II, док. 11, هویتى—والله اعلم وانا الفقير الى الله

الغنى الحسين بن حيدر الحسنى (مهر)

⁸⁹ Там же, док. 20, 32 ازقرار نوشتہ سیادت و وزارت و اقبال پناه عالیجاهی سلطان العلمائی اعتمادالدوله العلیه العالیه الخاقانیه

⁹⁰ Там же, док. 8, 23. بمضمون رقم سابق، بر عنوان پروانچہ سابق، که نزد صاحب پروانچہ است

⁹¹ Указы, II, док. 37, 39, 43. بالمشافهه العلیه العالیه

подробным перечнем доходных статей, что называлось «бараворд» (براورد)⁹².

Указы, или та'лике (تعليقه), правителей (вали) Грузии и бекларбеков крупных вилайетов, например ереванских ханов, имели более простой вид и начинались словами «высокий указ опубликован» (حكيم عالی شد); печать, обычно яйцевидной или четырехугольной формы, ставилась в конце документа, сразу же после даты, нередко и на оборотной стороне его. Здесь также имеются отметки о регистрации указа в соответствующих журналах ханских диванхане и прочие необходимые отметки, которые скреплены печатями провинциальных должностных лиц⁹³.

В другую большую группу персидских документов входят документы, относящиеся к отчуждению, купле-продаже и дарению земельной собственности; эти документы мы называем общим термином «купчие». Они представляют собой преимущественно акты, составленные в шариятских канцеляриях или «махзарах» и носящие особые наименования в соответствии с характером скрепляемой сделки.

Обычно все акты относительно отчуждений всякого рода назывались «кабале» (قبالة), что означает буквально соглашение, составленное по какому-либо делу. Однако в средние века так назывались документы, скреплявшие куплю-продажу земельной и прочей собственности. Независимо от того, по какому поводу написан документ, если он подтверждал принадлежность данного имущества какому-либо лицу или религиозному учреждению, он считался кабале.

Акты, составленные о продаже за наличные деньги, без каких-либо предварительных условий, назывались «кабале-е бей'-у-шира — قبالة بيع و شرا» («кабале купли-продажи») ⁹⁴, а акты о продаже, предусматривающие право сторон на расторжение сделки, назывались «кабале-е бей'-у-шарт — قبالة بيع و شرط» («кабале

⁹² Указы, I, док. 22. См. также А. Д. Папазян, К вопросу о техническом значении налогового термина «Малоджахат», Изв. АН Арм. ССР, серия обществ. наук, 1961, № 2, стр. 61—82.

⁹³ Там же, док. 34, 36.

⁹⁴ См. Купчие, док. 6, 9, 10, 15, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27.

продажи и условия»). Кабале подобного рода чаще встречаются среди документов XVII века⁹⁵.

Шариятско-нотариальные акты, относящиеся к продаже земельной собственности, по манере изложения схожи. Однако имеются кабале как с пространным, так и лаконичным текстами. Некоторые акты XIV—XVI вв. весьма обстоятельны и содержат подробности, касающиеся операции отчуждения, самого отчуждаемого объекта, продавца и покупателя; встречаются кабале этих же веков с более кратким описанием операции по купле-продаже; они относятся преимущественно к продаже отдельных дангов (частей) мулковых сел и больших и малых земельных участков пахотной земли и садов⁹⁶. Надо отметить, однако, что акты XVII—XVIII вв. относительно купли-продажи сел и прочей земельной собственности имеют более простую форму и лишены инвокаций и частично—конечных протоколов. Так, например, если кабале 1489 года «бей'-у-шара» всего мулька Ошакана со всей обстоятельностью изложено на бумаге размерами 256×20 см⁹⁷, то в кабале 1674 года «бей'-у-шарта» продажи одного данга мулька этого же села упомянуты только имена продающего и покупающего, продаваемый объект и его стоимость, а в конце его имеется отметка об условности сторон о том, что если в течение двух лет продающий возвратит указанную сумму, он имеет право объявить продажу несостоявшейся и получить свой мулк обратно⁹⁸.

Акты, касающиеся вакуфных дарений, или, как было принято называть, «вакфнаме» (وقفنامه), также в целом сходны, однако и они обычно излагались весьма пространно, хотя встречаются вакфнаме и с лаконичным содержанием.

Те документы, в которых лишь фиксировалось приращение в дар или в вакф кем-либо своих имений, представлявших наследственную собственность или приобретенных в прошлом за деньги, какому-либо религиозному или благотворительному учреждению, именовались толь-

⁹⁵ Матенадаран, Диван католикоса, нап. 16, док. 160.

⁹⁶ Купчие, I, док. 6, 10, 15, 17, 20, 21, 22, 23, 25, 27.

⁹⁷ Там же, док. 9.

⁹⁸ Матенадаран, Диван католикоса, нап. 16, док. 160.

ко «вакфнаме», иногда с прибавлением частицы «че» (چە) — «вакфнамче» (واقفنامچه). Хотя вообще частица «че» придает слову уменьшительный оттенок, однако не в данном случае, поскольку «вакфнамче» именовались и пространные и лаконичные вакфные акты.

Согласно шариатским законам, только то имущество могло быть принесено в дар или стать «вечной собственностью» какого-либо религиозного учреждения, принадлежность которого дарителю была неоспоримой. Иными словами, они должны были быть унаследованными или законно приобретенными, поэтому часто в документе прежде всего фиксировались сведения о покупке одного и более сел и прочей недвижимости, а затем говорилось о передаче их в вакф тому или иному религиозному учреждению. Подобные документы, таким образом, как бы совмещали и «кабале» и «вакфнаме», потому и назывались «кабале-вакфнаме». Известен, например, один оригинал «кабале-вакфнаме» земель, подаренных в 1403—1404 гг. Тимуром ходже Али сыну шейха Сафи-эд-Дина Ардабили, этот документ, как было отмечено выше, в 1958 году издал немецким востоковедом Г. Хорстом⁹⁹.

Характерным примером «кабале-вакфнаме» является пространный шариатский акт 1431 года о проданных Амир-Рустамом, сыном Бенкена Орбеляна из Сюника, семи сел католику Григору Маквечи и переданных последним в вакф Эчмиадзинскому монастырю¹⁰⁰. Таким же кабале-вакфнаме является акт, составленный в 1450 году о покупке предводителем Татевского монастыря вардапетом Шмавоном Ангехакотци у того же Амир-Рустама Орбеляна мулков сел Свари, Тацзатап, Ташу, Агапц и Коцмакот и передаче их в вакф Татевскому монастырю¹⁰¹. То же самое можно сказать о древнейшей купчей села Вагаршапат, датированной 1430 годом¹⁰², с той лишь разницей, что здесь купля отдельных дангов мулка села имела место не непосредственно перед дачей их в вакф; в акте предварительно дается краткое

⁹⁹ См. Н. Horst, указ. соч., приложение.

¹⁰⁰ Купчие, I, док. 5.

¹⁰¹ Там же, док. 7.

¹⁰² Там же, док. 4.

изложение оригиналов отдельных кабале о покупке в три приема в 1429—1430 гг. у разных владельцев настоятелем Эчмиадзинского монастыря Григором, сыном Смбага, а затем уже отмечается, что все село отдается в вакф Эчмиадзинскому монастырю.

Имеются также другие шариатские акты, подтверждающие вакуфную собственность монастырей или принадлежность отдельных сел или частей их тому или иному собственнику земли; подобные акты писались и публиковались в связи с возникшими впоследствии спорами и разногласиями, или во время ревизий собственниковских прав, проводившихся по разным поводам. Некоторые из них, обладающие специальной формой изложения, составлялись, по-видимому, в присутствии становых духовных судей (دار القضاء معسدر ظفرانور). Согласно даваемому в начале актов разъяснению, они составлялись на основе проведенных проверок действительного наличия у собственников «царских указов», «достоверных, истинных и доподлинных документов и обоснованных актов, написанных достойными доверия прежними и нынешними кази» и на основе свидетельств, данных «сановитыми, благомыслящими людьми» даншого места¹⁰³. Подобные акты составлялись также в местных присутствиях Шар'а и скреплялись печатями прислужников» или помощников Шар'а (хадем — خادم) и кази¹⁰⁴. Эти документы, а иногда и обычные вакфнаме и купчие рассматривались как «приговоры» — документы, подтверждающие права кого-либо, что по шариатской терминологии называлось «ходжат» — «доказательство»).

Как было указано, ходжаты доказывали или подтверждали различные права собственности или владения землей; так, например, составленный в 1508 году в Нахичеване шариатский акт подтверждал, что 14 сел, находившихся в махалах Урут и Кеги Капаната и Сисаджан Туман-е Нахчевана, вначале принадлежали вардапету Шмавону, сыну Хачатура и были переданы последним в вакф Татевскому монастырю. В начале акта особо отмечается, что он составлен для того, чтобы

¹⁰³ Там же, док. 3, 11, 13, 18.

¹⁰⁴ Там же, док. 14.

«положить конец спорам» (القطع الغيل القال)¹⁰⁵. В акте, составленном в 1504 году в присутствии становых судей Нахичевана, утверждаются права собственности ходжи Фатхи-бек Туси на отдельные части сел Дрнис и Тана-керт и хуторов Сал, Бердак и прочих¹⁰⁶. А в двух других актах, относящихся к 50-м годам XVI века, подробно описаны и установлены границы принадлежавших Татевскому монастырю сел Хот, Шнхер, Халидзор и других¹⁰⁷. Эти документы, хотя и имели вид приговора и являлись преимущественно актами присутствия гарнизонных судей, но, будучи по содержанию актами, уточнявшими границы, именовались также «сархаднаме» (سرحدنامه), или «сунурнаме» (سمنورنامه), что означает «описание границ».

До нас дошли документы разного типа, касающиеся уточнения границ отдельных сел, крупных и мелких земельных владений; многие из этих документов являются актами, составленными в результате проведенных проверок при участии представителей спорящих сторон и утвержденными со стороны местных избранных и доверенных лиц. Подробное описание границ села или «кефшан» (كفشان) содержит пространный и в некотором смысле весьма оригинальный акт 1506 года, подтверждающий, что мулк Дибкянда—одной из свободных крестьянских общин Дарашамба—является собственностью общины того же села¹⁰⁸.

Тяжбы о собственности или праве наследования земель иногда длились годами. Письменные жалобы против часто повторяющихся захватов из местных пизовых присутствий достигали иногда шахского дворца и после рассмотрения в высшем диване разрешались в пользу той или иной стороны. Нередко споры завершались обоюдным соглашением сторон. В этом случае составлялись специальные акты, которые назывались «мусалихенаме—مصالحه نامه» («мирное соглашение»). Таким актом об обоюдном соглашении является документ, составленный в 1489 году при падишахе Ягубе

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Там же, док. 11.

¹⁰⁷ Там же, док. 3 и 18.

¹⁰⁸ Там же, док. 13.

Ак-Койюндлу, согласно которому объявленные собственностью Бейт-ул-мала поместья вардапета Закария Хавуц-Тареци возвращались владельцу¹⁰⁹.

Однако этим не исчерпываются все виды шариатских актов; среди документов XIV—XVII вв., как и последующего периода, имеются многообразные акты, составленные в связи с самыми различными формами отчуждения земли и касающиеся социального положения и юридических прав тех или иных групп населения. Все эти акты имеют свое наименование. Так, документы, касающиеся купли-продажи, обычно называются кабале-йе бей'у шара' (قبالة ببيع وشراء), документы об условной продаже называются кабале-йе бей'у шарт (قبالة ببيع وشرط), акты, относящиеся к аренде («иджаре-йе шар'ийе—اجارة شرعية») земли или другого доходного имущества, назывались «иджаренаме» (اجاره نامه), относящиеся к залогу—«мурахиненаме» (مراهنه نامه), к разного рода обменам—«муавизенаме» (معاوضه نامه), акты, составленные о приношении в дар или отказе от собственности прав в чью-либо пользу—«мувахибенаме» (مواهبه نامه) и т. д.

В Диване католикоса сохранились и прочие документы, которые не являются шариатско-нотариальными актами, а даны высшими и низшими финансовыми чиновниками областей или округов в подтверждение прав на землю как отдельных собственников, так и религиозных учреждений. Подобные документы выдавались во время эпизодически проводившихся в фискальных целях общих ревизий, ставивших целью учет всех категорий собственности, имевшихся в наличии в данном округе или вилайете. Подобным документом является, например, акт, составленный в 1504 году во время ревизии земельных владений во всех областях новосозданной империи Сефевидов в начальные годы правления шаха Исманла¹¹⁰. Согласно ему, «управляющий делами Азербайджана», или «везир», в указанный год проверив по поручению высшего дивана право всех собственников в Азербайджане, подтверждал, что некоторые мулки,

¹⁰⁹ Там же, док. 8.

¹¹⁰ Там же, док. 12.

находившиеся в вилайете Маку, принадлежали Тадеосу, сыну Манвела, и его сыну Мириджану.

Резолюции на некоторых документах XVI века, сделанных в 1557—1558 гг. и скрепленных печатью везира Азербайджана Мирза-Атауллы, свидетельствуют о том, что подобная общая ревизия земельных владений была проведена в году, последовавшем за заключением (в 1555 году) ирано-турецкого мира¹¹¹.

В этих резолюциях сказано, что в месяц рамазан 964 года хиджры (июнь—июль 1557 г.) шахским указом было предложено подвергнуть ревизии все государственные земли и прочие земельные владения. Следовательно, на кабале тех владений, права собственников которых не вызывали сомнений, везир накладывал краткую резолюцию о том, что в отношении этих владений он не имеет каких-либо возражений. Однако в отдельных случаях, когда было необходимо более обстоятельно разъяснить результаты проведенной ревизии («بازدید وپرسش»), везир, ссылаясь на вышеупомянутый указ, давал частные определения¹¹².

Не останавливаясь на особенностях стиля изложения и содержания каждой купчей, который соответствовал характеру данной сделки, отметим, что классические образцами шариатских купчих являются пространные акты XV—XVI вв. Обычно они писались на довольно прочной бумаге длиной 1—3 метра, которая изготовлялась из более коротких листов, склеенных друг с другом. Места соединения листов были скреплены печатью и утверждены подписями писцов, а иногда и начальника ипотариальной канцелярии Шар'а. Печати преимущественно ставились на лицевой части документа, а иногда—на оборотной стороне.

Тексты написаны иногда простым, иногда вычурным почерком «насх», в отдельных случаях—некоторыми элементами «дивани» или «шикасте», на левой стороне бумаги; справа оставались широкие поля. Встречаются также небольшие купчие, написанные почерком «шикасте-наста'лик».

В верхней части документов оставлялось свободное

¹¹¹ Там же, док. 13 и 18.

¹¹² Там же, док. 19.

место, где помещались резолюции кази, начальника канцелярии Шар'а и других служителей ее, скрепленные их печатями. Визирующие надписи имеются и на правых полях документов. В конце оригинала под заголовком «Свидетели», «Присутствовавшие на заседании»¹¹³ перечислялись имена людей, находившихся в присутствии Шар'а: иногда общим списком, а чаще в нижней части документа и на полях ставились записи «свидетельствую», «по свидетельству», «настоящим свидетельствую», «содержание подтверждаю» и пр.¹¹⁴.

Шариатские акты, как было отмечено, обычно имели пространные или краткие инвокации, прославлявшие бога и пророка¹¹⁵. Следующая за этим началом купчая начиналась словами «и далее» («و بعد») или «и, однако, далее» («و اما بعد»), которые писались более крупно, чем текст оригинала. Сама купчая начиналась преимущественно словами, обычными в средневековой документике: «причина письма такова...»¹¹⁶. Или же прямо писалось: «это шариатский акт», «это шариатский документ» или «содержание настоящего шариатского акта следующее» и т. д.¹¹⁷.

Вообще язык купчих коренным образом отличается от языка шахских указов того же периода. Указы, которые писались в дворцовых канцеляриях, изложены писцами, или мунши, обладавшими хорошей специальной подготовкой и стилем письма; эти документы писались высокопарным, но выработанным в течение веков строгим и грамотным языком. Купчие же, которые составлялись преимущественно в традиционной арабской форме в канцеляриях Шар'а или «махзарах» и писались прислужниками Шар'а—«хадемами» в местных административных центрах—Нахичеване, Ереване, Ордубаде и т. д.

الشهود، حضار المجلس، بمحضری

بگواهی، شهید بما فیہ، انا شاهد علی ذلك، صح مضمونه

الحمد لله، الحمد لله، الحمد لله

باعث بر تحریر این و ثبوتہ... باعث بر تدریس این و معاقدہ... موجب

تتمیق این مقدمات... غرض از تفسیق این کتاب... غرض این نوشتہ

فہذا کتاب شرعی... فہذہ حجۃ شرعیہ... مضمون این کتاب

صحیح شرعی انکہ

изобилуют многочисленными стилистическими и орфографическими ошибками.

Большая часть кабале и вакфнаме XIV—XV вв. написана на арабском языке. Имеются также купчие, написанные на арабском языке с примесью персидского или на персидском языке с примесью арабского. В XVI веке арабских купчих уже меньше, а в XVII—XVIII вв. они встречаются совсем редко. Однако и на персидских актах резолюции кази и пачальника и других служителей канцелярии Шар'а, а также инвокации и концовки писались преимущественно на арабском языке.

Несравненно более грамотно написаны персидские купчие. В арабских документах, а также в арабских фрагментах купчих, написанных смешанным языком, имеются многочисленные стилистические и орфографические ошибки. Такого рода погрешности в арабских оригиналах позволяют утверждать, что в уездных, а иногда и областных канцеляриях Шар'а имелись формы актов, выработанные для разных сделок; они механически переписывались невладельцами арабским языком писцами и приспособлялись к данной сделке. Заметно также, что акты, составленные в более высоких инстанциях, изложены более грамотно и свободны от ошибок.

Следует отметить, однако, что некоторые грамматически неверные формы и обороты переходили традиционно и веками повторялись в актах Шар'а, становясь уже своего рода штампами. Изложение текста вперемежку с персидским языком иногда приводило к опущению определительных артиклей, что свойственно персидскому языковому мышлению.

Будучи юридическими документами о земельной собственности и прочем недвижимом имуществе, купчие заботливо хранились и переходили от поколения к поколению. На них в разные времена ставились различные резолюции, делались пометки, подписи; иногда в их текст вносились исправления, что весьма усложняет правильное прочтение и расшифровку документа. Еще более сложной является расшифровка собственных имен и географических наименований, особенно в тех случаях, когда документы писались неграмотными писарями или «кятибами».

Следует отметить, что хотя значительная часть купчих представляет собой акты, свидетельствующие куплю-продажу мулковых сел и прочей недвижимости, нередко между частными лицами, большая часть их оказывалась в архивах монастырей. Это объясняется тем, что при продаже или дарении монастырю той или иной недвижимости новому владельцу передавались также и более старые документы, относящиеся к отчуждаемой собственности, о чем имеются иногда соответствующие пометки. Так, например, на уже известном нам кабале Ошакана 1489 года рукою Симеона Ереванци написано: «Когда мы приобрели мулк этого села взяли и эту старую купчую»¹¹⁸.

Таким образом, когда мы говорим о купчих, хранившихся в архивах Эчмиадзинского, Татевского, Гандзасарского, Хавуц-Тарского монастырей, на первый взгляд может показаться, что они относятся исключительно к вакуфным монастырским владениям и как таковые могут быть полезны только для изучения монастырского землевладения. Однако значительная часть документов, как, например, упомянутая выше купчая Ошакана и десятки других купчих фиксируют отчуждение самых различных категорий земельной собственности. Поэтому они являются незаменимым первоисточником для исследования истории крупного феодального землевладения и других вопросов аграрных отношений изучаемого периода.

¹¹⁸ Указы, I, стр. 361.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОСТОЧНАЯ АРМЕНИЯ ПОД ВЛАДЫЧЕСТВОМ СЕФЕВИДОВ

Последние отпрыски крупных армянских феодальных домов (Допяны, Прошяны, Вачутяны и др.), утвердившихся в Восточной Армении в период владычества Захаридов, начиная со второй половины XIV века стали постепенно терять свои господствующие позиции¹. В XV веке в Восточной Армении княжескими прерогативами в определенной мере пользовались только Хасан-Джалальяны Хачена и последние представители Орбелянов из Сюника—Бешкен, сын Смбата, и его сын Рустам², XV век по праву считается завершающим веком в истории светского феодального землевладения Армении. В течение этого и последующего XVI столетия продолжались систематические преследования и физическое истребление представителей уцелевших армянских феодальных родов, земли которых перешли в руки знати тюркских кочевых и полукочевых племен. Именно в течение этих столетий армянские светские феодалы как политическая сила были вытеснены с исторической арены.

Процесс ликвидации армянского светского феодаль-

¹ Հ. Մանանդյան, Քննական տեսութուն հայ ժողովրդի պատմութեան, հ. 3, Երևան, 1952, էջ 320—329.

² Թովմա Մեծովեցի, Պատմութիւն Լանկ-Քամուրայ և յաջորդաց իւրոց, Փարիզ, 1960, էջ 117—118. Լ. Խաչիկյան, Ժի դարի հայերեն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն Ա., Երևան, 1955, Առաջարան, էջ XLVII—XLVIII. Հ. Փարիզյան, Մի էջ Արեւելյան Հայաստանի քաղաքական կյանքի պատմութունից. Հայկ. ՍՍՀ. ԳԱ «Տեղեկագիրք» (հաս. գիտ.), 1955 № 8.

ного землевладения не протекал гладко. Действия завоевателей вызывали сопротивление местного населения, и в том числе представителей армянского феодализма, сохранявших еще в той или иной мере свои позиции.

Некоторые представители армянских феодалов в целях сохранения своих земель и привилегий, принимали мусульманство. Другие продолжали сопротивляться политике насилий завоевателей и принудительной исламизации, осуществлявшейся завоевателями, однако неизбежно мельчали или вовсе вытеснялись из класса феодальных собственников; некоторые в поисках лучшей доли вынуждены были испытывать судьбу, обратившись к торговле³.

В результате этого, если в источниках XV века еще встречаются упоминания об отдельных крупных армянских светских феодалах, то в XVI веке упоминания имен даже мелких феодалов, которые владели бы незначительными земельными участками или долями мулковых деревень, чрезвычайно редки.

Крупная армянская земельная собственность в Восточной Армении после XV—XVI вв. представлена только монастырским землевладением. В условиях религиозных преследований и террора, осуществлявшихся на протяжении XV века завоевателями, многие из последних представителей армянских феодальных домов, стремясь спасти от захватов то немногое, что оставалось от их бывших земельных владений, «дарили» монастырям свои земли и, приняв духовный сан, пытались сохранить свои наследственные права на эти имения и феодальные привилегии в отношении крестьян.

Однако как в Османской Турции, так и под властью Сефевидов, привилегии, которыми пользовалось армянское духовенство, сводились лишь к налоговым льготам⁴. Естественно, что они в корне отличались от тех привилегий владельцев «сойюргалов» и «олка», которые предоставлялись высокопоставленным амирам и предводителям кызылбашских племен; их привилегии заключались, в частности, в праве налогового и административ-

³ Эти вопросы более подробно рассматриваются в следующей главе настоящего труда.

⁴ См. об этом подробнее главу шестую настоящего труда.

ного иммунитета («Муаф»). Разумеется, в Сефевидской империи, как и в любом другом феодальном государстве, «...высшая власть в военном деле и в суде была атрибутом земельной собственности»⁵. Главы племен, представляющие военно-феодальную знать и составляющие опору государственной власти, были крупными феодальными собственниками земель в различных частях государства, в том числе и в Восточной Армении.

В течение XVI века институт «сойюргала», который сформировался в период владычества туркменских династий в предыдущем столетии, еще бытовал в практике феодального землевладения. Однако в течение XVI в., в бурный период формирования и перемещений новых военно-феодальных племенных союзов кызылбашских племен, или илов («улусы» и «эхшамы»), указанный институт пережил определенный процесс разложения; преобладающей формой феодального землевладения становилось служебное ненаследственное и неиммунитетное владение—тиул.

Вследствие передвижений кызылбашских илов в Восточной Армении и перераспределения крупной земельной собственности их («олка»), в большей части области исторической Армении—Васпуракане, Сюнике, Арцахе и Гугарке—получили наследственные владения предводители племен Румлу, Устаджлу, Шамлу, Такалу, Каджар, Кангарлу, Баят, Зулкадар, Са'длу и других, которые со своими илами и аймаками утвердились, в частности, в пограничных районах, а ставшие приверженцами кызылбашей курдские племена Дунбули, Махмуди, Пазуки и другие получили «олка» в восточной части Алашкерта, в Маку, районах Хоя и Салмаста.

После опустошительных войн между Ираном и Турцией в начале XVI века, битвы при Чалдыране в 1514 г. и последующих событий, по заключенному в 1515 г. миру вся Западная Армения и Северная Месопотамия перешли под владычество Турции. Почти в течение целого столетия, вплоть до 30-х годов XVII века, продолжались опустошительные нашествия и военные действия на территории исторической Армении, однако заключенные в

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 344.

1555 г., а затем в 1639 г. мирные договоры не внесли существенных изменений в границы.

Согласно договору 1639 г., турецко-иранская граница в Армении начиналась с гор Джавахка, к востоку от озера Чылдыр шла на юг по небольшому горному хребту, а затем, сворачивая на восток, достигала верхнего течения реки Ахурян. Отсюда по руслу реки она спускалась до места слияния рек Ахурян и Аракс, после чего сворачивала против течения Аракса на запад и, не доходя до Кагызвана, спускалась на юг, к Армянским хребтам. Отсюда граница продолжалась по водоразделу горного хребта на восток и по вершинам Арарата соединялась с Васпураканскими горами, откуда по прямой линии спускалась через горный хребет Загрос и продолжалась по современной турецко-иранской границе.

Таким образом, в пределы державы кызылбашей входили полностью области исторической Армении—Сюник, Арцах, Утик, Пайтакаран и Парскаайк, а также восточные уезды Айрарата, Гугарка и Васпуракана.

Внутреннее административное деление Сефевидского государства восходило к периоду ильханства: страна была разделена на вилайеты. Они фактически совпадали с туманами времени ильханов, доходы земель с большей или меньшей степенью точности были фиксированы и предоставлялись предводителям племен—амирам или бекларбекам, на условии военной службы вместе с оплачиваемыми ими отрядами.

В «Тазкират-ал-мулуке», содержащем подробное описание администрации Сефевидов, один за другим перечисляются все сبلаси Сефевидского Ирана и получаемые с них доходы; здесь упоминаются четыре валийства—Арабского Ирака, Лорстана, Грузии и Курдистана и 13 бекларбекств. Восточная Армения и Азербайджан были включены в бекларбекства Азербайджана (Атрпатакан), Чухур-Са'да, Карабаха и Ширвана⁶.

Кроме Гугарка, который почти целиком входил в валийство Восточной Грузии или Картли и Кахети, находившихся под владычеством Сефевидского Ирана, армянские области или их отдельные провинции были

⁶ Tadhkirat al-Mulūk, p. 100—102.

подчинены бекларбекствам Чухур-Са'да, Карабаха и Азербайджана.

По своему стратегическому положению особое значение имел вилайет Чухур-Са'да, армянское население которого было очень значительным. Центральная часть области Айрарат, Араратская равнина со своими окрестностями стала называться Чухур-Са'д (в армянских источниках—«Сахата пос») с конца XIV века, по имени правившего здесь туркменского владыки Амир Са'да. Вилайет Чухур-Са'да был обширным и охватывал также провинции к западу от Ахуряна и городов Карс и Кагызван⁷. Однако после установления в XVI веке новой турецко-иранской границы в этот вилайет, под новыми наименованиями—как нахие или махал—входили провинции Варажнуник (Дарачичаг), Ниг (Абаран), Ширак (Шорагял), Мазаз-Урц-Массяцоти (Гарни-Вади), Чакатк (Сурмали), Арагацоти (Карби), Котайк (Гыргхбулар) Айрарата и провинции Гегаркуни и Сотк (Гёгчадангиз) Сюника.

Хотя вилайеты в основном состояли из более мелких административных единиц—нахие или махалов, которые управлялись хакимами или наибями, однако отдельные большие или мелкие округа на правах «олка» или феодального держания были отданы предводителям кочевых племен, взамен чего они поставляли государству вооруженных воинов или «ясагкешов». Таковой была, например, олка Нахчевана, которая была отдана главам ила Кянгарлу и находилась в их руках до начала XIX века.

Нахичеван со своими окрестными территориями, став в период ильханства отдельным «туманом», и при Сефевидах продолжал называться «Туман-е Нахчеван» и включал в себя следующие провинции Сюника—Нахчаван (Нахчеван), Чаук (Шахбуз), Ериджак (Алинджак), Гохти (Азад Джиран), Вайоц Дзор (Даре-йе Элегис) и Цхук (Сисаджан). В качестве большой олка Нахичеван до начала XVII века подчинялся бекларбекам Азербайджана или Тавриза, а после XVII века—бекларбекам Чухур Са'да.

⁷ Է. Ռ. Փափազյան, Օտար տիրապետությանը Արարատյան երկրում (ԺԾ դ.), ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (ճան. գիտ.), 1960, № 7, 8, էջ 23—27.

Бекларбекам Азербайджана была подчинена также область Капана, или олка «Капаната», которая в период господства ильханов являлась «инджу» сюникских Орбелянов; при Сефевидах она охватывала горную страну между хребтами Зангезура и Карабаха, в которую входили провинции Сюника: Аревик (Мегри), Ковсакан (Мнджаван), Кашуник (Баргушат), Дзорк (Кеги), Хабанд (Зангезур), Агахечк (Кашатаг-Куштасиф) и некоторые близлежащие районы.

Непосредственно в вилайет Азербайджана входили также восточные провинции Васпуракана: Артаз (Маку), Чуаш-рот (Чорс), Маракерт (Маранд), Парспатуник (Арасбар) и область Парскаайк полностью. Армянское население было значительным по численности в провинциях Маку, Чорс, Арасбар, а также в входивших ранее в область Парскаайк провинциях Хер (Хой), Зареванд (Салмаст) и Траби (Урмиа).

Вилайет Карабаха, который по названию своего главного города Гандзака или Гянджи именовался также «Гянджинским бекларбекством», охватывал обширную территорию от Куры до Аракса. Его горные районы, которые соответствовали области Арцах исторической Армении, или странам Гардман-Парисос и Цавдеац, были населены армянами. Особенно многолюдны были нахие или махалы Дизака, Варанды, Хачена, Джраберда и Гюлистана, которые управлялись армянскими меликами и пользовались внутренним самоуправлением. В XVIII веке, после Надира, они были объединены под наименованием «хамсе» («пятерка»), общим правителем которой был назначен мелик Дизака. Позднее, когда это объединение распалось и в Шуше утвердился Дживаншир Панах-хан и его преемники, основавшие полунезависимое Карабахское ханство, северные части этого вилайета с центром в Гандзаке выделались и составили Гянджинское ханство, которое вместе с соседним Ереванским ханством (Чухур-Са'д) находилось в вассальной зависимости от вали Картли-Кахети.

Вилайеты Азербайджана, Чухур-Са'да и Карабаха, будучи пограничными областями, управлялись, как было сказано, военными наместниками или бекларбеками, которые в качестве амиров или предводителей племен именовались по-арабски «амир-ул-умара». Бекларбеки

имели неограниченные права и были полновластными хозяевами своих вилайетов. В мирное время они возглавляли гражданскую администрацию вилайета, а во время войны являлись командующими вооруженными силами и пользовались правом во время походов выступать под своими знаменами. Обычно они носили титул «хан» и величались эпитетами «алиджах» («славный») и «алишан», или «азим-ул-ша'н» (высокопочтимый).

Владельцы сравнительно меньших территорий — олка именовались «хакимами» и носили титул «султан», а правители болуков и нахие, назначаемые преимущественно из более низших слоев кочевой знати или из числа гуламов шаха, назывались «наибями», или «мир-болуками», и величались титулом «бек».

Бекларбеки обычно назначались из предводителей плем кызылбашей, обосновавшихся в этих вилайетах; вернее, когда предводителю племени или амиру давался пост бекларбека данного вилайета, он со всей своей челядью (оймаг) обосновывался в этом вилайете, присваивая необходимые для скотоводства площади — летние выпасы и зимовья (яйлаг и кышлаги). В XVI веке, когда многочисленные племена кызылбашей перешли из Западной Армении и центральных областей Малой Азии в Восточную Армению и Азербайджан, между ними развернулась ожесточенная борьба за овладение наиболее удобно расположенными альпийскими лугами.

В начале XVI века шах Исмаил отдал вилайет Чухур-Са'да предводителю кызылбашского ила Румлу Див-султану. Однако после смерти шаха Исмаила, в 1525—1527 гг. начались острые распри между Див-султаном и предводителем ила Устаджлу Кёпуг-султаном за овладение Араратской страной. В 1527 г. Кёпуг-султан во главе с кызылбашами из племени устаджлу совершил поход на Ереван. Племя румлу, предводительствуемое Див-султаном и Джовха-султаном, 29 июля при реке Арпе дало сражение и наголову разбило устаджлу, после чего Ереванское бекларбекство вновь на длительный период осталось в руках племени румлу⁸.

Когда в 1554 г. султан Сулейман совершил поход на

Ереван, бекларбеком Чухур-Са'да был Гусейн-хан Румлу, который не сумел организовать сопротивление турецкой армии, бросил Ереван и бежал, предав город разорению и резне. После этих событий шах Тахмасп отнял у Гусейн-хана Румлу бекларбекство Чухур-Са'да и передал его Шах-кули-султану Устаджлу⁹. Борьба между племенами румлу и устаджлу, которая велась начиная с 20-х годов того же века за овладение Араратской страной, завершилась в пользу устаджлу, которые утвердились здесь до заключения турецко-иранского мирного договора 1590 года, по которому Закавказье и Азербайджан перешли под турецкое владычество.

Столь же острой борьбой сопровождалось утверждение кызылбашей в других областях Восточной Армении и Азербайджана.

Вследствие слабости центральной власти кочевая аристократия смогла укрепить свою власть в разных областях страны, и нередко бекларбекства превращались в наследственные владения. Так было, например, в Гянджинском вилайете или Карабахе, где начиная с XVI до конца XVIII вв. господствовали главы племени знадоглу-каджар; олка Нахичевана в то же время продолжала находиться в руках кянгарлу, в Маку до начала XX века господствовали предводители ила баят и т. д.

Несколько иным было положение в Араратской области, или Чухур-Са'де. Будучи в XVI веке яблоком раздора между племенами румлу и устаджлу, Ереванское бекларбекство, после повторного завоевания в XVII веке, было отдано шахом Аббасом Амир-Гуна-хану, который происходил из ила каджар племени акджаккойюлу. Однако его сын — Тахмаспкули-хан правил в этом вилайете до 1636 года, после чего до падения династии Сефевидов, на протяжении около 80 лет, в этом вилайете правили 14 бекларбеков, из которых только двое были в дальнем родстве с указанным родом каджаров и правили только 3—6 лет. Другие бекларбеки не имели знатного происхождения и назначались из числа личных гуламов шаха.

⁸ تذكرة شاه طهماسب — Тазкаре-йе шах Тахмасп, изд. полк. Д. С. Филота, Калькутта, 1912, стр. 37 (перс. текст).

⁹ تاریخ عالم از ای عباسی، стр. 78, см. также: «Մանր ժամանակագրութիւններ», Կ. 1, էջ 149—157.

Во второй половине XVII века сефевидские шахи избегали жаловать пограничные вилайеты предводителям обосновавшихся в этих местах кызылбашских илюв, опасаясь их усиления и сепаратистских устремлений, особенно опасных из-за близкого соседства Турции. Эта политика проводилась и в отношении Араратской области, которая по этническому составу населения сильно отличалась от других вилайетов. Здесь армяне составляли подавляющее большинство, а азербайджанское земледельческое крестьянство и городское население по своему социальному положению и классовым интересам было более связано с армянским трудовым крестьянством и армянским торговым и ремесленным слоями городов, чем с единоверным, но чуждым по социальному положению привилегированным кочевым населением (илатами). К тому же илаты после реформ шаха Аббаса I не представляли столь же большой силы, как прежде, особенно в Чухур-Са'де, и не могли служить основой для упрочения военной мощи того или иного кочевого феодала.

Наличие в Армении такого сильного религиозного центра, как Эчмиадзин, играло важную роль в ее политической жизни. Назначение в 1627 г. по указу шаха Аббаса Мовсеса Хотанаши, видного церковного деятеля, главным ризничим монастыря, и в особенности после освобождения в 1629 г. шахом Сафи Эчмиадзинского монастыря от повинности и уплаты ежегодно 100 туманов «пшшкаша»¹⁰, способствовали упрочению экономического могущества Эчмиадзина и росту католикосского авторитета. Утвердив и узаконив свои права, Эчмиадзин начиная с 30-х годов XVII века особенно в период патриаршества католикосов Пилипоса Агбакеци (1639—1655 гг.) и Акопа Джугаеци (1655—1680 гг.), превратился в значительную политическую силу. Нередко Эчмиадзинские католикосы играли определяющую роль в назначении и устранении знатных ханов и бекларбеков.

Однако военная и высшая административная власть были сосредоточены в руках бекларбеков и других представителей военно-феодалной знати, получавших от

¹⁰ Указы, II, док. 18 и 19.

шахов служебные держания—тиулы и являвшихся, таким образом, крупными земельными собственниками.

По данным «Тазкират-ул-мулука»¹¹, в конце XVII и начале XVIII вв. доходы, получаемые с трех вилайетов,—Чухур-Са'да, Карабах, Азербайджана, где армянское население преобладало или было очень значительным, и число воинов, которые содержались на определенную часть этих доходов были:

Вилайет	Доход (в динарах)	Количество воинов
Чухур-Са'д	259 106 326	4 287
Карабах	247 260 978	6 084
Азербайджан	342 344 906,5	11 439
Всего	848 712 210,5	21 810

По подсчетам И. П. Петрушевского (с учетом также и 5856 воинов Ширванского вилайета), в начале XVIII века почти половина войска государства Сефевидов вербовалась из Азербайджана и Армении¹².

Бекларбеки и местные хаками обладали в отношении населения также судебными правами, которые осуществлялись совместно с высшими духовными лицами мусульманских шариатских присутствий. Всякого рода гражданские дела: тяжбы вокруг прав и собственности частных лиц и общин, рассматривались в духовных присутствиях, которые назывались «шар», уголовные дела слушались в обычных судах «урфа», которые возглавляли назначенным ханом «диванбеки». В присутствиях урфа заслушивались, в частности, дела, относящиеся к так называемым «четырем случаям» (احداث اربعة)—убийствам, изнасилованию, ослеплению, выбиванию зубов; вынесение смертного приговора совершалось только ханом. Тяжбы гражданского характера, возникавшие внутри армянской общины, имели право рассматривать судебные присутствия, составленные из представителей армянского духовенства. Указом шаха Аббаса от 1650

¹¹ Tadhkirat al-Muluk, p. 161.

¹² И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 142.

года было утверждено решение («фетва») главного духовного присутствия столицы — «Диван-ал-садарата», гласящее: «Если между христианами возникает тяжба и они обратятся к своим епископам и священникам, пусть никто не мешает им и не причиняет беспокойства. Если же одна из сторон представлена мусульманином, тогда они должны уладить тяжбу через посредство членов местного Шар'а и мусульманских казиев...»¹³.

Административно-политическая деятельность бекларбеков соответствовала известному определению Ф. Энгельса, согласно которому «правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве)»¹⁴.

Разумеется, роль каждого из этих трех ведомств была различной в разные периоды. Она определялась сложным сочетанием экономических, социальных и политических факторов. Неудивительно поэтому, что средневековые источники время от времени подчеркивают то ту, то иную сторону деятельности представителей правительственной администрации ханов и бекларбеков. Так, историк Закария Саркаваг Канакерци в следующих словах характеризовал деятельность бекларбека Араратской страны Амир Гуна-хана (1605—1625 гг.) — «мужа храброго и смелого, доблестного в битвах, неустрашимого и безбоязненного, благоустроителя и друга христиан», который, «пачав править Ереваном, тотчас же приступил к благоустройству и умножил число жителей. Сначала принял он строить крепость, затем дворцы и виноградники, цветники и сады, рыть каналы и умножать количество воды. В некоторых местах облегчил он также налоги и снял тяжкое бремя с выи простолюдинов. Но вместе с этим он увеличил сухра, то есть барщину»¹⁵. Затем Канакерци описывает совершенные ханом походы на Карин, Муш, Ван и ближайшие районы Западной

¹³ Указы, II, док. 41.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, М., 1953, стр. 75.

¹⁵ Ջարարիա Սարկավագ, Պատմագրութիւն, Ե. 1, Հիշատակարան, 1870, էջ 45—47. Русский перевод, стр. 70.

Армении: переведенных отсюда армянских беженцев он поселил в селах Кялар, Гёг-Гюмбет, Кавакерт, Паракар, Сапат и других деревнях, расположенных между Ереваном и Вагаршапатам¹⁶.

Вообще бекларбеки нередко проявляли большую инициативу в заселении своих вилайетов армянским трудовым населением, что имело важное значение для развития земледелия, торговли, ремесел и увеличивало в результате источники доходов феодальной знати, тем более, что армянские райаты, помимо прочих многочисленных налогов, наличными деньгами выплачивали также особый подушный налог — «джизья», который составлял весьма большую сумму и собирался с иноверцев во всех государствах, где ислам был официальной религией.

Однако во многих армянских селах, опустевших вследствие продолжавшихся десятилетиями войн и особенно насильственного выселения их коренных жителей в начале XVII века, обосновывались переходящие постепенно к оседлости массы кочевников из различных тюркских и курдских племен. Этот процесс приобрел большие масштабы в нижних частях Араратской долины, Шаруре, Нахичеване, а также в примыкавших к Араксу районах Маку, Хоя, Салмаста и Карабаха. Лишь незначительная часть армянского населения, изгнанная из родных мест, сумела позднее возвратиться. Многие из возвратившихся едва ли составляли новые общины и обосновывались в случайных, брошенных селах, тем более, что зачастую их родные деревни уже были заселены чужеземцами. В 1650 году католикос Пилипос представил шаху Аббасу II прошение, в котором жаловался на кочевников, которые поселились в ранее населенном армянами, принадлежащем монастырю селе Батриндж, опустевшем во время турецких нашествий¹⁷.

Годы кратковременных перемирий (1515—1531, 1555—1576, 1590—1604 гг.), наступавшие после длившихся десятилетиями на протяжении всего XVI века турецко-персидских войн, также оказались малоблагоприятными для восстановления и развития экономики страны. Сменявшие друг друга разорительные нашествия

¹⁶ См. там же.

¹⁷ Указы, II, док. 40.

многотысячных вооруженных армий наносили тяжелые удары по экономике страны. Вследствие систематического разрушения производительных сил и массового разорения сельского и городского населения, хозяйственная жизнь регрессировала и переживала упадок. В стране, преданной крайней нищете и разграблению, еще долго свирепствовали голод и эпидемии, собиравшие обильную жатву среди трудящегося люда.

Сравнительно благоприятные условия для нормального развития хозяйства страны создались лишь после заключения Константинопольского мира 1639 г. Ему последовал 30-летний период мирного развития, который ознаменовался определенным подъемом экономической и культурной жизни. Как было указано выше, в экономической и политической жизни Сефевидского государства заметную роль играли северные области страны, в том числе те вилайеты, которые были населены армянами.

Эти вилайеты особенно отличались производством высококачественных и многообразных зерновых и технических культур, которые в большом количестве продавались торговцам, прибывавшим из Ирана и сопредельных стран. Во второй половине XVII века в Араратской стране, Нахичеване, Капанате и окрестных провинциях товарное производство приобрело довольно широкие размеры и играло важную роль в экономике страны.

Говоря о вывозимых из страны сельскохозяйственных продуктах и технических культурах, Закария Канакерци писал: «Плодородна страна Араратская и изобилует всякими продуктами, [к тому же] недорогими. Поэтому отовсюду приезжают в Ереван, покупают, что им угодно, и возвращаются восвояси. Точно так же прибыло из Тавриза много караванов, купили они рис, хлопок, топленое масло, сыр, сало, растительное масло, кожи, шкуры и другое, что пожелали»¹⁸.

Несомненно, здесь перечислена только часть вывозимых товаров. Известно, что как в Араратской стране, так и в олка Нахичевана, Маку, Хоя, Салмаста, Урмии и других местах армяне занимались виноградарством и

¹⁸ Չարսրիս Սարկավազ, Պատմադրութիւն, 5, II, էջ 54: Русский перевод, стр. 153.

виноделием. Многовековую историю имело садоводство, было высоко развито также и огородничество и бахчеводство; в окрестных городах деревнях и в самих городах возделывались «огурцы, дыни, арбузы и зелень»¹⁹ и прочие культуры. По свидетельству французского ботаника Турнфора, в XVII веке в Араратской долине, помимо основных зерновых, выращивали также рис, хлопок, лен, арбузы, дыни и всевозможные фрукты и табак²⁰.

Однако, как явствует из нескольких палоговых реестров XVII—XVIII вв., пшеница, ячмень, овес, чечевица, горох и рис были основными зерновыми культурами и занимали большую часть обрабатываемых площадей²¹. Этим объясняется наличие большого числа мельниц в армянских городах и селах. Только в одном селе Дзорагюх, расположенном близ Еревана, действовали более 50 мельниц, большая часть которых имела по 3—4 жернова. Значительно было число рисорешек, хлопкочесален, которые принадлежали ереванским ходжа или Эчмиадзинскому монастырю. Было развито также производство растительных масел. Об этом свидетельствует наличие большого количества маслобоен в Ереване, Вагаршапате, Татеве и других местах.

В местностях, благоприятных для виноградарства, армянское крестьянство выращивало отменные сорта винограда. В купчих относительно купли-продажи виноградников почти всегда упоминается о наличии давлений²². Это означает, что виноград перерабатывался на месте, из него изготовлялись уксус, вина и прочие напитки.

Из технических культур на Араратской равнине, в Шаруре и других местностях возделывался также хлопок. О хлопководстве в Армении свидетельствуют арабopersидские источники еще X века. В источниках XVI—XVIII вв. нет определенных данных о наличии мастер-

¹⁹ Там же, т. I, стр. 59. Русский пер., стр. 81.

²⁰ Չ. Արխան, Այրարատ, Վենետիկ, 1890, էջ 233.

²¹ Չ. Փափազյան, Վարդաշապատ գյուղի 1725 և 1728 թթ. Թուրքիայի հարկառույցները, «Բանբեր Մատենադարանի», № 5, Երևան, 1960, էջ 331—364.

²² Кучако, I, док. 15.

ских по переработке хлопка-сырца. Имеются некоторые данные, что в XVIII веке импортом хлопка занимались ходжи (купцы) из Еревана, Карби, Дзорагоха, Вагаршапата и Эчмиадзинский монастырь, который имел и мастерскую по очистке и расчесыванию хлопка.

В яйлагах кочевых, занимающихся скотоводством племен вырабатывались масло, сыр, прочие молочные продукты, которые поступали на рынок. В животноводстве наиболее развитой областью было овцеводство.

С развитием животноводства в тесной связи находилось производство по выделке кож; ею занимались в нескольких районах Восточной Армении, являвшихся поставщиками рынка. Кожа и изделия из нее находили сбыт не только в качестве потребительского товара; как известно, из кожи изготовлялось кавалерийское снаряжение, столь необходимое для армии, где конница играла решающую роль.

Наряду с земледелием и скотоводством, крестьянство занималось также шелководством и пчеловодством, которые представляли собой вспомогательные хозяйства. Шелководством занимались, в частности, в горных районах Сюника и Арцаха. Вырабатываемый шелк был одним из самых дорогих, экспортируемых из страны товаров, монополию на который шахи иногда брали в свои руки. Они имели своих торговых агентов («таджер-е хассе-йе шарифе»), которые в XVII веке преимущественно были армянскими ходжа из Новой Джуги и играли важную роль в экспорте шелка. Главными центрами вывоза шелка являлись Капан, Агулис, и Джуга.

Климатические и географические условия были благоприятны и для пчеловодства. Армянские и иностранные источники неоднократно сообщают о развитом пчеловодстве в Армении. И в XVI—XVIII вв. им занимались крестьяне, особенно в районах, богатых альпийскими лугами. Имеются сведения о развитом пчеловодстве в горных районах Гегаркуш, Котайка, Арагацотна, Татева и т. д.

Сезонными занятиями крестьянства были охота и рыболовство. Охота на диких животных, в особенности на пушных зверей, была весьма прибыльным занятием, часть сельского населения, занятая рыболовством на

озере Севан и в горных реках, поставляла рыбу на городские рынки²³.

Следует отметить, что сельское население имело и другие вспомогательные занятия, из которых наиболее известны ковроделие, ткачество и гончарное дело. Ковроделием занимались преимущественно в Лори-Памбаке, Арагацотне и Шираке, а также в животноводческих районах Сюника и Арцаха. В зимние месяцы крестьяне кустарным образом выделывали ковры, простое полотно для личного пользования. Гончарное производство было обусловлено наличием в данной местности необходимого сырья. Поэтому этим ремеслом занимались лишь в определенных селах; одним из таких сел было, например, село Норк близ Еревана, которое называлось также «Чолмагчи», что означает «гончар».

Сведения об использовании богатств недр страны относятся к более раннему времени. Однако имеются некоторые данные, относящиеся к периоду, предшествовавшему русскому владычеству, которые свидетельствуют об использовании только соляных рудников Кохба и кафанской меди. В указанный период на низком уровне находилось использование каменных карьеров. В строительстве повсеместно применялся обожженный и, в особенности, необожженный кирпич.

Значительную часть доходов, получаемых с населенных армянами вилайетов, составляли суммы, взимаемые под предлогом охраны дорог. Через Восточную Армению проходили несколько караванных путей. Купец XVII века Закария Агулеци в своем дневнике подробно описывает некоторые из этих путей, не забывая отметить также пункты охраны дорог (рахдархане) и таможи. Он перечисляет служащих в этих пунктах чиновников трех рангов—«рахдары», «баджчи» и «гумругчи», из которых первые находились в больших или малых административных центрах и пунктах по охране дорог, а остальные—в пограничных таможнях²⁴.

Первый большой путь, который через Тавриз связывал страну с центральным Ираном, а оттуда с Индией и Средней Азией, пересекал Аракс у старой Джуги и

²³ Chardin, vol. II, p 166.

²⁴ Հարսիկի Աղուլեցու օրագրութիւնը, Երևան, 1938, էջ 71.

шел через Нахичеван, Ереван, Вагаршапат и Кагызван к Карину. Этот путь назывался «Эрзрумской дорогой», или «Купеческой дорогой» («Базирган йоли»). Другой путь из Еревана в Эрзерум проходил через Егвард, Абаран и северное подножье Арагаца, пересекал на западе реку Ахурян, проходил через Карс и через Хасангале присоединялся к той же магистрали. Параллельно с этим путем имелся другой путь, который шел на север через Вагаршапат по правому берегу реки Касах, через Карби (который в то время был административным центром) и в Абаране соединялся с тем же путем. Одно из разветвлений его продолжалось от Абарана к Лори и через Борчалу шло к Тбилиси. Эта дорога в первоисточниках и документах называется «Грузинской дорогой»²⁵. Имелся еще один путь от Еревана к Тбилиси, описание которого содержится у французского путешественника Шардена. Эта дорога приблизительно соответствует нынешнему шоссе Ереван—Агстафа. Шарден упоминает наименования находившихся на этом пути известных пунктов—Бжни, Каракешиш, Дилижан, Шенкар (Сев Кар), Мелик-Кянд и Кёпру-Кянд²⁶. Этим же путем Ереван связывался с Гандзаком, который в свою очередь через Шамаху был связан с тем главным торговым путем, который вел из Закавказья в Россию.

Таможен и рахдархане было очень много; они устанавливались на всех дорогах. Только на пути от Джуги на Араксе до города Кагызвана имелось пять таможен и рахдархане²⁷. О том, сколь значительны были доходы этих рахдархане, можно судить по тому факту, что они часто отдавались в аренду (или откуп) частным лицам, которые вносили в государственную казну определенную сумму и получали право в течение целого года присваивать проистекавшие от торговых сборов доходы рахдархане²⁸. В 80-х годах XVIII века хан Еревана Гулам-Али, отвечая на требование грузинского царя Иераклия II уменьшить пошлины, взимаемые с купеческих товаров, писал: «Вашей милости должно

²⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1з док. 943, 944, 945.

²⁶ Chardin, vol. II, p. 141-156.

²⁷ «Ջրարիկի Արարիկի օրոգրութիւնը», էջ 7-8.

²⁸ Там же, стр. 81, 91, 101, 107.

быть ясно, что основной доход Ереванской страны складывается из сумм аренды этих рахдархане, и если в вопросе пошлин, взимаемых с товаров, будет внесено изменение и сделаны скидки, то тогда нарушатся дела моей страны и я, оказавшись в безвыходном положении, не смогу выплачивать годовые суммы высокому дивану»²⁹.

Не менее доходными предприятиями являлись монетные дворы, или «зарабхане», которые находились в центрах вилайетов и в сравнительно более крупных административных и торговых городах и были под непосредственным контролем бекларбеков. Монетные дворы имелись в Тавризе, Ереване, Нахичеване, Карби, позднее также в Шуше и других городах. Купцы и торговцы могли чеканить в этих монетных дворах деньги в любом количестве, уплачивая определенный процент за чеканку. В XVII в. крупным центром чеканки монет являлся зарабхане Еревана, о котором сообщает подробные сведения Закария Агулеци; его брат ходжа Шмавон долгое время был ереванским зараббаши.

Ханы получали большие доходы с аренды зарабхане. В XVII веке зарабхане Еревана поочередно арендовали армянские ходжи из Агулиса, Еревана, Дзорогюха. Сколь велики были доходы с зарабхане, можно судить хотя бы по тому факту, что в 1663 г. ереванский ходжа Саргис дал согласие арендовать доход с зарабхане на один год, уплатив 1500 туманов. На $\frac{1}{13}$ часть этой суммы в то время можно было приобрести такое богатое село, как Ошакан³⁰. Годовой доход ереванского зарабхане в 70 раз превышал сумму всех налогов, которые взимались с крупнейшего феодального хозяйства Араратской страны—Эчмиадзинского монастыря³¹.

Однако главным источником материального богатства феодальной знати в вышеуказанных областях Восточной Армении по-прежнему являлся труд крестьянина-земледельца в тяжелых условиях феодальной эксплуатации, о чем мы расскажем в последующих главах настоящего труда.

²⁹ Матенадаран, фонд восточных рукописей, рук. № 233, стр. 242—243.

³⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1б, док. 178.

³¹ Там же, пап. 1г, док. 392.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПРОЦЕСС ЛИКВИДАЦИИ КРУПНОГО АРМЯНСКОГО СВЕТСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В XV—XVI вв.

В официальных архивных документах и особенно в указах феодальных властителей и шариатских купчих XIV—XVI вв. со всей определенностью отразились захватнические устремления чужеземных завоевателей, насилия и преследования в отношении армянского населения, в том числе феодалов, имевшие одним из результатов исчезновение крупного землевладения армянских светских феодалов.

Являясь официальными документами, по которым утверждались и узаконивались права на основу основ феодального общества—земельную собственность, купчие XIV—XVI вв. содержат также такие данные, которые позволяют выяснить, каким путем и на основе каких правовых, в частности шариатских, законов совершались земельные изъятия, в чью пользу они совершались, каким образом и кем решались затем вопросы собственности на изъятые земли.

Известно, что начиная еще со времен арабских завоеваний, все захватываемые мусульманами земли провозглашались собственностью исламской общины; верховное право распорядиться ими принадлежало только халифу, и лишь он имел право дарить часть этих земель арабским полководцам или племенным предводителям за их заслуги.

Право собственности на захваченную в результате войны землю свойственно не только шариату, но и фео-

дальной практике вообще. У армянских историков имеются многочисленные упоминания об имевших место в Армении кровавых межфеодальных столкновениях, завершавшихся земельными захватами, разделом и переделом владений.

Завоеванные оружием земли, подобно землям, переходившим по наследству, считались «исконной вотчиной» (*Հաշի Հաշրհիթր*). В надписи, сделанной в 1223 г. в Нораванке, князь Бупак писал: «Во время царствования сына Тамары, Лаши, [когда] амир-спасалар Армении и Грузии [был] Шаханшах и атабеком его (Шаханшаха) дядя Иване, я, грешный слуга Христа князь князей Нораванк к счастливому патриарху нашему, владыке Саркису и подарил [одно] из законных владений моих— село Алберик со всеми его окрестностями, которое я рукою своею отобрал у чужеземцев, кровью своей выкупил, и мои пароны, [составив] большую грамоту, решили [дать мне. Я подарил село] святой церкви Нораванк, святому Карпету и святым первомученикам, освободив [его] от всех налогов. И никто отныне и вечно не имеет права сопротивляться этому—ни из старших, ни из моих родственников, ни из чужих»¹.

Здесь примечателен тот факт, что после завоевания оружием права на данное поместье было необходимо утверждение его царским указом; только в этом случае собственность, как таковая, юридически оформлялась. Как видим здесь, феодальное армянское право исходило из признания царя, олицетворявшего власть в государстве, верховного собственника находившихся в его пределах земель.

В рассматриваемый период изъятие обширных земельных владений у армянских феодалов происходило не столько путем захвата их в результате военных столкновений (поскольку уже после монгольских походов все они находились в подчиненном положении и были обложены налогами), сколько вследствие постепенно усилившейся политики нетерпимости, систематического физического истребления армянских феодалов или прямой конфискации их земель, под которую подводилась

¹ Գ. Կոստանյանց, *Վրեմիան տարեգիր, Պետերբուրգ, 1913, էջ 67.*

законная, с точки зрения шариата, база. Согласно догмам шариата, земли, принадлежавшие противникам мусульманских правителей, как и земли, не имевшие наследников их умерших владельцев, конфисковались в пользу мусульманской «общины» и включались в число имений «бейт-ул-мала».

Институт «бейт-ул-мала» имеет древнее происхождение. Он восходит к начальному периоду арабских походов и, по преданию, основан при халифе Омаре (634—644). Это было время, когда победоносные армии ислама, повергнув власть Сасанидских царей, огнем и мечом завоевывали принадлежавшие им обширные территории. Вначале богатая добыча, захваченная в завоеванных странах, на месте распределялась между всем наличным составом войска, а значительная часть отсылалась «общинной казне мусульман» («бейт-ул-мал-е муслимин»).

Позднее, вместе с созданием государственного аппарата в арабском халифате и переходом от простого грабежа к организованному ограблению захваченных стран посредством административно-налогового аппарата, функции бейт-ул-мала расширились. В завоеванных странах арабы, покончив с византийской и персидской государственной машиной и упрочив политические основы своего господства, создали новую, более сложную налоговую систему. Были расширены созданные еще при халифе Омаре «диваны», которые назывались «дававин-ул-амвал», постепенно из ведения «бейт-ул-мала» были исключены права взимания и упорядочения государственных налогов и оставлены лишь функции по сбору религиозных податей и прочие доходы, взимавшиеся с верующих.

Эволюцию «бейт-ул-мала», как и других мусульманских институтов раннего периода, надо изучать в связи с историей развития мусульманского права. Эти институты весьма усложняются в более поздний период, в особенности во время ильханского владычества и последующие века, когда несмотря на существовавшее с правовой точки зрения разграничение функций политической и духовной власти, все финансовые вопросы в конечном счете решались верховной политической властью.

Исключительное значение для изучения истории феодальной собственности на землю имеют несколько

дошедших до нас обширных купчих XV века и акты, утверждающие права на различные формы земельной собственности. Некоторые документы свидетельствуют о том, что в годы частых династических переворотов и войн, приходившие к власти феодальные правители, ставшие хозяевами положения, проводили обычно ревизию земель. Полномочные представители, направлявшиеся высшим диваном, проводили в различных областях подробные проверки, рассматривали имевшиеся в наличии у собственников купчие и другие документы и утверждали их, составляли список всех обрабатываемых земель и классифицировали их по характеру прав собственности их владельцев. Иными словами, составлялся новый кадастр общих обрабатываемых земельных площадей. В ходе этого конфисковывались и объявлялись государственными земли, принадлежавшие представителям противной феодальной группировки или преследуемым по тем или иным причинам новой властью феодальным собственником; конфискациям подвергались также земли, владельцы которых отсутствовали вследствие сложившихся неблагоприятных политических условий или же не имели документов, доказывающих их право собственности.

Так, в акте от 1504 г., написанном рукою личного представителя шаха Исмаила I, говорится: «Во время ревизий года мыши, когда я, низжайший слуга царского двора, по приказанию высочайшего дивана был назначен управляющим (мутасади) по делам Азербайджана и проверял имения (ракабат) и мулки противников (мухалифан), бейт-ул-мала и имения, владельцы которых не известны, при проверке и разборе мулков и других имуществ вилайета Маку... вновь внимательно было проверено, что те имения, которые находятся в руках честного христианина Тадеоса, сына Манвела, и его сына Мириджана, согласно шариатским документам являются их полной собственностью (хакк) и мулком и их право на владение этими имениями и мулками—справедливое право, и никто, в особенности уполномоченные бейт-ул-мала и имений, владельцы которых не известны, не может иметь какого-либо права и притязаний на эти имения. Написано по просьбе вышеупомянутых правомочных

[владетелей] в последней декаде месяца джумади I девятьсот десятого года (29 октября—8 ноября 1504 г.)»².

Среди земель, подлежащих проверке и переучету, имелись, как мы видели, земли, принадлежавшие «противникам» (мухалифаи—مخالفاين). Под этим термином надо понимать не только противников созданного шахом Исмаилом государства, но и христиан, то есть армян. В персидских документах под «мухалифаи» понимали в основном «противников ислама»—немусульман. Далее во время учетов переписывались также земли бейт-ул-мала, которые поименно владениями, конфискованными у преследовавшихся новой властью лиц, а также выморочными и заброшенными землями или землями, владельцы которых не были известны (маджхул-ул-малик—مجهول المالک).

О подобных фактах общего переучета земель свидетельствуют три документа 1506, 1554 и 1558 гг., первый из которых относится к селу Дибкянд Дарашамба³, а два последних являются актами, подтверждающими вакуфную собственность монастырских сел Татева⁴. Как на документе от 1558 года, так и на двух других документах имеются резолюции, сделанные в том же году, где говорится, что в последующее после мира 1555 года лето было дано распоряжение проверить «мулки и владения халисе, утраченные богатства, сунки и дунки⁵, владельцы которых не известны, бейт-ул-мала, и [дохо-

² Купчие, I, док. 12.

³ Там же, I, док. 13.

⁴ Там же, док. 18, 19.

⁵ «Сунки» (سونكى) — по-турецки «подлежащие подчинению», а «дунки» (دونكى) — «подлежащие возвращению». Земли собственников, которые во время общих учетов подтверждали свои права собственности, считались «дунки» и возвращались прежним владельцам, а имена, владельцы которых не были известны (مجهول المالک) или принадлежали противникам (مخالفاين) объявлялись «сунки» и отбирались в пользу государства.

Искандар Муши, говоря о войнах Ягуб-хана в Фарсе, добавляет, что он «сделав всю страну Фарс только своей собственностью, мулки клики Зулкадаров, которых он уничтожил, превратил в свой сунки и включил в свои владения» (Тарих-е аламара-йе Аббаси, стр. 425). Отмечая в другом месте непокорность и проступки хакима

ды], растрачиваемые на нужды мусульман, и права на владение каждым из них».

Подобного рода практика описи, переучета земель, несомненно, не была новым явлением; более того, они практиковались больше в предыдущем XV веке, когда династическая борьба и междоусобицы на протяжении всего столетия были особенно острыми.

В источниках имеются свидетельства о том, что в каждом вилайете и областном центре имелись «хакимы» или «мутасарифы» бейт-ул-мала, которые занимались взиманием духовных налогов, конфискацией имущества не имевших наследников умерших владельцев и упорядочением их доходов.

Автор конца XIV века Мухаммад Нахчевани в своем весьма ценном труде «Ластур-ал-кятиб фи та'ин-ал-маратиб», приводя многочисленные примеры официальных записей, ферманов, приказов и разного рода рескриптов, в числе прочих должностей упоминает также хакима или мутасарифа бейт-ул-мала и приводит следующий образец указа о назначении этого должностного лица:

«Пусть знают амиры, хакимы, кази, наибы, мутасарифы и битикчи Марагы, что начиная с сего года хакимство и мутасарифство бейт-ул-мала этой местности вновь даровано постоянно занимающемуся столь высокими делами видному вельможе из Ирака, высокочтимому господину (сахиб-е-муаззам—صاحب معظّم) ходже Тадж-эд-Дину, чтобы последний правильно взимал и хранил суммы бейт-ул-мала, и в случае, если некоторые благодаря покровительству нечестных попытаются скрыть оставленные умершими богатства и не сдать их,—немедленно выявил бы и полностью и целиком взял... и пусть одну десятую (ушр) оставит себе, в качестве жалования»⁶.

По свидетельству французского путешественника района Саве султана Ма'сум хана, подчиненные ему люди и райаты Саве, на которого жаловались, рассказывает о том, как шах арестовал, нерадивого хакима, после чего все его «богатство и мулки были признаны сунки дивана» (там же, стр. 241—242).

⁶ دستور الكاتب في تعيين المراتب ИВАН СССР, Ленинградское отделение, Архив В. Г. Тизенгаузена, фонд 52, пр. 15, стр. 1686.

Шардена, в XVII веке также имелись блюстители бейт-ул-мала — «бейтулмалчи», которые занимались имуществом не имевших наследников умерших владельцев⁷.

Согласно шариату, верховное управление средствами, накопленными в казне бейт-ул-мала, принадлежало имаму данного времени. Эти суммы должны были расходоваться на благотворительные цели, на оказание помощи неимущим и нуждающимся⁸. Однако ниже мы увидим, как в изучаемый период этот принцип полностью был попраи и этот мусульманский институт превратился в Восточной Армении в орудие экономического угнетения и разорения как населения вообще, так и многочисленных конфискаций земельных владений армянских феодалов и их систематического истребления в особенности.

Свидетельства о конфискации бейт-ул-малом движимого и недвижимого имущества армянских райатов встречаем в рукописных источниках, и в особенности в памятных записях рукописей. Так, в памятной записи одного евангелия 1500 года говорится о том, как после убийства по неизвестным причинам единственного сына вдовца Хабиба бейт-ул-малом были конфискованы его дом, сад и все достояние, а братья Хабиба смогли вернуть все это только после выплаты больших взяток. «...Сына этого беззаконники задушили, повесив в полдень на дереве в его же саду, — говорится в памятной записи, — что повергло в великое горе родителей, родичей и всех вообще близких, ибо тот был единственным сыном прекрасный лицом и статный телом... Затем пришли беззаконники и все имущество его и дом и сад подвергли бейт-ул-малу в пользу парона, потому и братья обратились к парону и судьбе и большими взятками избавились от беззаконников»⁹.

О другом подобном случае упоминает церковный и общественный деятель XVII века Мартирос Кримец: перечисляя низкие поступки одного из своих противников — священника, он отмечает:

⁷ Chardin, т. 8, стр. 276.

⁸ بهاء الدين محمد عاملی، جامع عباسی، تمبریز، ۱۳۰۱، стр. 263—264.

⁹ «ԺԵ զարի հաշիւին ձեռագրերի հիշատակարաններ», մասն եր-րորդ, Կաթինց՝ Լ. Ս. Նաչիկյան, Երևան, 1967, էջ 293:

Пошел и сказал ты бейтулмалчи:

Умер человек, скорее приди.

Сирот лишил ты куска хлеба,

Пусть будет проклят твой хлеб¹⁰.

Понятно, что репрессии и преследования, осуществляемые бейт-ул-малом, были направлены главным образом против имущих слоев армянского населения, и в особенности против последних отпрысков армянских феодальных домов.

В одной памятной записи 1480-х годов, которая посвящена генеологии Допянов из Цара, имеются довольно подробные данные о захвате бейт-ул-малом принадлежавших Допянам имений при Айдине, сыне Турсуна¹¹.

«...Сын Гасана Агбуга и сын его Турсун, и сын его Айтын, — пишет автор родословной, — во времена его, когда усиливались исмаиляне (т. е. мусульмане), а Армения пришла в упадок и князья армянские разбрелись, пришли иноземцы и весь мулк великого князя Гасана подвергли бейтулмалу. Тогда пошел парон Айтын к Дивану и года три хлопотал и, уплатив много [драгоценностей], освободил из рук иноземцев монастыри и селения, и да воздаст господь ему за хлопоты и труды его»¹².

До нас дошли три большие купчие XV века на персидском и арабском языках относительно отчуждения конфискованных бейт-ул-малом земель; первая из них — известная купчая на семь принадлежавших Эчмиадзину сел, купленных при католикосе Григоре Маквечи, написанная в половине месяца раб'И 835 года хиджры (20—21 декабря 1431 г.)¹³; вторая — купчая на семь сел и два поместья монастыря св. Спасителя Хавуц-Тара, написанная в начале месяца рамазана 894 года хиджры (29 июля 1489 г.)¹⁴, а третья — купчая о продаже села Оша-

¹⁰ Ա. Ս. Մարտիրոսյան, Մարտիրոս Դրեմեցի, Երևան, 1958, էջ 94.

¹¹ Գ. Ալիшан в «Сисакане» дает родословную Допянов, в которой напротив имени Айтина указан 1467 год (см. указ. соч., стр. 37). Это, несомненно, дата того источника или, вернее, памятной записи, где упоминается это имя.

¹² Է. Փափեյան, Յուզակ ձեռագրոց Գաղանի խաչիկ գործողների, մասն Ա., Վաղարշապատ, 1898, էջ 89.

¹³ Купчие, I, док. 5.

¹⁴ Там же, док. 8.

кан, написанная в двадцать пятый день рамазана того же года хиджры (22 августа 1489 г.)¹⁵. Все три купчие, первые две из которых сохранились в копиях, а третья—в оригинале, свидетельствуют о том, что в XV веке в Восточной Армении большое число сел находилось в ведении бейт-ул-мала.

Из всего XV века мы располагаем только вышеуказанными тремя документами, которые, несомненно, относятся только к тем конфискациям, отчуждениям и прочим операциям, которые совершались бейт-ул-малом. Они хранились в архивах монастырей Эчмиадзина и Хавуц-Тара, и только поэтому оказались доступными теперь исследователю. Другие, возможно многочисленные документы, свидетельствующие выкуп у бейт-ул-мала земли отдельными собственниками, до нас не дошли.

Наиболее ценные данные о дальнейшей судьбе конфискованных земель содержит купчая, удостоверяющая права монастыря св. Спасителя Хавуц-Тара. Этот документ является не чем иным, как соглашением или, как сказано в документе, «примирением» (мусалихе—*مصالحه*) заключенным уполномоченным со стороны Ягуб-падишаха Ак-Койюнлу блюстителем («амил») бейт-ул-мала Араратской страны или вилайета Чухур-Са'д амиром Кямал-эд-Дин Абди-беком с настоятелем монастыря св. Спасителя Хавуц-Тара вардапетом Закария. Согласно этому документу, амир Кямал-эд-Дин Абди-бек, выступая от имени Ягуб-падишаха Ак-Койюнлу, подтверждал, что находившиеся в нахие (округе) Гарни села Манкус, Аваник, Кудис, Кызылванк (Хавуц-Тар), Кохд, Дрнис, Сурб-Саркис и поместья (мазра'е—*مزرعة*) Кутуцванка и Аванасара не относятся к бейт-ул-малу и являются собственными мулками Закария, сына Шахина, сына Джханшаха. В документе одновременно говорится, что вардапет Закария в порядке «примирения» выплачивает вышеупомянутому амиру сумму в 5000 тавризских динаров, а последний делает заявление и удостоверяет своей подписью, что отныне бейт-ул-мал не будет иметь никаких претензий на указанные села, поскольку они действительно принадлежат упомянутому вардапету Закария.

¹⁵ Там же, док. 9.

Кто был вардапет Закария и почему бейт-ул-мал был заинтересован в его поместьях.

Католикос Симеон Ереванци в своем известном труде «Джамбр», говоря о монастырях, находившихся в пределах Ереванского ханства, в главе «Обстоятельства монастыря Аменаприкч» приводит легенду об основании в 133 году армянского летосчисления (684—685 гг.) Ашотом I Багратуни монастыря, писанной на доске иконы Христова. Излагая далее историю монастыря в последующие века, он пишет:

«Спустя долгое время этот св. монастырь был восстановлен Григором Магистросом Пахлавуни, сыном храброго Васака Бджнийского, убитого камнем в селе Серкевли. Он прикупил все окрестные местности и в память о себе и сыне своем Ваграме (который стал затем эчмиадзинским католикосом, [известным] под именем Григора Вкайасера), подарил их монастырю в 472 (1025) году, когда католикосом был владыка Саркис, а царем—Гагик Багратуни, [прозванный] Шахиншахом... Таким образом, упомянутый Григор Магистрос восстановил этот монастырь, обогатил его землями и водами, а своего сына, как мы уже сказали, поставил здесь настоятелем. С тех пор его сыновья и внуки и последующие поколения стали наследовать должность настоятеля как родной мулк. Так было не только во времена существования армянской власти, но и во времена персидских царей, почти до нашего времени, пока монастырь был еще населен братией»¹⁶.

Располагая указанной купчей, Симеон Ереванци неправильно воспринял ее содержание и рассматривал ее как документ о продаже и купле. Полагая, что вардапет Закария¹⁷, который по глубокой убежденности католикоса был из поколения Григора Магистроса, купил

¹⁶ Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 352—353.

¹⁷ Симеон Ереванци ошибочно отождествляет этого вардапета Закария с участником Эчмиадзинского собора Закарием Хавуц-Тареци. В первом выпуске «Купчих», в примечании к док. 8 мы показали, что вардапет Закария, получивший купчую в 1489 г., не мог быть Закарием Хавуц-Тареци, который, согласно Товме Мецопеци, уже в 1441 г. был «старейшим из епископов». Однако можно утверждать, что он из того же рода, вероятно—племянник предыдущего Закария.

эти села у вышеуказанного амира Кямал-эд-Дин Абдинбека, он пытается объяснить, почему после покупки Закария не отдал эти села в вакф монастырю Спасителя. «Вардапет Закария, — пишет он, — совершает покупку на свое имя, а имени монастыря Аменапркич в купчей не упоминает и, таким образом, не передает в вакф монастырю. Это потому, что они издревле были знаменитыми азатами, богатыми и [обладали] многочисленной родней; одни из этого рода были духовного звания, другие — светского, но у всех был один дом и общее имущество, и село с монастырем считалось общей собственностью рода. Поэтому когда он, будучи настоятелем этого монастыря, покупал столько-то мулков, то считал, что покупает для монастыря, хотя по простоте своей не записал в вакф монастырю»¹⁸.

Из нескольких памятных записей и описаний свидетельств 80-х годов XV века, которые помещены в написанных в тот же период или составленных позже четьи-минях, явствует, что в эти годы, и особенно при Ягуб-падишахе Ак-Койюнулу (1478—1490 гг.), начались серьезные репрессии против знатных и имущих армян; свидетельства по поводу насильственного обращения в мусульманство становятся более частыми.

Вот как характеризуется этот период в памятной записи четьи-миней, сделанной в 1485—1486 гг. в Котайке. «Итак, написание этого святого великолепного, украшенного рисунками, исполненного святого духа труда было завершено в 935 году по армянскому летосчислению (1485—1486), в горькую и злую годину, когда мы страдали от гнета нечестивых и незаконных лихоимцев, во время патриаршества господина Саргиса на апостольском престоле в святом Эчмиадзине и во времена правления Ягуб-бека, в каковые времена проявилась религиозная нетерпимость, ибо кади (судья) был татарин (զտաթին թաթար էր) и христиане города Тавриза подвергались гонению и некий тюрок по имени Мехти убил армянского вельможу, ходжу Мирака из-за веры христовой»¹⁹.

¹⁸ Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 354.

¹⁹ Գ. Հովսեփյան, Թագրահեանք կամ Պատկանք հայոց պատմութեան վերջ, Բ հրատ., Անթիլիան-Լիբանան, 1969, էջ 339.

Из того же источника узнаем, что в областях Восточной Армении насильственно обращались в ислам преимущественно последние представители крупных армянских феодальных родов или, как называют их источники того времени — «азаторди» («сын азата»).

«Времена были горькие, — пишет тот же автор памятной записи, — и много притеснений потерпели мы от чужеземцев, которые в том году захватили 40 (человек) знатного происхождения, (азаторди), потребовав принять мусульманство. Но милосердный бог пришел на помощь им; среди них был и мой брат пароп Айказ, [а также] пароп Аваг, которые в течение 7 месяцев оставались в заточении и заплатили большую пеню, но не отреклись от христовой веры»²⁰.

Можно не сомневаться, что среди 40 азаторди были и упоминавшиеся католикосом Симеоном «многочисленные и богатые» светские родственники вардапета Закария. Именно тогда бейт-ул-малом были присвоены принадлежащие ему — как «противнику» (رقبات و املاك) (مخالفتان) владения, и только год спустя вардапет Закария сумел доказать свои права собственности на эти земли и как духовное лицо сумел их получить обратно на свое имя, выплатив довольно солидную сумму (5000 динаров) в качестве «цены за примирение».

Здесь, как видим, была предпринята попытка использовать привилегированное положение духовного лица. Но поскольку выкупленные владения продолжали рассматриваться как личные наследственные мулки вардапета, следовательно, они постоянно были подвержены подобным преследованиям и захватам. Тем более, что они лишь номинально принадлежали вардапету Закария, в действительности же свою долю имели и другие, преимущественно светские наследники этой семьи.

О том, что действительно преследования в отношении владений упомянутого феодального рода продолжались, можно судить хотя бы по тому факту, что в 1526 году вардапеты Закария и Амазасп, сыновья Шахена, представителя того же рода, окончательно отдали в дар

²⁰ Там же, стр. 127.

(в вакф) монастыря Аменаприкч половины сел. Манкус, Хавуц-Тар, Аваник и поместий Кегвард и Сурб Саргис²¹. Как правильно предполагает Симеон Ереванци, по-видимому, светские наследники этой семьи или были лишены своей доли, или же для того, чтобы предотвратить захват земли—продали ее, а духовные представители отдали свою долю в вакф монастырю²².

Если купчая на эти семь сел позволяет нам выяснить историю последующего состояния и превращения в конечном счете в монастырско-вакуфную собственность этих незначительных остатков в прошлом несомненно более обширных владений одного из армянских феодальных родов, то относительно дальнейшей судьбы большинства количества земель, принадлежавших другим «азаторди», и конфискованных бейт-ул-малом во время репрессий против армянских феодалов, мы имеем весьма скудные сведения.

Можно не сомневаться, что и другие армянские землевладельцы, как, например, автор упомянутой памятной записи епископ Тер Ованес, который был родом из Прошянов Котайка, пытались тем же путем, или, как сказано в памятной записи, вынужденной «большой пени» получить обратно свои имения и спасти их передачей в вакф.

Выше говорилось, что один из последних князей Досянов из Цара—Айтни, сын Турсуна, три года добивался в высочайшем диване получения обратно своих имений от бейт-ул-мала.

Однако тот факт, что в августе 1489 г., т. е. примерно спустя месяц после получения обратно вардапетом Закария его родовых владений, вышеупомянутый амир Кямал-эд-Дин Абдин-бек продал село Ошакан, ставшее собственностью бейт-ул-мала, позволяет заключить, что многие из конфискованных сел посредством продажи становились собственностью, купленными мулками различных лиц. В упомянутой купчей в качестве покупателя выступает некий Са'ди-Ваккас, который был сыном

²¹ Купчие, I, док. 16.

²² Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 355.

покойного ходжи Сейеди-Али, сына ходжи Кямал-эд-Дин Гусейна. А предшествовавший его имени титул «сахиб-е азам—صاحب اعظم» («великий господин») свидетельствует о занимаемой им высокой должности в местном областном финансовом ведомстве.

Что же происходило?

Зачастую во время ревизий или попросту в результате осуществлявшихся репрессий конфисковывались и объявлялись собственностью бейт-ул-мала издавна принадлежавшие армянским феодалам владения, а затем посредством официальной шариатской продажи они становились купленными мулками («мулк-е зархарид—ملك زرخريد») обосновавшихся в стране представителей мусульманской знати—высшего чиновничества и кочевой знати.

По имеющимся в нашем распоряжении указанным купчим мы не можем судить о том, какие мощенничества и подложные сделки могли иметь место во время «приобретения» этих земель и оформления соответствующих актов в шариатско-нотариальных конторах. Однако тот факт, что в качестве покупателя выступали не случайные лица, даже если бы они были феодалами, а высокопоставленные финансовые чиновники, дает основание для сомнения в подлинности версии, изложенной в купчей этой торговой сделки.

Вышеуказанные купчие 1489 года Хавуц-Тара и Ошакана, а также купчая Григора Маквечи на 7 сел Эчмиадзина отличаются от других купчих XV века тем, что в их тексте или содержится подробное примечание о том, что эти села являются собственностью бейт-ул-мала (как в купчих Хавуц-Тара и Ошакана) или же об этом вкратце говорится в начальной части документа, перед собственно текстом (как в купчих Эчмиадзина и Ошакана). На этих последних купчих имеется следующая резолюция: «Бейт-ул-мал вилайета Чухур-Са'д и подлежащих [местностей]—да будет милосердие божье над всеми ими»²³. Эта резолюция скреплена печатью, кото-

²³ Купчие, I, док. 5, 9. بیت المال فی ولایت چخور سعد و التوابع عفان الله عنهم اجمعين

рая, по-видимому, является печатью кази или шейх-ул-ислама²⁴.

Наличие схожих резолюций на купчих как Ошакана, так и Эчмиадзина свидетельствует о том, что и купленные Григором Маквеци 7 сел, так и Ошакан, являлись во время совершения сделки владениями, конфискованными бейт-ул-малом и находившимися в его ведении.

Как было отмечено выше, в первых двух купчих было подробно указано, что амир Кямал-эд-Дин Абдинбек является блюстителем (амил) бейт-ул-мала вилайета Чухур-Са'да и что в данной сделке он представлял Ягуб-падишаха Ак-Койюнду, а в купчей Григора Маквеци в качестве отчуждавшей стороны выступает амир Рустам, сын Бешкена Орбеляна и «продает» принадлежавшие бейт-ул-малу 7 сел Григору Маквеци.

Из вышесказанного нетрудно заключить, что высшее право распоряжаться землями бейт-ул-мала принадлежало верховной власти в государстве.

Некогда, в ранний период арабского владычества, главным распорядителем бейт-ул-мала считался халиф; только он имел право расходовать на определенные цели накопившиеся там богатства, в том числе доходы с недвижимого имущества. В последующем, когда каждый более или менее авторитарный мусульманский владыка считал себя предводителем всех мусульман управляемого им государства, высшее право распоряжения землей и, в частности, отчуждения земель бейт-ул-мала сосредоточивалось в руках главы государства, каким бы титулом он себя ни именовал²⁵.

²⁴ В ошаканской купчей на печати не указано имя, а купчая на 7 сел Эчмиадзина не является оригиналом, следовательно, здесь отмечено лишь место печати.

²⁵ Правивший в Бухаре Абдул-азиз-хан (1645—1680) из ханов династии Аштарханид в 1656 и 1657 гг. продал некоторым помещикам государственные земли, находившиеся в окрестностях Бухары. В купчих, написанных в связи с этой продажей («васике-йе мубадиле -- و تبيعته مبادله») встречаем следующее разъяснение: «Эти ограниченные [участки] были государственной землей (мамлаке-е падишахи) и его величеству хану, который является халифом эпохи,

Таким образом, нет никакого сомнения, что земли бейт-ул-мала могли подвергаться отчуждению только высшей властью в государстве.

Возвращаясь к анализируемой выше купчей Григора Маквеци, заметим, что амир Рустам выступает в этом документе в качестве отчуждающей стороны; это позволяет предположить, что в то время на определенной территории в его руках была сосредоточена верховная власть. В купчей не только не говорится о том, что он уполномочен кем-либо, а, напротив, он выступает как «высородный амир и господин, достохвальный, именитый, сановитый, удостоенный высокой должности высокопочтенный везир, один из приближенных его величества султана, любимец всемогущего государства хакана, советник величайших султанов, благая надежда мудрейшего из хаканов, чья личность выше всякого описания и похвал, милостью властелина вечности бога доблестный амир власти и религии Рустам, сын амира Бешкена, сына амира Смбага»²⁶.

Видимо, и в этом случае была предпринята попытка, воспользовавшись царящей в стране неразберихой и покровительством Искандара Кара-Койюнду, посредством «купли» и затем приношения в дар церкви (в вакф) предоставить «выкупленные» владения в распоряжение Григора Маквеци, который, весьма вероятно, состоял в

по закону принадлежало право распоряжаться их продажей (валоят-е-бей'), поскольку государственная земля (арз-е мамлаке) имеет значение государственного казначейства (хокм-е Бейт-ул-мал дарад), как имеет место в «Фатави-ал-татарханийя», «ал-Хазане» и иных [книгах], ежели продал имам землю государственную, то это дозволено Абу-Юсуфом и Мухаммадом, да смилуется над нами аллах». В другой купчей разъясняется, почему Абдул-Азиз-хан считается халифом своего времени. Ибо,—написано в купчей,— в то время «находились под его властью прославленный город Бухара, Самарканд, Ташкент, Туркестан, Несеф, Кеш, Хисар-е Шадоман, Кулаби, Балх», (см. «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве». Вып. I,—Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв., сост. О. Д. Чехович, Ташкент, 1954, док. № 10 и 11, стр. 42, 45, 50, 54, срав. док. № 21 и 40, стр. 101, 104, 185, 188).

²⁶ Купчие, I, док. 5.

родственной связи с Орбеляном²⁷, и тем самым спасти эти земли от угрозы возможных в дальнейшем новых захватов и конфискаций. Однако, как это мы увидим из дальнейшего изложения, в шаткой политической обстановке XV и особенно XVI века захваты и конфискации земель продолжались и Эчмиадзин, как и другие крупные монастыри Армении, только ценою упорной борьбы и материальных затрат сохранял свои земельные владения и доходное имущество.

²⁷ Հ. Փափուգյան, Մի էջ Արևելյան Հայաստանի քաղաքական կյանքի պատմությունից; ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիրք», 1955, № 8, էջ 92.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ШАРИАТСКИЕ ПРАВОВЫЕ НОРМЫ И ВОПРОС ФЕОДАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Изучение вопроса феодальной собственности на землю в странах Востока имеет свою давнюю историю. Он интересовал в познавательных или утилитарных целях европейских купцов, путешественников, дипломатов и чиновников колониальной администрации, посещавших в XVI—XVIII вв. те или иные страны Востока. Исследованием этого вопроса занимались также экономисты и историки дореволюционной России (Шопен, Гакстгаузен, Торнау, Егиазаров и др.), отметившие ряд особенностей в правах собственности на землю в странах Ближнего Востока и в Закавказье.

Некоторые исследователи полагают, что право собственности на землю в мусульманских странах определялось религиозно-шариатскими законами. Однако, как справедливо отмечал востоковед В. Минорский, вопросы землевладения «нельзя разъяснять и разрешать, опираясь лишь на исламские институты, которые в каждой стране приобретали иной вид и были для интересующего нас вопроса не чем иным, как юридической завесой, которая была призвана прикрывать принятые на местах порядки»¹.

Как известно, земля, согласно догме ислама, принадлежала богу. В 125-м стихе 7-й суры Корана говорится: «Сказал Муса своему народу: Просите помощи у Аллаха и терпите! Ведь земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследие кому пожелает из своих рабов, а конец—богобоязненным». Даже в текстах документов

¹ Tadhkirat al-Muluk, p. 195.

о совершенной сделке по продаже или дарению, передаче в вакф земель говорится: «Пока земли эти со всеми на них находящимися людьми перейдут во владение наилучшего владетеля—Бога»². Это означало, что нынешний владелец земли рассматривался как «временный» (поскольку настоящим владельцем был бог) и имел лишь право пользования доходом с этих земель.

Глава общины мусульман—имам или халиф, а позднее и другие верховные правители в государствах, где ислам был официальным вероучением, в частности турецкие султаны и иранские шахи, претендуя на миссию заместителя Аллаха на земле³, рассматривались мусульманским правом как верховные собственники всей земли в пределах данного государства.

Исследование феодальной действительности в различных мусульманских государствах, так же как и в Армении периода правления здесь мусульманских династий, обнаруживает наличие большого многообразия в категориях земельной собственности. Основу феодальных производственных отношений здесь, как и в других странах эпохи феодализма, составляла феодальная собственность на землю, выступавшая в различных формах: государственных или доменных земель, военно-ленного землевладения и частно-феодального землевладения.

Последняя форма феодальной земельной собственности имела в Армении XVI—XVII вв. весьма широкое распространение. Отличительной особенностью ее была безусловность службой ее владельца вышестоящему феодалу (в условиях Сефевидской державы—обычно государству) и связанное с этим право отчуждения—дарения, наследования, продажи, которым обладал владелец.

В Армении, как и во многих других странах Ближнего и Среднего Востока, эта форма феодальной собст-

وقف مؤبد مغلد الى ان يرث الارض ومن عليها و هو خير
مكاتبات رشيدى بسعى و. см. Купчие, I, док. 1.7, срав. الوارثين
1967 اهتمام محمد شفيع لاهور 158.

³ Среди многочисленных титулов сефевидских шахов особо подчеркивался титул «тень бога» (ظل الهى).

венности, известная задолго до рассматриваемого нами периода, именовалась термином мулк.

Изучению характера и специфических черт этого института посвятили свои работы многие востоковеды, однако ряд вопросов связанных с историей и социально-экономическим содержанием его, остаются объектом обсуждений и по сей день.

В изданной недавно монографии «Аграрные отношения в Араратской стране» С. Маркосян подверг обстоятельному анализу различные точки зрения, выдвигавшиеся исследователями по проблемам землевладения. Большое внимание уделяется им институту мулка. Основываясь на том неоспоримом факте, что в Армении термин мулк в одном из своих технических значений определял ренту с мулковых деревень⁴, отстаивает точку зрения на владение мулком как на право присвоения его владельцем дохода. Такую интерпретацию мулка С. Маркосян аргументирует (пользуясь, главным образом, краткими описаниями персоязычных купчих в «Джамбре» Симеона Ереванци), в частности, тем, что в документах часто фигурирует отчуждение не только всего, но и отдельных долей (дангов) мулка деревень.

Как нам представляется, такого рода соображения явно недостаточны для квалификации владельца мулка или малика как простого рентополучателя. Хорошо известно, что право абсолютного и непосредственного распоряжения крестьянской землей в пределах данного феодального владения, впрочем как и некоторые другие права (наследование, продажа и т. д.), могли быть присущи тем или иным формам феодальной собственности в те или иные периоды средневековья, однако они не были атрибутами (т. е. неотъемлемыми качествами) ее. Поэтому отсутствие такого рода прав у тех или иных землевладельцев не превращало последних в простых рентополучателей, не означало отсутствия у них права феодальной собственности, тем более, что рента была выражением и формой реализации этой собственности.

⁴ Следует заметить, что рента с мулковых деревень начиная еще с XIV—XV ввек в официальных документах обычно называлась «бахре-йе маликане» или «бахраче-йе маликане» (т. е. «доля малика» или «доля владельца мулка»), см. Купчие, I, док. 5 и 14.

Действительно, если мы обратимся к источникам, то обнаружим, что многочисленные источники, в частности купчие и другие архивные документы, свидетельствуют о том, что несмотря на отсутствие у владельца мулковых деревень абсолютных собственных прав, прав распоряжения и использования самой земли, сельская община признавала его собственником земель села, которые были подробно описаны в находящейся в его руках купчей, почему и обязывалась выплачивать ему ренту⁵.

Правда, с конца XVII в. эти права становятся более определенными. Их развитие неразрывно связано с начавшимся в это время и усилившимся впоследствии процессом ограничения прав крестьян на возделываемую ими землю. Однако такого рода явления характеризуют уже новый этап в развитии феодальной собственности, знаменуя, по существу, ее разложение. Именно этот этап имеет в виду Фазлулла Мошавер, когда отмечает, что «после Сефевидов собственность упрочилась и получила образ собственного права. Мы не имеем целью анализировать это явление и излагать историю его развития,—продолжает он,—однако является неоспоримым тот факт, что при Каджарах земля являлась бесспорной и безоговорочной собственностью владельца»⁶.

Таким образом, отсутствие у феодального собственника права абсолютного распоряжения землей (характерного, скажем, для буржуазной собственности) не является основанием для отрицания за ним права феодальной собственности.

Последняя, реализуясь в феодальной ренте посредством осуществления внеэкономического принуждения, была ограничена, с одной стороны, владельческими правами крестьян, с другой стороны,—иерархической структурой феодального класса и его собственности, что сводилось к существованию на одну и ту же землю феодального права нескольких субъектов собственности и, в частности, верховного собственника—государства или шаха. Неудивительно поэтому, что собственные права отдельных частных феодалов (в том числе и маликов)

⁵ Об этом более подробно см. главу шестую настоящего труда.

⁶ *Fazlollah Mochaver, L'évolution des finances iraniennes, Paris, 1938, p. 149.*

нередко урезывались, ограничивались или вовсе упразднялись в результате официальных акций верховных правителей или же произвола и насилия со стороны более крупных феодалов, обладавших значительной административной и военной властью, являвшейся в феодальной действительности условием владения землей («атрибутом феодальной собственности», по выражению К. Маркса). Все это приводило к отсутствию стабильности в правах собственников. Естественно, что последние стремились к законодательному оформлению своих собственных привилегий. Причем общим правилом было повторное издание документов, подтверждающих права тех или иных землевладельцев. Чтобы убедиться в этом, достаточно ознакомиться с целым рядом шахских указов⁷, подтверждавших ранее составленные документы (решения шариятских судов, более старые шахские указы и т. д.). В частности, по документу от 1620 г. и указу бекларбека мулк села Вагаршапат, присвоенный доверенным лицом ереванского бекларбека Амир Гунахана, возвращался прежнему владельцу—Эчмиадзинскому монастырю. «Вакили его высочества,—говорится в тексте документа,—одновременно ознакомилась с несколькими составленными по поводу этого вопроса достойными доверия актами—отдельными подлинниками кабале и вакфнаме». После чего Амир Гунахан, лично выступив в присутствии Шар'а, «от имени государства и его руководителей, своим... правдивым шариятским признанием и ясным и явственным заявлением, без колебаний и недовольства, по собственному желанию и доброй воле отказался от мулка упомянутого села и предоставил [его] в распоряжение богомольцев»⁸.

Следовательно, захваты земли или конфискации могли быть подвержены опротестованию. Мы располагаем свидетельствами о том, что суд Шар'а на основе «достойных доверия актов—кабале и вакфнаме», а также «свидетельства видных людей упомянутого махала» восстанавливал в отдельных случаях права законных собственников, возвращая им захваченные или отобра-

⁷ Указы, I, док. 11, 12, 13, 15, 16, 17; II, док. 3, 4, 5, 6, 8, 14, 20, 21, 22, 26, 29, 35, 40, 42.

⁸ Там же, II, док. 14.

ные у них земли⁹. Так, после повторного овладения Ереваном в 1636 году, по приказу шаха Сафи были конфискованы и объявлены собственностью высочайшего дивана все владения Тахмаспули-хана (сын Амир Гуна-хана), который сдал туркам крепость без сопротивления и сам бежал в Турцию. В ходе этого были конфискованы в качестве мулков Тахмаспули-хана села Яйджи, Норагех, Гёлкянди и другие, которые в действительности принадлежали ереванскому ходже Акопу, сыну ходжи Сета. Начатые на основании жалоб ходжи Акопа проверки документов и дафтаров дивана длились годы, пока в 1648 году указом шаха Аббаса II (в котором упоминаются все купчие и указы, относящиеся к этим селам) были восстановлены права ходжи Акопа в отношении мулков указанных сел.

На основании представленных ходжой Акопом документов, бекларбек Еревана, шейх-ул-ислам, кази и многочисленные прочие ответственные лица составляли акт, в котором сообщают, что они «проверили действительность и, так как много людей засвидетельствовали, что упомянутый ходжа правомочен в отношении этих мулков, которые путем купли у наследников Надир Гунабека и других людей перешли к нему, поэтому в этом году вышеупомянутые места были переданы во владение упомянутому ходже»¹⁰.

Изучение исторических материалов показывает, что несмотря на то обстоятельство, что мулки могли подвергаться конфискациям или захвату со стороны более сильных феодалов, собственнические права их владельцев были более определенными и прочными, чем права ленников-тиулдаров и некоторых других категорий феодальных собственников, и защищались феодальным мусульманским правом — Шариатом.

Этот же институт — «маликане» — имелся и в Османской империи; здесь, как и в Сефевидском государстве, он имел весьма глубокие корни и, как мы увидим из дальнейшего изложения, восходил ко времени арабского владычества и даже к более раннему периоду. Вот что

⁹ См. об этом Купчие I, док. 8, 11, 12, 13, 14, 18, 19 и примечания к ним.

¹⁰ Указы, II, док. 35.

пишет о землях «маликане» автор XVII века Авни Омар эфенди в книге «Канун-и османи мефхум-и дефтер-и хакани», посвященной формам землевладения в Османской империи: «Еще одна форма та, которая называется маликане. Она утверждена прежними царями как собственность (тамлик) некоторых правителей, князей, беков и некоторых государственных деятелей — в соответствии с их заслугами и достоинствами. Поэтому они обладают царскими купчими (мулкнаме). Эта форма походит на наследственный мулк (мулк-е мовруси). Они могут распоряжаться как своей собственностью и как того пожелают — могут продать другому, подарить или завещать (отдать в вакф), и из поколения в поколение, пока оно не прервалось, или не последовало высочайшего приказа о ликвидации [собственности], они продолжают владеть как мулком, и взамен этого от них не требуется повинностей»¹¹.

Характерным здесь является то, что земли, согласно заявлению Авни Омар эфенди, были ранее утверждены властью как собственность упомянутых лиц.

В актах, подтверждающих права маликов, всегда подчеркивались их исконные наследственные собственные права. Так, во время проведенной в 1504 году проверки, было подтверждено, что «те имения, которые находятся в руках честного христианина Тадеоса, сына Манвела, и его сына Мириджана, согласно шариатским документам являются их полной собственностью и мулком и их право на владение этими имениями и мулками — справедливое право»¹².

В акте, подтверждавшем принадлежность сел Хот, Шынхер и Халидзор Татевскому монастырю, подчеркивалось, что все шесть дангов мулков указанных сел, «включая право орошения их полей, [все] подлежащее, прилежащее, приращенное и принадлежащее, собственническое, сопредельное и земледельческое бахраче и доходы иного рода издавна и по сей день были утверждены как мулк и являлись собственностью и владением настоятеля (мутавалли) Татевского монастыря Капаната,

¹¹ H. Uzuncarslı, Kanun-ı Osmani Mevhum-ı Defter-ı Hakani, Belleten., g. XV, sayı 59, Ankara, 1951.

¹² Купчие, I, док. 12.

а также епископов и монахов, проживающих при молельнях и церквях»¹³.

В пространных текстах шариатских документов или купчих, относящихся к купле-продаже сел (قبالة بيع وشراء) форма которых была выработана в течение веков, фиксировалось и юридически подтверждалось, что «разграниченное здесь село целиком, со всеми границами, правами, прилежавшими и принадлежавшими [местностям], есть неоспоримое право, неотделимая собственность и чистое и беспримесное личное богатство упомянутого покупателя и является одним из его прав, мулков, богатств, имений и сел, и он может иметь его в своих руках и владеть ими так, как собственники (малики) владеют своей собственностью (мулками), или владельцы—своими правами, и поступать с ними так, как захочет»¹⁴.

Об исключительно ревнительном отношении мусульманских властителей к праву собственности на землю свидетельствует следующая примечательная подробность, сообщения Рашид-эд-Дином относительно общего учета имений, проведенного в период реформ Газан-хана: «Он повелел также, произведя расследование, подробно переписать по именам владельцев всех поместий инджу, вакфные и частные, находившиеся в их владении без спора в течение тридцати лет, и занести их в реестры податной росписи, дабы, если у кого-нибудь пропадает кабале, или он попросит другую, чтобы она у него находилась под рукой, то обращались бы к этой податной росписи и действовали, основываясь на том, как [в ней] занесено, чтобы ни у кого не оставалось возможности плутовать и вымогать»¹⁵.

Большая часть падишахских указов сефевидского периода, составленных в связи с подтверждением собственности прав маликов или возникших между маликами споров, издавалась в подтверждение решения (мисал) диван-ал-садарата или «фетвы», данной шейх-ул-исламом или муфтием. Споры относительно мулков

¹³ Там же, док. 3.

¹⁴ Там же, док. 9, а также 4, 5, 8.

¹⁵ فضل الله رشيد الدين، جامع التواريخ، جلد سوم، بیسعی و
اهتمام عبدالکريم علی زادن، پاکو، 19۰۷

или других видов земельной собственности заслушивались в судах Шар'а, и только после тщательного судебного разбирательства принималось заключение, которое подлежало утверждению со стороны обычного суда «урф» или верховной государственной власти. Выше было показано, что решение о принадлежности Эчмиадзину мулка села Вагаршапат было дано, во-первых, ереванским присутствием Шар'а, а затем утверждено приказом бекларбека Амир Гуна-хана.

Из этих же документов явствует, что для определения прав маликов в отношении того или иного села в случае надобности прибегали к помощи налоговых реестров дивана, и полученные отсюда справки также могли служить юридической основой для подтверждения собственности прав маликов.

Наследственные собственнические права преемников вардапета Закария Хавуц-Тара в отношении сел Манкус, Сурб-Саргис, Аваник, Кохд и Кызыл-Вапк и имений Тарнис, Кутуц-Вапк и Аванасар были утверждены в 1577 году указом высочайшего дивана шаха Исмаила II, юридической основой которого является решение, или «мисал», духовного присутствия «Суда стана» (دارالقضاء) (معسكرظفرانتر), которое приведено на другой странице этого же документа.

«Приказ высочайшего и святейшего дивана гласит,—говорится в этом указе,—чтобы поступали согласно обнародованному при сем образцовому мисалу Суда стана победоносного войска, не отклонялись от его содержания и смысла, признавая образцом подражания постановления наисветлейшего Шар'а, не выходили за его пределы и избегали противиться священному Шар'у»¹⁶.

А в решении Шар'а говорилось, что эти села являются законными, наследственными мулками Закария и его родственников, «находятся в их руках, а зимми (армяне) в этих местностях имеют посевы, построили мельницу и маслобойню, обработали сады и огороды и построили ятаги, но, незаконно сопротивляясь, отказываются, согласно местному обычаю, выплачивать упомянутым маликам маликане и уджрат-ул-мисл и домогаться с

¹⁶ Там же, док. 19.

реальной уджрат-ул-мисла и маликане скинуть и убавить; а потому, имея в виду это, поставили, чтобы вышеупомянутые общины, маликане указанных владений, что является уджрат-ул-мислом, после законного (шар'и) «требования и необходимости», принятому на месте по-рядку, передавали маликам и никакими незаконными прошениями и мотивировкой не делали упущений [в их уплате] и без законной (шар'ийе) причины ничего не скинули бы и не убавили. Местные мутасадди Шариата и вакили хакима в этом вопросе должны оказать законную помощь и никому не разрешать противиться смыслу блистательного Шариата»¹⁷.

Как видим, защищая права маликов, шариат нарушителей неприкосновенности мулка объявлял «противниками священного Шариата» (مخالفين شريعة غرا), каковые подлежали преследованиям и каре. В указе 1604 года шаха Аббаса I, который был отдан в подтверждение решения Диван-ал-садарата относительно наследственных собственнических прав дочери Кеджавона Вахах на мулк села Сагмосаванк, предписывалось, «чтобы поступали согласно обнародованному при сем и достойному подражания мисалу высочайшего и блистательного Диван-ал-садарата, не отклонялись от его содержания и смысла, а считали решение священного Шар'а обязательным и избегали противодействия сему высочайшему повелению и достойному подражания мисалу. Таковые подлежат преследованию»¹⁸.

Указом от 1620 года шах Аббас I утвердил решение Диван-ал-садарата о защите мулков мелика Кашатага— Айказа от посягательств противников. В этом решении Рафи'-эд-Дин садр подтверждал, что «отдельные части определенных мулков, которые находятся в подчиненных Азербайджану [областях] Гуштасифа и Капана, являются законным правом мелнк-Айказа, и он владеет ими в качестве малика, меж тем некоторые люди, находящиеся [в том] месте, без какой-либо причины мешают ему владеть [этими мулками] и незаконно причиняют ему беспокойство; поэтому мы постановили, чтобы упомянутые люди не были вопреки священному Шар'у ему по-

¹⁷ Там же.

¹⁸ Указы, II, док. 3.

мехой и не мешали владеть теми частями, которые находятся в его руках в качестве мулка и собственности (мулкийат ва хаккийат). Пусть считают решение священного Шар'а обязательным, без законной причины не мешают ему владеть [его мулками], не причиняют ему незаконно беспокойства и избегают сопротивления священному Шариату»¹⁹.

Документы, относящиеся к вакуфным дарениям, также подтверждают, что с точки зрения шариатского права наследственные и купленные мулки являлись весьма прочной собственностью. Эти документы, как было отмечено ранее, большей частью состоят из двух частей: а) кабале и б) вакфнаме. В первой части зафиксирована покупка мулков, а во второй—приношение их в дар. Дарящий выступает, во-первых, как покупатель и выплатой наличными деньгами делает своей, законной с точки зрения шариатского права, собственностью даримый мулк или мулки, и только после юридического утверждения своих прав собственности дарит их или передает в вакф какому-либо религиозному учреждению²⁰. В том же случае, когда эти владения являются наследственными мулками, это отмечается в начальной части (в преамбуле) документа, где говорится, что их собственность утверждена «отдельными достоверными, истинными и доподлинными документами и незабываемыми актами, написанными и скрепленными печатями достойными доверия прежними и нынешними кази»²¹.

Следовательно, только личные наследственные или приобретенные на деньги мулки считались de jure неоспоримой собственностью, владельцы которых, как было отмечено, могли распоряжаться ими по своему усмотрению (дарить, наследовать, продавать), и с правами которых, хотя бы формально, считались даже верховные правители.

Шейх Гусейн-Захиди из сефевидских дервишей Ардабиля, написавший в конце XVII века труд «Силсилат-ул-насаб-е сафавийе», в котором излагается история шейха Сафи и его преемников, передает следующий рас-

¹⁹ Там же, док. 15.

²⁰ Купчие, I, док. 4, 5, 7, 17.

²¹ Там же, док. 3, 14, 18.

сказ: когда шах Аббас I, очистив от узбеков Хорасан, занял город Балх, в одном из окрестных сел в руки воинов-кызылбашей попали несколько вакфнаме, которые являлись дарственными записями эмира Тимура шейха Али, сына шейха Сафи. Согласно этим вакфнаме, в 1402 году Тимур подарил большое число пригнанных им из очередного похода пленных шейху Али; одновременно он купил много сел в районах центрального Ирана и передал их в вакф наследникам шейха Али. Эти вакфнаме были предъявлены шаху Аббасу, который мог—как наследник шейха Али—сейчас же присвоить эти села и включить их в свои хассе. Однако шах отказался от этого, сказав, что эта сделка является царской сделкой; могло случиться, что кабале были написаны, но сумма [подлежащая уплате за куплю] не дошла до [прежних, исконных] владельцев мулков. В противном же случае хотя бы некоторые из этих мулков должны были быть ныне в наших руках»²².

Как видим, даже Тимур, осуществлявший деспотическую власть в пределах своей огромной империи и, безусловно, считавшийся, согласно букве ислама, верховным собственником земли, не мог пренебрегать правами частных феодальных собственников и считал необходимым формальное оформление приобретения им мулковых деревень в виде сделки по купле.

Здесь интересно выражение «царская сделка» (معامله پادشاهی), что, фактически, означало «захват под предлогом купли», с практикой которой, безусловно, прекрасно был знаком и сам шах Аббас.

Поскольку социальные отношения в мусульманских государствах в значительной мере регулировались законами шариата, постольку понятия «закон», «законность» выражались терминами «шар'» «شرع», «шариатский» — «شرعی». Когда хотели сказать «законное владение», «законная продажа», «законный вакф», говорили: «тасариф-е шар'н» «تصرف شرعی», «бей'-е шар'н» «بیع شرعی».

²² «سلسله النساب صفویه» دیرلین ۱۹۲۴ стр. 48—49.

...معامله پادشاهیست شایدکه قبایلها نوشته باشند و مبلغ بصاحب ملک نرسیده باشد اگر همچو نمیبود میبایست که از آن املاک قلیلی در تصرف میبود

«вакф-е шар'н» «وقف شرعی». Понятия «законный», «ответствующий закону», «допускаемый законом» передавались выражениями «бемуктаза-йе шар'-е январ» «بمقتضی شرع انوار», «шар'ан» «شرعاً», «машру'» «مشروع» и прочими словами и словосочетаниями, производными от корня «шар'».

Все органы правосудия (и суд шар'а и суд урф) руководствовались шариатскими нормами. По данным «Тазкират-ал-мулук», верховный судья гражданского суда—диван-беки—по представленным ему судебным делам большей частью обращался к возглавлявшемуся садром духовному присутствию шар'а-диван-ал-садарату или по конкретным вопросам запрашивал мнение садра. Решения последнего после утверждения диван-беки приобретали силу закона и подлежали исполнению²³. А эти решения, как мы видели, исходили из освященных веками шариатских принципов неприкосновенности de jure всех видов личной собственности, каковой, согласно шариату, были также и наследственные и приобретенные земельные владения—мулки.

Зачастую весьма ревностное соблюдение самими верховными правителями установлений шариата имели целью поддержание авторитета мусульманской религии, в том числе ее этических и правовых установлений, которые в свою очередь освящали и укрепляли существовавшие феодальные порядки и власть феодальных правителей²⁴.

Завершая рассмотрение некоторых общих положений проблемы феодальной собственности в Армении и одной из ее форм—мулка или частной феодальной собственности, не связанной с исполнением службы вышестоящему феодалу, мы хотели бы кратко остановиться

²³ Tadhkirat al-Muluk, p. 50—51.

²⁴ Интересными образцами подобного рода «соблюдения законности» являются пространные вакфнаме относительно подаренных шахом Аббасом в 1607 г. различным святыням и прочим богатств, о которых довольно подробно говорит Искандар Мунши (т. 2, стр. 760—762); одна из копий этого вакфнаме сохранилась в фонде восточных рукописей Матенадарана (рук. 235, стр. 726—76а).

на некоторых данных лингвистического анализа существовавшей в исследуемый период терминологии.

Следует отметить, что большая часть исследователей, закономерно концентрируя внимание на изучении исторического материала, не обращает, как нам представляется, достаточного внимания вопросам филологического анализа, чрезвычайно важного для раскрытия социально-экономического содержания институтов, скрывавшихся за этими терминами. Как известно, французский путешественник Шарден в своем сочинении упоминает форму землевладения в Сефевидском государстве, собственники которой в течение 99 лет могли свободно распоряжаться своими владениями, однако по истечении этого «срока» должны были уплатить шаху определенную мзду в размере ежегодного дохода своего владения и тем самым обновить права на землю. Далее Шарден разъясняет, что «собственность подобного рода называлась «тасарруф», что он ошибочно передает как «длительная (или непрерывная) собственность» (*propriété permanente*)²⁵. Следует заметить, что анализ исторического материала не позволяет говорить о существовании в рамках Сефевидского государства формы собственности, которая была бы известна под этим термином. Само слово «тасарруф» не передает понятия «собственность», поскольку «тасарруф нмудан» (*تصرف نمودن*), «дар тасарруф даштан» (*در تصرف داشتن*), «мутасарреф шодан» (*متصرف شدن*), «дар тахт-е тасарруф» (*در تخت تصرف*), «дар яд-е тасарруф» (*در يد تصرف*) и подобные выражения равнозначны армянским понятиям «*դրս-վել*» (занимать), «*վերցնել*» (брать), «*կալել*» (владеть), откуда и происходит армянский термин «*կալվածք*» (владение).

Термином, передающим право частной феодальной собственности, которым владели малики (или мулкадары), был «тамлик», производное от арабского «мулк». В других случаях для акцентирования собственнических прав владельца владение называли «тасарруф-е маликәне—*تصرف مالکانه*» (буквально—«собственническое владение»).

²⁵ *Chardin*, vol. v, p. 381—382.

Таким образом, шариатское право и существовавшая в XVI—XVII вв. земельная терминология безусловно выработали особые нормы и специальные понятия для определения той суммы прав, которыми обладали малики в отличие от ленников-тиулдаров. Мулк, обладая целым рядом исторически складывавшихся специфических черт (относительно большими правами его владельца по сравнению с правами тиулдаров), являясь категорией землевладения, стоявшей вне иерархического служебного землевладения, был тем не менее всего лишь одной из форм феодальной собственности, основанной, как и другие ее категории, на внеэкономическом принуждении наделенных собственными средствами производства производителей-крестьян.

Наличие у малика тех прав, которыми не обладали другие категории феодальных собственников, в частности тиулдары (отчуждение вплоть до продажи и др.), хотя и имело большое значение с юридической точки зрения, однако не меняло социально-экономического содержания этого института, как одной из форм феодальной собственности. Такие права, как право абсолютно распоряжения, право продажи и т. д., столь характерные для буржуазной собственности, были далеко не обязательными и несущественными признаками собственности феодальной, юридические формы выражения которой были чрезвычайно многообразными и сложными.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗЕМЛИ, ЛЕННАЯ СИСТЕМА И ШАХСКИЙ ДОМЕН В XVI—XVII вв.

В XVI—XVII вв. земли, являвшиеся государственной собственностью, доходами с которых непосредственно распоряжалось управление финансовых дел при дворе шаха, или «высочайший диван» (دیوان اعلی). назывались «землями дивани» (اراضی دیوانی). Это наименование восходит к периоду ильханства и, возможно, к более раннему времени; оно сохранялось в Иране вплоть до времен Надир-шаха Афшара (1736—1747).

Количество этих земель увеличивалось или уменьшалось в соответствии с политической обстановкой.

Земли дивани стали расширяться в период с середины XVI века до 30-х годов XVII века вместе с укреплением феодального государства Сефевидов. Уже в XVII веке более 50 процентов обрабатываемых земель Восточной Армении были государственными. Это было следствием того, что часто повторяющиеся нашествия и массовые выселения армянского населения приводили к разорению частных владений, собственники которых, лишившись рабочих рук—земледельцев-райатов, также оказывались вынужденными покинуть свои земли. Нередко это происходило в результате того, что некоторые земельные собственники, занимая административные или военные посты, вместе с военным поражением своего сюзерена теряли и должности, и чины, и земли. Последние конфисковывались в пользу вновь создавшихся государств и причислялись, по крайней мере, первоначально

к землям дивани. Фонд земель дивани расширялся, в частности, также за счет мулковых земель, которые в период своего правления скупали ханы и бекларбеки и которые не сохранялись за ними при отстранении их из-за весьма частых хищений и злоупотреблений от занимаемых должностей. Все принадлежащее им движимое и недвижимое имущество, в том числе и мулки, конфисковывались в пользу государства и передавались в ведение дивана. Искандар Мунши, описывая взятие Тифлиса шахом Тахмаспом в 1561 году и смерть царя Картли Луарсаба, передает, что принадлежащий Луарсабу Тифлис с окрестными селами был включен в «распоряжение высочайшего дивана» (درحیطة تصرف دیوان) ¹ и только спустя некоторое время, когда сын Луарсаба Давид явился к шаху, покорился ему и принял мусульманство, эти земли были возвращены ему.

В начале XVII века шах Аббас I, реорганизовав свое войско, стремился расширить земли дивани, чтобы обеспечить выплату жалования войнам, взамен которого обычно давались земельные пожалования.

Когда после убийства шаха Исмаила II на сефевидском престоле утвердился султан Мухаммад Худабаде (1578—1587), обнаружилось, что большая часть земель в государстве уже в прежние правления была роздана в качестве олка военной знати, некоторые земли были захвачены турками; в результате многие амиры не получили олка и их жалование выплачивалось наличными деньгами из государственной казны. Как сообщает Искандар Мунши, это обстоятельство послужило причиной новых мятежей и междоусобицы среди амиров кызылбашей². Военная знать наличным деньгам предпочитала тиулы, поскольку произвольно завышая официальные ставки налога с населения пожалованных земель, она во много крат увеличивала фиксированный в деньгах размер своего жалования. Кроме того, получая нередко пожизненное право взимания налога с какой-либо территории, военная знать, владельцы олка и тиулов проявляли тенденцию к укреплению собственных прав, превращению своих держаний в наследст-

¹ تاریخ عام آرای عباسی, т. I, стр. 89.

² Там же, стр. 228.

венные и необустроенные службой держания. Естественно, что они стремились заполучить прежде всего такие земли, которые были ближе расположены к их основному месту жительства.

О том, как происходило распределение служебных земельных пожалований, можно составить представление по следующему свидетельству Искандара Мунши:

«Постоянно предметом заботы Его величества (шаха Аббаса I.—А. П.) было то, чтобы и победоносные воины, и служители стремились его благородия (ملازمان ركاب اشرف), даже мастера и ученики мастерских дворца имели бы ежегодное жалование, получаемое с определенных мест (مواجب همه ساله از محل معين), с тем, чтобы, получая каждый год с данного места (доход), продолжали нести службу и тем самым были бы освобождены от обращения к Дивану и требования суммы жалования (تسخواه مواجب). Поэтому в те времена он (шах.—А. П.) занялся этим делом и распорядился, чтобы нужды войска пеликом удовлетворялись из наиболее платежеспособных мест. Это дело он поручил высокопоставленному э'темад-уд-довле, везиру высочайшего дивана Мирзе Абуталибу, ...чтобы он вместе с писцами дворцовой дафтархане в эту зиму (1617—1618) остались бы в Тавризе и уточнили долю каждого лица или группы и назначали бы доходы с такой местности, которая удобна для данной личности. Они должны были иметь в виду отдаленность и приближенность их места жительства, учитывать пожелания получавшего жалование и вручать расписку, в которой должно быть подчеркнуто слово «хамесале» (ежегодный), в отдельности каждому из них. Высокопоставленный э'темад-уд-довле и высокопоставленные мустофи, согласно этому высочайшему приказу, остались в Тебризе до конца года, что составляет четыре месяца (декабрь 1617—март 1618), и завершили это дело, как то было поручено. Пишущий настоящие строки вместе с несколькими писцами из Дивана остались для написания этих указов при вышеупомянутых высокопоставленных деятелях, и в течение четырех месяцев, день и ночь, были заняты этим большим делом»³.

То обстоятельство, что в некоторых случаях поже-

³ تاریخ عالم ارای عباسی، т. II, стр. 924—925.

лания тиулдаров действительно учитывались, видно и по нескольким падишахским фирманам, хранящимся в архивном отделе хранилища рукописей Музея Грузии.

В 1695 году Аслан-бек и Луарсаб-бек Братели обратились к шаху Султан-Хуссейну с просьбой, чтобы им взамен жалованья были даны тиулы из местности Сыкнак олки Карабаха; шах в своем ответном послании сообщал, что все земли этого махала уже распределены и свободных земель нет⁴. Еще более интересен другой документ, относящийся к 1703 году, согласно которому Бададе-бек, сын Рустам-бека из Кахети, отказывался от своего хамесале, которое после смерти его отца было переведено на его имя. Свое жалование он должен был получать, присваивая налоги с нефтяных и солевых промыслов Баку. Мотивируя тем, что они расположены очень далеко от места его жительства, вследствие чего он терпит большие убытки, Бададе-бек просил взять обратно это хамесале и взамен разрешить ежегодно получать сумму с арендаторов сел дивани, находившихся в ведении хакима Ленкорана Аббаскули-хана. Эта просьба бека была удовлетворена, великие мустофи получили распоряжение немедленно включить его хамесале в состав земель дивани⁵.

Земли дивани заносились в специальные реестры, которые находились у начальника финансового управления данного вилайета—«сахиб товджих-е диван» (صاحب توجیه دیوان) и назывались «налоговые книги дивана» (دفاتر توجیه دیوان—дафатир-е товджих-е диван). По выпискам из этих реестров, сохранившимся в шахских указах или шариатских фетвах, видно, что деревни были распределены по округам (махалам), здесь же указывалась сумма ежегодного налога, числившегося за каждой из них⁶. Реестры земель дивани Ереванского вилайета (или бекларбекства Чухур Са'да) хранились в Тавризе, где находилась резиденция

⁴ სპარსული ისტორიული საბუთები, книга I, выпуск 3, док. 3.

⁵ მაკარ ზუბუა, საქართველოს მუზეუმის სპარსული ფირმანები და პოქ-მები, თბილისი—1949, стр. 44.

⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 6, 14, 22, 63, пап. 26, док. 111, 107а, 107б, пап. 1д, док. 359 и др.

незира Азербайджана и главного мустофи северо-западных областей страны.

Часть земель дивани управлялась чиновниками фиска. Собиравшиеся ими с населения деревень налоги сосредоточивались в государственной казне. Из накопившихся средств производилась выплата жалования тем категориям должностных лиц, которые не получали земельных держаний.

Однако большая часть деревень дивани обычно оказывалась распределенной в тиулы или в служебные держания представителям военной знати, которые, согласно официально предоставленным им правам, могли присваивать часть взимавшегося с крестьян пожалованной территории прибавочного продукта, но не пользовались ни правом передачи тиула по наследству, ни административно-налогового иммунитета, столь характерного для сюргального землевладения и широко распространенного до начала XVI в.

Специальные ферманы адресовались общинам одной или нескольких деревень («جماعت» — джамаат) с предписанием выплачивать получателю данного указа или его агентам перечисляемые в этих же ферманах налоги в соответствии с налоговым реестром. Обычно подробно перечислялись налоги, взимавшиеся как натурой, так и деньгами, но нередко упоминались лишь их денежные эквиваленты. Так, например, село Даstackерт махала Сисаджан (Сисян) Туман-е Нахчевана, которое в 1682 году было отдано в качестве тиула хакиму Борчалу, было обязано ежегодно выплачивать тиулдару 54.909 динаров, из них 15.009 динаров в счет малоджахата или поземельного налога пшеницей и прочими продуктами, а 39.900 динаров — наличными в счет джизьи⁷. Общая денежная стоимость налогов, взимавшихся с сел Хасапкянди и Кармундж махала Гёгча-Дангиз тиула и хамесале грузинского феодала Зал-бека, определялась в 88.450 динаров⁸. Из протокола, составленного в 1704 году между общинами сел Вагаршаната и Кюльтапа, выясняется, что деревня дивани, именовавшаяся Кюльтапа, в течение довольно длительного времени служила источ-

⁷ Там же, док. 101.

⁸ Գյուղի կողմից, стр. 105—106.

ником для получения хамесале, хаджи Мухаммаду, сыну Кялб-Али Татарлу-Айрумлу, взамен назначенного ему ежегодного жалования в 25.000 динаров⁹.

В XVII веке в тиул жаловались не только доходы с земель дивани, но также и все государственные налоги или их часть, взимающиеся с какой-либо мулковой деревни или группы деревень. В тиул и хамесал отдавались также налоги с неземледельческих занятий — промыслов, ремесленных мастерских, торговых сделок и прочие доходные статьи государства (налог с монастырей и т. д.). «Сефевидский тиул, — пишет об этом И. П. Петрушевский, — в теории означал пожалование служилым людям, в виде вознаграждения за службу, доли поземельного налога (мал у джихат) и иногда других сборов, взимающихся до того в пользу дивана (мутаваджихат-и дивани) с определенных селений или местностей, но не земли и не сидевшего на ней податного населения (ра'айя)»¹⁰.

Следует отметить, что в XVII веке пожалование в тиул государственным чиновникам и военной знати взимающихся в пользу дивана налогов, являлось одной из основных форм феодального земельного владения, несмотря на то, что в дошедших до нас документах и прочих первоисточниках мы не видим юридического оформления этого. Согласно ферманам, тиулдарам предоставлялось на тот или иной срок (но не наследственно) лишь право взимания налогов с данной территории. Практически же тиулдары, имея в отношении райатов и судебную, и административную власть, в условиях слабой централизации обширных феодальных государств превращались часто не только в пожизненных владельцев своих держаний, но и передавали их нередко по наследству. В отношении крестьян они выступали, по существу, в качестве феодальных собственников, реализуя свою собственность во взимаемой с них ренте. Осуществлявшийся ими феодальный гнет был, возможно, тяжелее, чем на мулковых землях, поскольку тиулдары по сравнению с маликами обладали большей административно-военной властью (являвшейся атрибутом феодальной

⁹ Матенадаран, Диван католкоса, вып. 16, док. 214.

¹⁰ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 188.

собственности) для осуществления внеэкономического принуждения в наиболее жестоких для населения формах.

Также и хамесале, если оно давалось с правом взимания всех налогов с данных деревень, в случае продолжительного пользования приобретало наследственный характер. При практиковавшейся нередко передаче должностей по наследству наследовались также земельные владения и их налоговые доходы, предоставлявшиеся в качестве хамесале¹¹.

Тиулы и хамесале в случае смерти данного тиулдара или хамесаледара, отказа их от службы или по прочим причинам могли прерываться; в этом случае доходы с сел немедленно переходили в распоряжение дивана.

Рента-налог, взимаемая с государственных земель дивани, а также палог, поступавший с частнособственных земель, являлись главным источником богатства государства. Централизованное управление колоссальным земельным фондом было, по существу, невозможно в условиях феодальной действительности. Неизбежно большая часть земель в государстве жаловалась в качестве ленных владений.

В XVI—XVII вв. по мере развития денежных отношений и роста потребности государства и отдельных феодалов в деньгах все более широкое распространение получает система откупа. Откупщики—«мустаджир», «забит», вносили единовременную сумму в государственную казну и получали право взимать в течение некоторого срока все налоги или их часть с данной территории¹². Эта форма откупа земель дивани, а также хассе, называлась «иджаре» (اجاره) или «забит» (ضبط), что означало «взимать» или «брать»¹³.

Договоры об откупе обычно ежегодно возобновлялись, уточнялась сумма откупа. Один из документов Музея Грузии передает, что в 1710 году налог с овец (чобанбеки) в размере 559.900 динаров, взимавшийся с района Кялейбар в Карадаге, находился на откупе у

юзбаша Мухаммад-Али-бек Карадаглу¹⁴. Из этого и ряда других документов узнаем, что государственные чиновники и военные получали предписание для реализации жалованья со своих земельных владений в денежной форме пользоваться денежными суммами, получаемыми от забитов, т. е. прибегать к откупу налогов своих тиулов (وجوهات ضبطی) — вджухат-е забти¹⁵.

Жалованье, выплачивавшееся государственным чиновникам и военным, в источниках обозначается и термином «танхах» (تنخواه). Это слово в современном персидском языке означает «деньги», «наличная сумма». Обычно этот термин употребляется вместе с термином «маваджиб» — مواجب — танхах-е маваджиб, что переводится как «танхах жалования». Если «танхах» понимать в современном смысле, то «танхах-е маваджиб» надо переводить как «сумма жалованья».

Мы считаем, что этот термин нельзя считать синонимом термина хамесале¹⁶. Изучение имеющихся нескольких ферманов и отдельных первоисточников¹⁷ привело нас к тому выводу, что лица, которым назначался танхах, ежегодно обращались к дивану, получая распоряжения, адресованные общине того или иного места или откупщику налогов, о выплате в натуре или наличными деньгами данному лицу определенных средств, составивших его жалованье за год или несколько месяцев¹⁸. Из слов Искандара Мунши очевидно, что в ферманах о предоставлении хамесале подчеркивалось, что получавшие их воины таким образом должны быть избавлены от обращения в диван и от требования танхах-е маваджиб или прожиточных (марсумат). Из этого следует, что те, кто не имел тиула или хамесале, были непосредственно связаны с диваном, и от мустофи дивана зависело, куда они будут направлены в данный год для получения своего жалованья. В то же время, если в ферманах о назна-

¹⁴ შავარ ხუბუა, стр. 58.

¹⁵ Там же, стр. 8, 22, 32, 34, 44, 56.

¹⁶ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 197.

¹⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1 а, док. 49, пап. 4, док.

30, срав. с سلسلة النسب صفویه стр. 109--110.

¹⁸ შავარ ხუბუა, стр. 22, 24, 28, 46, 74.

¹¹ სპარსული ისტორიული ხუბუები, დოკ. 8, 10, 17, 22

¹² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 220, 234, 235; пап. 1, док. 248; Закария Агулеци, стр. 63, 68, 69, 70, 80, 94, 134, 150.

¹³ Там же, пап. 16, док. 234, 235; пап. 1г, док. 248.

чении тиулов и хамесале в обязательном порядке отмечалось с какого именно объекта, сколько наличными деньгами и сколько натурой должен получать ежегодно свое жалование данный тиулдар и хамесаледар, то в ферманах о танхах отмечалась только сумма жалования и предписывалось мустофи высочайшего дивана фиксировать эту сумму в книгах и ежегодно с какого-либо объекта выплачивать ее¹⁹. Достоин внимания и тот факт, что получавшие тиул и хамесале назывались «тиулдарами» и «хамесаледарами»²⁰, между тем как получавшие «танхах жалования» не назывались «танхахдарами». Надо полагать, что если бы танхах содержал в себе подобно тиулу и хамесале—смысл получения права на взимание в течение определенного срока земельных и прочих налогов с какого-либо объекта, то наряду с термином «танхах» мог существовать термин «танхахдар»; между тем такой термин мы не встречаем ни в исторических первоисточниках, ни в архивных документах; не упоминается этот термин и другими исследователями.

Список земель дивани, как было сказано, был занесен в особую книгу («دفتر توجیه دیوان» — дафатир-е товджих-е диван) или «دفتر اوارجه» — дафтар-е аваредже») и находился в распоряжении великого везира и мустофи каждого края.

Подобные таблицы и всякого рода записи относительно взимавшихся с земель дивани налогов несомненно находились в вышеуказанных канцеляриях дивана («دفتر خانه دیوان اعلى» — дафтархане-йе диване а'ла) или «سرکار اوارجه» — саркар-е аваредже»), но до нас не дошли. Нет также и каких-либо актов, которые утверждались бы в суде шар'а подобно документам, фиксирующим те или иные операции с мулковыми деревнями.

Это обстоятельство не позволяет определить, в частности, границы посевных площадей отдельных деревень дивани («کفشن» — кёвшан»), в то время как в купчих на мулковые земли обычно упоминаются границы данной

¹⁹ Там же, در دفتر ثبت نموده و سال بسال بدستور امثال ننگواه دهند

²⁰ Там же, стр. 32, 34, 56: تاریخ شاه عباس ثانی. СПб, каталог Дорна, № 303, стр. 2706. Матенадаран Диван католикоса, пап. 16, док. 286, пап. 1г, док. 251, пап. 2а, док. 27 и т. д.

деревни. Надо полагать, что границы деревень, соседствующих с деревнями дивани, определялись и уточнялись специальными органами, которые состояли из представителей общин этих сел, опиравшихся в основном на показания старейшин. В нашем распоряжении имеются два ценных документа, которые относятся к уточнению границ деревень дивани и не-дивани. Первый из этих документов написан в июле-августе 1671 года и относится к деревне Аппагех Абаранского махала и Сагмосаванк Карбийского махала; документ составлен и подписан семью кядхуда (старшинами) окрестных сел Серкевли, Карби, а также меликом Карбийского махала Акопом и меликом Абаранского махала Симоном²¹. Второй документ представляет собой подробный акт, составленный в связи с возникшим в 1704 году пограничным спором между селами Вагаршапат и Кюлтапа; согласно этому акту, в присутствии представителей общин сел под руководством Наджаф-Али-бека вновь были пересмотрены и уточнены все четыре границы села Кюльтапа и через его территорию вагаршапатцам была предоставлена дорога шириной 20 зар' (около 22 метров), чтобы вагаршапатцы могли по этой дороге вести свой скот на водопой к озеру Айгер-лич²².

Таким образом, все обрабатываемые в Восточной Армении земли, которые входили в посевные площади отдельных сел (кёвшан) и, по купчим и прочим документам, не являлись собственностью какой-либо личности, религиозного учреждения или свободной сельской общины, а также не были включены в число шахского домена (хасс) — юридически являлись землями государства. Эти земли в официальных государственных документах и нарративных источниках называются землями «дивани» (اراضی دیوانی). Рента-налог с земель дивани de jure полностью взималась в пользу государственной казны. Однако собиравшиеся с них натурой и наличными деньгами поступления в массу своей не сосредоточивались в государственных складах и государственных казначействах, а предоставлялись служилым лицам в

²¹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 167.

²² Там же, док. 214.

форме тиульного пожалования или же отдавались в откуп муста'джирам или забитам.

В документах XVI—XVII вв. помимо термина «дивани», упоминаются также термин «халисе». Известно, что начиная с XVIII века и до наших дней государственные земли в Иране называются «халисе». В нашем распоряжении имеются несколько документов XVII века, которые позволяют утверждать, что и в то время земли «халисе» считались государственной собственностью, однако они относились к данному вилайету и их доходы полностью принадлежали ханам и бекларбекам. «Халисе» (خالصه) дословно означает «несмешанный», «чистый», «цельный». По нашему мнению, государственные земли этого рода назывались так потому, что получаемая с них вся рента принадлежала местной власти.

И. П. Петрушевский термин «халисе» отождествляет с выражением «мулк-е хассе ва халисе» (ملك خاص و خالص) («особая собственность»), которое приводилось обычно в конце купчих о продаже мулков в отношении продаваемого объекта, и делает вывод, что это были те земли, которые освобождались от государственных налогов и весь прибавочный продукт с которых принадлежал помещику²³. В купчих, относящихся к продаже отдельных сел, садов и прочей недвижимости, в том числе к продаже двух даггов села Хоромшин махала Шахбуз Нахичеванского хайства, на которые ссылается И. П. Петрушевский, после изложения подробностей продажи данного объекта, обычно в конце документа добавлялось: «...и по этой шариятской продаже настоящий мулк стал собственностью упомянутого покупателя и он имеет право владеть им как одним из своих мулков». Это шариятско-нотариальная формулировка, которая приводится почти во всех купчих, относящихся к мулкам, не может служить основой для предположения, что эти мулки были какой-то особой формой, и владельцы их обладали правами муафства, а государство ничего не получало от доходов с этих сел. Термин «халисе» в рассмотренных нами документах лишен значения мулка, как имущественного владения. Напротив, судя по упоминаемому в труде католикоса Симеона Ереванци

²³ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 236—237.

«Джамбр» факту конфискации в качестве халисе в конце XVII века ереванскими ханами села Егвард махала Кырхбулаг Ереванского хайства, а также по упоминаемому в одном из документов факте о том, что село Ангехакот в махале Сисаджан входило в число деревень Туман-е Нахчевана и было обязано каждый год сдавать свой «малоджахат» и «вджухат» чиновникам в Горисе, ясно видно, что правовое положение этих сел ничем не отличалось от прочих налогообязанных деревень дивани²⁴. Выражение «халисе Туман-е Нахчевана» в этом документе, как и подобные другие выражения, встречающиеся в ряде иных документов, дают право предположить, что доходами с сел халисе непосредственно ведали финансовое управление данного вилайета и бекларбек, и только этим они отличались от сел дивани.

Однако количество сел халисе в XV—XVI вв. было чрезвычайно ограниченным, поэтому в документах и первоисточниках о них говорится мало.

Возможно, что после Сефевидов и особенно в посленадировский период, когда государственные (дивани) земли перешли в распоряжение местных ханов и фактически сравнялись с «халисе», а позднее при Каджарах вновь перешли центральному правительству, в дафтарх они были занесены как земли «халисе», и таким образом термин «дивани» вышел из употребления и государственные земли стали называться впредь «халисе».

* * *

Востоковед В. Мипорский, ссылаясь на Бартольда, подтверждает его мысль о том, что во всей политической системе средневекового мусульманского Востока все административные дела как бы делятся красной линией на два ведомства: а) Порта (дворец) и б) Диван (или дафтар).

Выражавшиеся финансовым термином «доходы» (وجوه) согласно своей принадлежности имели два наименования: «мал-е хассе» (مال خاصه) и «мал-е

²⁴ «*Qashr*», стр. 123. Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, лок. 69. رعايای انکلیکوت خالصه تومان نخچوان مالوجبات و وجوهات خود را بوصول رسانیده برده بودند که در قریه گوریس تسلیم گماشته سرکارعالیجاء معظم له نمایند

масалех» (مال مصالح). В период монгольского господства государственный административно-хозяйственный аппарат также делился на две части: «инджу», что означает «дворцовый», и «бедуш» или «делей», что означает «государственная казна». В своих заметках о налогах ходжа Насир Эд-Дин Туси подчеркивает разницу между «мал-е хассе» и «мал-е масалех-е падешахи».

«Хассе», или «хассей-е шарифе» сефевидского периода, фактически соответствовало «инджу» монгольского периода, но с более сложным и усовершенствованным механизмом²⁵.

Шарден также делит земли всей страны на две категории: государственные, которые он называет «мокуфат» (mokoufat), или «мемалек» (memalec), и дворцовые, «хассе» (khasseh), что переводит как «собственность» (propriété)²⁶.

В сефевидском государстве земли, принадлежащие шахскому домену (хассе), были весьма обширны и охватывали районы богатой и высокой урожайности (Мазандаран, Гилан, Ленкоран, Ширван, Арак, и др.).

Шах являлся самым крупным феодальным собственником. Он обладал большими земельными хозяйствами и ремесленными предприятиями, продукция которых в большом количестве вывозилась за пределы страны или продавалась на внутреннем рынке. При дворце имелось довольно крупное административно-хозяйственное ведомство, которое называлось «Управление священного хассе» (سرکار خاصه شریفه) — саркар-е хассе-йе шарифе)²⁷. Его громадный административный аппарат составляли многочисленные крупные и мелкие чиновники — «гуламы» (غلام) и «мулазумы» (ملازم), которые, однако, получали свое жалованье из государственной казны²⁸. Шах имел также своих торговых агентов, которые назывались «купцами хассе-йе шарифе»

²⁵ Tadhkirat al-Mulūk, стр. 24--25.

²⁶ Chardin, vol. VI, стр. 33.

²⁷ *Scherefnameh., т. II стр. 220. تاریخ عالم‌ارای عباسی. т. I, стр. 223, مذكره بدهش, стр. 21, 26.

²⁸ Там же. стр. 8, 18, 24, 34, 46.

(تاجر خاصه شریفه) — таджер-е хассе-йе шарифе)²⁹. Этот громадный управленческий аппарат, пасчитывавший множество чиновников в центре страны, а также в имениях хассе во всех уголках страны, тяжелым бременем лежал на государственных финансах, поглощая большую часть доходов государства. Сами чиновники получали лучшие тулы и высокое жалованье. В мастерских и службах хассе (کارخانه و بیوتات) — кархане и буютат)³⁰ работали тысячи ремесленников-специалистов, которые также получали тулы и хамесале из налогов дивана³¹.

До XVII века было принято давать тулы из земель хассе, но в начале XVII века шах Аббас I издал новый закон, согласно которому тулы давались только из земель дивани и государственных налогов, получаемых с мулков³². Таким образом, все доходы с земель хассе и прочих предприятий взимались в пользу двора.

Хотя принадлежавшие царской семье земли были расположены преимущественно в окрестностях столицы или в центральных областях страны³³, однако еще с давних времен и особенно в период ильханства в некоторых местностях Армении, в частности в наиболее плодородных районах Восточной Армении, также имелись богатые и доходные села, принадлежавшие хассе.

В источниках имеются лишь единичные сведения относительно шахских земель, находившихся в Восточной Армении. Помимо свидетельства Закария Агулеци о селах Агулис, Мегри, Шорот, Лехрам и Астапат³⁴, в других источниках или архивных документах мы не встретили иных сведений. Ограниченное количество сел хассе в некоторых областях Сефевидского государства надо объяснить не только тем, что земли этих вилайетов были

²⁹ تاریخ عالم‌ارای عباسی, т. II, стр. 637.

³⁰ *Scherefnameh., т. II, стр. 252. ذیل تاریخ عالم‌ارای عباسی, стр. 177, 281 Tadhkirat, al-Mulūk, pp. 14, 23—24, 175—176.

³¹ Գավրիլեցի, стр. 412.

³² И. П. Петрушевский, Очерки, стр. 211.

³³ По свидетельству Искандара Мунши, еще в XVI в. «большая часть мулков Исфаганского вилайета входила в хассе шаха Тахмаспа и считалась его личными мулками», *Tadhkirat al-Mulūk*, стр. 147

³⁴ Զարթրի աղուլեցի, стр. 134.

менее плодородными, но и тем, что, будучи пограничными областями, они подвергались частым нападениям, и поэтому двору было невыгодно иметь там свои владения. К тому же, села хассе пользовались некоторыми льготами, были богаче, здесь проживало большое количество ремесленников и торговцев, поэтому эти села были больше подвержены нападениям и ограблению. Все вышеуказанные пять сел махала Азад-Джиран (Гохти) Туман-е Нахчевана были расположены довольно далеко от государственной границы и были более безопасны от подобных неожиданностей.

Возможно, что помимо указанных деревень и другие села этого богатого и плодородного района принадлежали хассе. В 1606 году шах Аббас I со своей свитой посетил эти места, побывал в Ордубаде, Вананде, Агулисе и других местах³⁵. По всей вероятности, это путешествие он совершил для проверки своих собственных владений. Из свидетельства Закария Агулеци явствует, что, помимо указанных пяти сел хассе, в этом районе были и две другие деревни хассе, наименования которых он не приводит³⁶.

Общины сел хассе, хотя в административных вопросах подчинялись как хакиму Нахичевана, так и бекларбеку Еревана, но, будучи своими налоговыми повинностями связаны непосредственно с ведомством хассе-йе шарифе, во многих вопросах пользовались некоторыми привилегиями, меньше подвергались произволу местных чиновников и зачастую добивались того, что их жалобы достигали двора³⁷.

Подробные списки принадлежавших царскому хассе сел и прочей собственности, по отдельным вилайетам, хранились в «управлении святейшего хассе». Но по всей вероятности, они были зафиксированы также в областных ведомствах, чтобы отличать их от сел дивани.

Налоги с сел хассе взимались управлением имений шаха посредством «тахсилдаров» (تخصیله‌دار) и «мубаширов» (مباشیر). Эти налоги по своему характеру и объему не отличались от налогов, которые взимались с

³⁵ تاریخ عالم‌آرای عباسی т. II, стр. 728.

³⁶ Հարսրիմ Աղուցեցի, стр. 66 и 69.

³⁷ Там же, стр. 149—150.

райатов сел дивани или мулковых сел; экономическое социальное положение крестьян в основном было таким же, что и остальных райатов,—с той лишь разницей, что если рента-налог с сел дивани взималась посредством сборщиков налогов дивана или пожалованными этим правом лицами, то здесь сельская община была ответственной перед назначенными лично шахом «хасседарами». Из указа шаха Сулеймана от 1689 года узнаем, что после того, как хасседар и даруга (полицейский начальник) махала Кайыклу Кейхосров Сагинашвили убил торговцев э'темад-уд-довле и бежал в Турцию, должность хасседара этого махала и даруги сел Кызылкилиса и Ортули была отдана Отар-беку Братели; тогда же было предписано райатам и земледельцам (رعایا و زارعین), чтобы все налоги они выплачивали ему; одновременно указывалось, что хасседар должен наложить штраф на виновных в соответствии с их виной и так обращаться с райатами, чтобы все жили мирно и спокойно³⁸. Из этого указа со всей очевидностью явствует, что главные блюстители сел хассе или отдельных районов, которые назывались «хасседарами», временами занимали и пост даруги этой же местности.

Из пространной купчей 22 августа 1576 года при шахе Исмаиле II, в которой говорится, что новообращенный мусульманин по имени Мурад-бек продает село Мегри сельской общине, выясняется, что принадлежавшие шахскому домену села могли продаваться самим шахом частным лицам³⁹. Таким лицом был, например, упомянутый Мурад-бек, который, как указывается в купчей, в свое время купил село Мегри от шаха Тахмаспа. Однако, как видим, в XVII веке село Мегри вновь упоминается в числе сел хассе; этот факт свидетельствует о весьма непрочных правах собственности частных лиц, в особенности свободных общин.

Как было указано выше, ценные сведения о находившихся в махале Азад-Джиран Туман-е Нахчевана селах хассе содержатся в «Дневнике» Закария Агулеци. В этом же источнике мы находим столь же ценные свидетельства об откупе взимавшихся с этих сел налогов.

³⁸ Ձեռագր Եղեղո I, стр. 26.

³⁹ Купчие, I, док. 24.

Так, выясняется, что Агулис и остальные четыре села Азад-Джирана (Мегри, Шорут, Лехрам, Астапат), принадлежавшие шахскому домену, долгое время находились в откупе (забт) везира Азербайджана Мирза Ибрагима. В 1667 году они были переданы на один год бекларбеку Еревана Сафикули-хану. На следующий год за 1000 туманов их сдали Мирза Ибрагиму, после чего в течение семи лет эти села оставались в руках последнего. В 1675 году пять сел хассе взял в откуп агулисец Исахан-бек, сын Мусабека. В 1680 году Исахан-бек умер и доменные деревни были отданы некоему Хосров-ага⁴⁰. «Затем из Исфагана пришло известие,—пишет Закария Агулеци,—что скончался отец Мусабека, Исахан-бек. Так как эти владельческие участки (деревни) находились на откупе у Исахан-бека, то после его смерти они уже не считались за ним»⁴¹.

Из приведенной выдержки совершенно ясно видно, что «забт» был не чем иным, как откупом налогов, получаемых с различных объектов (« حاجه —иджаре»), частными лицами. О том же Исахан-беке Закария Агулеци пишет в другой связи: «В 1677 г. Агулис находился в зафте (забте) Исахан-бека, сына Агулисеца Мусабека. Не только Агулис, но и пять селений хассе (Мегри, Агулис, Шорут, Лехрам, Астапат) были предоставлены Исахан-беку в зафт»⁴². Не может быть сомнения в том, что «зафт» и «иджаре» употребляются у Агулеци в качестве терминов-синонимов. В «Дневнике» употребляется также знакомый нам термин «забит». Так, под 1666 годом читаем: «В 1665 году забитом Агулисец был везир Азербайджана Мирза Ибрагим»⁴³.

Как видим, за 16 лет (1664—1680) откупщики сел хассе менялись пять раз. При этом в качестве откупщиков (забитов) выступали высокопоставленные чиновники (везир Азербайджана и бекларбек Еревана) и представители мелких и крупных землевладельцев и

⁴⁰ *Ձարարիս ԱզաճԵր*, стр. 63, 68, 69, 70, 80, 94, 112, 119, 134, 150.

⁴¹ Там же, стр. 150.

⁴² Там же, стр. 134.

⁴³ Там же, стр. 68.

городской феодальной аристократии (Исахан-бек и Хосров-ага).

По данным Закария Агулеци выясняется также, что забиты одновременно пользовались и судебными функциями. Так, о том же Исахан-беке он пишет: «Исахан-бек сам в Исфагане, а вершит диваном и собирает малоджахаг его сын Мусабек»⁴⁴. В другом месте читаем: «В 1679 году хакимом Агулисец был внук Мусабека Мусабек».

На основании вышеуказанных фактов можно утверждать, что некоторое количество сел Восточной Армении принадлежало шахскому двору и называлось «хассе» или «хассе-йе шарифе». Вся рента-налог с сел хассе взималась посредством чиновников—«хасседаров»—управления «хассе-йе шарифе», которые одновременно имели административные, судебные и карательные функции. Доменные земли, как и земли дивани могли сдаваться в откуп откупщикам налогов, именовавшимся «забитами», или «муста'джирами», которые в течение срока аренды имели те же административные права, что и хассадары.

⁴⁴ Там же, стр. 134—135.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОНАСТЫРСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ МУАФСТВА, ДАННОГО АРМЯНСКОЙ ЦЕРКВИ И АРМЯНСКОМУ ДУХОВЕНСТВУ

На предыдущих страницах мы говорили о проводившейся в течение веков последовательной политике ограничения собственнических прав армянских светских феодалов и исторически сложившихся политических предпосылках для относительно более благоприятных условий развития землевладения армянских духовных феодалов и церковных учреждений.

Монастырское или вакуфное землевладение в Армении имеет древнюю историю. Начиная с IV века армянская церковь владела многочисленными имениями, которые она унаследовала от языческих храмов. Далее, в период владычества Аршакидов, Багратидов и Захаридов монастыри и церкви получили обширные земли, которые приносились в дар царями, их женами, приближенными и прочей знатью¹. После падения армянской государственности, и в особенности окончательной ликвидации мелких армянских княжеств в XIV—XV вв., армянская церковь лишилась возможностей получения столь крупных дарений, а большая часть приобретенных до этого владений оказалась захваченной чужеземными феодалами.

Последний письменный документ о более или менее крупном даре земли в Восточной Армении относится к 30-м годам XV века, когда амир Рустам Орбелян в 1431

¹ См. «Վիճական տարեգիր», կազմեց Կ. Կոստանյանց, Ս. Պետերբուրգ, 1913, էջ 16—27, 35, 50, 58—59, 116—117 և այլն:

году под видом продажи подарил Эчмиадзину семь крупных сел (Вагаршапат, Аштарак, Норагавит, Агавнатуи, Тегенис-Кираджлу и Мугни), хотя еще до этого, в 1429—1430 гг., 4 данга села Вагаршапат (Учкилиса) были куплены владельцем этого монастыря епископом Григором, сыном парона Смбата. В соответствующем месте мы подробно рассмотрели обстоятельства и причины этих дарений; здесь же считаем нелишним подчеркнуть тот факт, что эти села были оформлены Рустамом Орбеляном как продажа, после чего только Григор Макведи отдал их в вакф Эчмиадзину. Эта «продажа» была оформлена для того, чтобы указанные села в качестве «приобретенных мулков» (مۈلك زرخريد) — мулк-е зархарид), т. е. в законной, с точки зрения шариата, собственности, приобретенной за наличные деньги, могли быть дарованы монастырю и стали бы его «вечной» собственностью.

О значении этой «купли» мы подробно говорили в одной из предыдущих глав, изложив историю имений, подаренных амиром Тимуром шейху Али, сыну шейха Сафи-эд-Дина.

Достаточно ознакомиться с армянскими ланидарными надписями X—XIV вв., чтобы убедиться, что указанная практика вакуфных дарений восходит к довольно древнему периоду. В одной надписи 1016 года Ахпатского монастыря читаем: «В 465 (1016) году я, Мук, сын Оновара, милостью божьей заново обновил святой собор, [который] был разрушен сильным землетрясением, и отдал купленный за мои деньги агарак...»².

Упоминания подобного рода имеются в целом ряде надписей предшествующих и последующих веков, которые сохранились на стенах больших и малых церквей и монастырей. По их содержанию совершенно ясно, что жертвуемое в вакф имущество обычно прежде покупалось, а затем уже приносилось в дар тому или иному монастырю³. Это означает, что ни одно лицо, будь то

² Կարո Ղաֆադարյան, Հաղարտ, ճարտարապետական կառուցվածքները և փիճակն արձանագրությունները, Երևան, 1963, էջ 146, արձ. № 5.

³ «Վիճական տարեգիր», էջ 16—17, 43—44, 54, 58—59, 66, 74—75, 104—112, 125, 168—169, 226 և այլն:

какой-либо амир, хап и даже шах, не могло дарить какому-либо религиозному учреждению или мечети из земель дивани, потому что эти земли не были его законной, с точки зрения шариата, собственностью или мулком. Шахи могли отдавать в вакф только собственные земли или «хассе».

Села и прочие земельные владения после передачи в дар религиозному учреждению по шариатским купчим (вакфнаме) более не подлежали возврату и становились неотчуждаемой собственностью. «А этот католикос, сын парона Джалал-бека Маквеци,—пишет католикос Симеон Ереванци,—во всех трех купчих велел написать, что Григор-халифа (то есть католикос) покупает это село и отдает в вакф Эчмиадзинскому престолу. Во всех странах закон таков, что вакфы не могут быть проданы или возвращены; поэтому он и велел так написать, чтобы никто не осмелился его (это село) продавать или покупать»⁴. Сравнение вакуфных купчих раннего и более позднего периодов показывает, что отдаваемые в вакф земли и прочая недвижимость (сад, мельница, вода, дом и т. д.) навсегда закреплялись за данным монастырем или мечетью и поступали в распоряжение настоятеля или мутаваля.

Арабский термин «вакф» (وقف) дословно означает «остановиться», «стать неподвижным», «закрепиться». Речь идет об имуществе, которое, будучи принесенным в дар какому-либо религиозному учреждению, закреплялось за ним и впредь не подлежало никакого рода отчуждению. В вакуфных купчих об этих актах дарения писалось: «...Отдал в истинно шариатский вакф и ясно и во всеуслышание закрепил (буквально—«поставил под запрет») за монастырем...»⁵.

Отдающий в вакф одновременно ставил условие, чтобы «старшие распорядители и монахи будущих времен никогда не имели бы права продать или подарить вакф». Почти во всех без исключения вакфнаме в конце текста приводится завещание дающего в вакф, за которым следует проклятие («لعنتت نامه» — «ла'натнаме») по адресу нарушителей этого завещания. В завещании особо

отмечались вышеупомянутые условия. В более подробно написанных вакфнаме отмечалось также, что отдаваемый в вакф объект не подлежит заложению, обмену или продолжительной аренде.

В конце того же вакфнаме Григора Маквеци от 1431 года сказано: «...Никогда старшие распорядители и монахи [будущих] времен не имеют права продать, подарить, отчудить и пожаловать упомянутый вакф; если кто-либо попытается изменить этот вакф или нарушить его условия, пусть подвергнется он божьим проклятиям и гневу. Условие заключается в следующем: не продавать и не сдавать в аренду, не дарить и не обменивать, ибо это есть истинно шариатский вакф и ясный и оглашенный вечный запрет, следовательно, его продажа навсегда запрещена»⁶.

Продажа и заклад отдаваемых в вакф имений запрещались еще с XIII века и до этого. В одной надписи 1233 года монастыря Хцконка говорится, что некий дяк Абраам дарит дома и магазины этому монастырю; в конце надписи добавляется: «Кто осмелится продать или заложить, пусть лишится милости божьей»⁷. В 1450 году настоятель Татевского монастыря вардапет Шмавон купил у амира Рустама Орбеляна несколько сел (Свари, Ташу, Аганц, Рундзатап), а также отдельные земельные участки и сады и отдал их в вакф Татевскому монастырю. В конце этого вакфнаме также ставится условие, чтобы потомки вардапета Шмавона «не продавали, не сдавали в аренду сроком больше года, не дарили и не обменивали ни в коем случае»⁸ пожалованные в вакф имения. Когда бекларбек Еревана Сафикули-хан (1666—1674 гг.) обратился к католикосу Акопу Джугаеци, требуя, чтобы тот обменял на сад или продал ему построенный им бассейн, католикос ответил: «Мы сделали его вакфом Эчмиадзина, поэтому не может оно выйти из-под его власти»⁹. По другому персидскому вакфнаме, написанному в 1621 году в Ереване, ходжа Гаспар передает

⁴ Купчие, I, док. 5, لايباع ولا يهب ولا يوصى ولا يتبدل وقفاً و حرم البيع له ابدانيس صحيعا شرعياً و حبسا سمعياً سرمداً و حرم البيع له ابدانيس

⁷ «Վիճակի տարեգր», էջ 76.

⁸ Купчие, I, док. 7.

⁹ Գործարհի Սարկախոզ, т. II, стр. 77.

⁴ Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 172.

⁵ Купчие, I, док. 5 وقف صحيع شرعياً و حبس صريح سمعياً نمود

в вакф Эчмиадзину полданга села Ошакан и ставит условие, чтобы этот мулк «не покупали и не продавали, не давали бы в аренду сроком более чем на три года и не закладывали»¹⁰. Следовательно, из временных отчуждений разрешалось только отдавать на короткий срок в аренду, а закладывать вовсе не разрешалось, потому что в случае невыплаты долга в срок кредитор имел право присвоить заклад. Известно, что Эчмиадзинский монастырь этим путем завладел многими имениями¹¹.

Из изложенного выше можно заключить, что вакуфное землевладение являлось формой феодальной собственности, обладавшей самой прочной юридической основой. Достаточно было, чтобы данный монастырь или какое-либо иное религиозно-церковное учреждение получили в результате дара или каким-либо другим способом землю (или иную недвижимость), как она de jure становилась их «вечной собственностью».

Законы вакфа в Сефевидском государстве соблюдались особенно педантично в отношении владений мусульманских религиозных учреждений; их земли и прочее имущество не подвергалось отчуждению (если не считать сдачи в аренду), потому что все они специальными шариатскими вакфами были закреплены за той или иной мечетью, мазаром и медресе. Что касается крупнейшего религиозного учреждения Армении—Эчмиадзина и других монастырей, то здесь положение было несколько иным. Факты подтверждают, что если случаев прямой продажи церковных земель не зафиксировано, то случаи заклада и конфискации последних при неуплате долгов—нередко имели место.

Известно, что Эчмиадзинский монастырь, в XVII веке разоряемый поборами ханов, имел тяжелые долги; стремясь избавиться от задолженности, католикосы закладывали не только недвижимое имущество, но продавали и закладывали церковную утварь и сосуды¹². В 1684

¹⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пан. 16, док. 178. نخرند و نفر و شند باجاره طویلہ زیادہ از سه سال ندهند و رهن نگذارند

¹¹ Там же, док. 177; см. также. Հ. Արրանմանի, Կաթվածադրեր, էջ 24—25, 65—66, 79. «Ջափր», էջ 115, 160 և այլն:

¹² Գրիգոր Գարանացի, Ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի

году, т. е. спустя четыре года после смерти католикоса Акопа Джугаеци, шах Сулейман издал ферман, из которого явствует, что Акоп Джугаеци отдал в заклад много монастырских мулков «некоторым людям» в целях покрытия долгов Эчмиадзина. После его смерти кредиторы сочли себя вправе присвоить эти мулки и отвергли требование католикоса Казара относительно их возврата. Католикос Казар, епископ Степанос и другие церковные деятели дважды обращались к шаху Сулейману с прошением, говоря, что они не могут быть в ответе за долги католикоса Акопа и поэтому считают совершенно незаконным то, что кредиторы удерживали земли «вакфа», ибо, как известно, согласно шариату, вакф не закладывается. Шах на этом же прошении написал свой указ (хокм), которым распорядился бекларбеку Еревана проверить и выяснить, не давали ли когда-либо авторы прошений гарантий за долги католикоса Акопа, и если заложенные мулки являются вакфом, а «согласно фетве мудрейших имамов подобный заклад противен шариатскому закону, следовательно, пусть передадут эти заклады их блюстителю (мутавалли, католикосу) и не позволяют, чтобы кто-либо вопреки шариату и в нарушение закона касался упомянутых вакфов»¹³.

О том, что это распоряжение шаха не спасло положения и принадлежавшие монастырю мулки и после этого продолжали оставаться в руках кредиторов и в конце концов были присвоены ими, можно судить по тому, что в конце XVII века мулки, приобретенные Акопом Джугаеци, почти полностью были потеряны Эчмиадзином¹⁴.

Однако следует установить, что это были за мулки и какой их процент считался вакуфной собственностью.

Կատարեցաւ կամ Կարանացու, Երուսաղիմ, 1015, էջ 53—54. Զարբիս Ազգայնի, էջ 199.

¹³ Матенадаран, Диван католикоса, пан. 16, док. 182. چون موافق علماء امامیه کثرومهرن مزبور صورت شرعی ندارد مرهونات را ابتصرف متولی گذاشته نگذارند که احدی بخلاف شرع و حساب مدخل در موقوفات مزبور نماید

¹⁴ Там же, пан. 1г, док. 293, 299, 306а, 306б, 306г, 316; сравни «Ջափր», стр. 106—107, 241, 243

В 1633 году, когда католикосом стал Пилипос Ахбакеци, Эчмиадзинский монастырь имел только 6 дангов сел Вагаршанат (Учкилиса) и Кираджду. Последнее село он получил в вакф в XV веке, а первое, которое было отобрано диваном и в течение длительного времени находилось в ведении казны, было вновь возвращено Эчмиадзину указом Амир Гуна-хана от 6 марта 1620 года¹⁵. Начиная с 1640 года католикос Пилипос отдельными частями, по одному и по половине дангов стал прикупать село Ошакан и до 1645 года сумел приобрести 4 данга этого села¹⁶. Преемник католикоса Пилипоса Акоп Джугаеци в 1655 и 1674 гг. в три приема купил 1,5 данга того же села¹⁷, а в 1681 году, при вардапете Минасе, оставшиеся полданга села Ошакан были приобретены за 10 туманов у вардапета Степаноса и переданы в вакф Эчмиадзину ходжой Гаспаром¹⁸.

Таким образом, в 1681 году село Ошакан полностью принадлежало Эчмиадзину. Затем Акоп Джугаеци, в бытность свою католикосом, за наличные деньги приобрел следующие мулки¹⁹:

1. Каракююк	6 дангов	1061 г. хиджра (1650)
2. Франканок	6 "	1066 г. " (1655)
3. Батриидж	1 "	1066 г. " (1655)
4. Амири-гюх	4,5 "	1071 г. " (1660)
5. Яйджи	6 "	1071 г. " (1660)
6. Мелики-гюх	6 "	1075 г. " (1664)
7. Манканок	6 "	1078 г. " (1667)
8. Кешишкянд	6 "	1082 г. " (1671)
9. Норк	6 "	1085 г. " (1674)
10. Дибаклу (Сант)	6 "	1085 г. " (1674)
11. Цопанис	6 "	1085 г. " (1674)
12. Кятур	6 "	1085 г. " (1674)

¹⁵ Указы, II, док. 14. При католикосе Пилипосе Эчмиадзину имел также 6 дангов села Мугни, которые католикос отдал в вакф монастырю Св. Геворка в Мугни (Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 166).

¹⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 61а, 61б, 61г, 64, 65а, 66, 74а, 74г.

¹⁷ Там же, док. 100, 101, 123; пап. 16, док. 160.

¹⁸ Там же, пап. 16, док. 178.

¹⁹ См. «*Джидра*», стр. 112--129. *Չարսիրիս Ստրկափազ*, г. II, стр. 62.

13. Касах	6 дангов	1085 г. хиджра (1674)
14. Тегенис	6 "	1085 г. " (1674)
15. Севавер	6 "	1085 г. " (1674)
16. Бюракан	6 "	1085 г. " (1674)

В 1656 году Тархан, сын Воскана из Мастары, купил 2,5 данга этого села и отдал в вакф Эчмиадзину²⁰. В 1658 году ходжа Акоп, сын ереванского ходжи Сета, вместе с двумя садами и одной мельницей подарил Эчмиадзину 6 дангов села Норагех и 4,5 данга села Егвард²¹. Наконец, в 1660 году—неизвестно при каких обстоятельствах—Акопу Джугаеци удается принудить райатов села Бохенис сделать вакф Эчмиадзину 6 дангов мулка их села²².

Таким образом, при католикосе Акопе Джугаеци Эчмиадзину принадлежали мулки 23 сел, из них в 15 селах ему принадлежали полные 6 дангов, в двух—4,5 данга, в одном—2,5 данга и еще в одном—1 данг, а относительно дангов остальных 4 сел в источниках нет определенных сведений. Из упомянутых 23 сел в качестве вакуфных имений по шариатским вакфнаме были оформлены только следующие села:

1. Вагаршанат 6 дангов
2. Кираджду 6 "
3. Норагех 6 "
4. Бохенис 6 "
5. Егвард 4,5 "
6. Мастара 2,5 "
7. Ошакан 0,5 "

Остальные 17 сел и 5,5 дангов Ошакана в качестве купленных мулков по частям были приобретены в 1640—1674 гг. Пилипосом Ахбакеци и, главным образом, католикосом Акопом Джугаеци.

Мы не располагаем точными сведениями о том, какие из упомянутых мулков были заложены за долги, взятые католикосом Акопом Джугаеци. К сожалению, упоминания о земельных владениях Эчмиадзина начиная с 80-х годов XVII века до 20-х годов XVIII века

²⁰ «*Джидра*», стр. 114.

²¹ Там же, стр. 121 и 122; Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 103.

²² «*Джидра*», стр. 126—127.

весьма скудны, потому трудно на их основе делать определенные выводы. Эту нехватку материалов чувствовал и автор «Джамбра», католикос Симеон Ереванци, который, хотя и излагает хронологически историю приобретения всех сел и перечисляет имеющиеся документы, однако об указанном периоде не приводит точных данных.

Сохранились лишь несколько прошений этого периода, адресованных шаху Сулейману и шаху Султан-Гусейну: католикосы Эчмиадзина жаловались на различных «мошенников» («متقلبه» — мутагаллебе), которые незаконным образом захватили мулки монастыря. Однако названия мулков не упоминаются²³. Уже самый факт, что около 40 лет не было письменных упоминаний о мулковых селах Эчмиадзина, является красноречивым свидетельством того, что в указанный период эти села, если не полностью, то в большей своей части, были захвачены кредиторами за неуплаченные долги.

Из составленного в 1725 году турецкими властями в захваченном ими Араратской стране реестра налогов села Вагаршапат, в котором перечислены освобожденные от налогов монастырские земли и прочие имущества, выясняется, что в эти годы Эчмиадзину принадлежали села Вагаршапат, Ошакан, Мастара, Кираджли и Франканоц²⁴. Из этих пяти сел Вагаршапат, Мастара и Кираджду, как было сказано, принадлежали Эчмиадзину в качестве вакуфных владений, а Ошакан и Франканоц были куплены в 1640—1681 гг. (кроме 0,5 данга села Ошакан, которая была вакфом).

Большое число купчих и прочих документов свидетельствуют о том, что католикосы Пилипос Ахбакеци и Акоп Джугаеци проявили большую инициативу и настойчивость в приобретении села Ошакан. Как видно из документов, они не только приобрели Ошакан (5,5 данга) в результате многочисленных (десяти) операций по купле, притом по весьма высокой цене, но и были вынуж-

²³ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 173, 181, пап. 1г. док. 254.

²⁴ Հ. Փափազյան, Վաղարշապատ գյուղի 1725 և 1728 թթ. թուրքական հարկացուցակները, «Բանբեր Մատենադարանի», № 5, 1860, Երևան, էջ 45:

дены неоднократно выплачивать непредусмотренные суммы различным истцам, которые в течение нескольких лет обращались к Шар'у, утверждая, что половина данга или один данг села Ошакан является их наследственной собственностью и что продавшие их не имели на то права, в результате чего Эчмиадзин владеет-де ими незаконно²⁵. Таким образом, село Ошакан довольно дорого обошлось Эчмиадзину.

Можно не сомневаться, что когда Акоп Джугаеци, вынуждаемый разными причинами²⁶, заложил купленные мулки монастыря, он до последнего избегал дачи в залог этого крупного, богатого, доходного и вместе с тем приобретенного дорогой ценой мулка, тем более, что сумма кредита под залог Ошакана не могла превышать стоимости села, между тем как оно обошлось Эчмиадзину в несколько раз дороже своей реальной цены.

По совершенно противоположным мотивам не было заложено село Франканоц. Это село во второй половине XVII века не было большим; это видно хотя бы по тому, что когда католикос Акоп Джугаеци купил его за 9 туманов 9.500 динаров, в это время Ошакан был куплен за 65 туманов (не считая суммы, выплаченной из-за разных вопросов), Яйджи—за 30 туманов, Норк—за 55 туманов, Каракоюн—за 22 тумана и т. д. Село Франканоц тогда, видимо, не обещало больших доходов. Это становится очевидным из указанного турецкого реестра налогов, где говорилось, что это село было обязано выплачивать малику только $\frac{1}{25}$ часть своего урожая, в то время как другие села выплачивали $\frac{1}{10}$. Отсюда надо заключить, что село Франканоц было нецелесообразно закладывать за долги, поскольку получаемая с него рента не могла составить ростовщического процента с полученной в долг суммы, между тем как надо было, чтобы эта рента превышала указанный процент и тем заинтере-

²⁵ «Համբու», стр. 110—111.

²⁶ Не лишено вероятности, что эти мулки были заложены тогда, когда готовилась делегация в Рим и для начинаемого освободительного предприятия требовались крупные суммы. Акоп Джугаеци не остановился перед тем, чтобы для этой цели временно отчуждать имущества, которые были приобретены в течение десятилетий, главным образом его же усилиями.

совала ростовщика во временном помещении своего капитала в доходное недвижимое имущество²⁷.

После того как нами выяснены вероятные причины сохранения двух приобретенных мулков—Ошакана и Франканоца—в руках Эчмиадзина, рассмотрим теперь, каким образом могли быть утеряны Эчмиадзином села Норагех, Бохенис и Егвард, считавшиеся по юридическому оформлению вакфом.

Принадлежавшие ранее наследникам ереванского ходжи Сета села Норагех и Егвард до 1636 года посредством махинаций были присвоены Мурад-беком, вакилом хана Тахмаспули, а после того как он бежал в Турцию, были конфискованы в пользу дивана, только в 1648 году ходже Акопу удалось доказать в шариатском суде, что эти мулки являются его наследственной собственностью, и получить их обратно²⁸. Однако и впоследствии ереванские ханы под разными предлогами пытались превратить эти села в собственность дивана, особенно село Егвард, 1,5 данга которого некогда действительно была собственностью Мурад-бека, до конца остались в распоряжении дивана²⁹. В 1659 году ходжа Акоп пожаловал Эчмиадзину в вакф 4,5 данга Егварда и 6 дангов Норагеха, а спустя три года, в 1661 году, два других села—Яйджи и Амири-гюх—вызвленные из рук дивана, были проданы Эчмиадзину внуком ходжи Сета Сааком Калантаром³⁰.

Как видим, села, постоянно находившиеся под угрозой захвата диваном, в конце концов путем пожертвований и продажи переходили к Эчмиадзину. Мы не можем утверждать, что если бы не было этой угрозы, ходжа Акоп едва ли пожелал подарить Эчмиадзину эти села, которые были его мулками, потому что он вместе с этими селами подарил также одну мельницу и два сада; но нельзя не учитывать того факта, что после того как в 1431 году Амир Рустам пожертвовал мулки семи сел Эчмиадзину, монастырь не получал в вакф мулков целых сел. Пахотная земля, сады, мельницы, маслобойни и про-

²⁷ См. об этом подробнее главу седьмую настоящего труда.

²⁸ Указы, II, док. 35.

²⁹ «*Эчмиадзин*», стр. 122—123.

³⁰ Там же.

чее имущество часто передавались в вакф, однако на протяжении почти двух веков не зафиксированы случаи принесения в дар целых мулковых сел. Мы склонны полагать, что при ереванских ханах, в частности при Муртузакули-хане (1688—1691) и Фазлалли-хане (1694—1700), эти села вновь были присвоены диваном. В пользу этого имеется определенное свидетельство, касающееся села Егвард. «Это село Егвард во время персидского владычества, до завоевания нашей страны турками, персидские ханы отняли у св. Престола и присвоили себе, называя его «халхиса»³¹,—пишет католикос Симеон Ереванци. Следовательно, можно не сомневаться, что и Норагех, как принадлежавшее в прошлом дивану село, было присвоено ереванскими ханами.

Интересна, однако, история потери Эчмиадзином другого вакуфного села—Бохениса. Это село, как было сказано, в 1660 году райаты по «увещеванию» Акопа Джугаеци вновь передали в вакф Эчмиадзину. Католикос Симеон Ереванци об этом пишет: «Село это жители его давным-давно отдали по собственной воле в вакф св. Престолу, обязавшись уплачивать ему шесть дангов мулка. Но в смутные времена, при оскудении св. Престола сельчане иногда, может быть, из нужды, не давали мулка (в данном контексте—рента) или задерживали [плату]»³². Следовательно, на некоторое время сельская община Бохениса сумела сбросить помещичье ярмо Эчмиадзина и ничего не выплачивала ему. Однако Акоп Джугаеци вновь принудил крестьян заявить перед Шар'ом, что они отдают шесть дангов мулка своего села в вакф Эчмиадзину, и подписать составленную об этом вакфнаме. Следовательно, можно не сомневаться, что и в дальнейшем, «в смутные времена», как любит повторять католикос Симеон Ереванци, райаты этого села не упустили повода избавиться от навязанного им обязательства и вновь стать хозяином всего мулка своего села, т. е. по существу стать свободной общиной.

Таким образом, ясно, что Акоп Джугаеци не закладывал вакуфных сел Эчмиадзина, так как по закону шариата он не мог их закладывать, да и кредиторы не при-

³¹ Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 194.

³² Там же, стр. 197.

няли бы такого залога; закладывались только те мулки, которые были куплены самим Аконом Джугаеци; вследствие того, что долги не были своевременно уплачены, эти мулки присваивались кредиторами. Упомянутый ферман шаха Сулеймана не смог спасти положение, потому что в фермане предписывалось ереванскому бекларбеку в присутствии Шар'а проверить, действительно ли являются заложённые мулки вакфами Эчмиадзина. Несомненно, проверка должна была показать, что заложённые села не являются вакфом и только в случае уплаты долгов могут быть возвращены Эчмиадзинскому монастырю.

Монастырские села, каким бы путем они ни приобретались: были ли они «купленными» или «вакфом», считались мулком данного монастыря, и монастырь имел право взимать ренту с райатов этих сел.

Государственные палогии, взимавшиеся с монастырских сел, подобно налогам, взимавшимся с мулковых сел, большей частью отдавались в качестве тиула или хамесале за службу государственным чиновникам и военным, или же отдавались частным лицам в откуп (забт, иджаре). Так, например, взимавшийся в 1650 году с села Вагаршанат «мал» в качестве тиула был отдан бекларбеку Еревана Кейхосров-хану³³. В 1558 году были отданы в тиул также палогии, взимавшиеся с монастыря Хута³⁴.

В 1669 году в качестве тиула и хамесале были отданы разным людям взимавшиеся с принадлежавших Татевскому монастырю земель «малоджахат», «джизья» и т. д.³⁵

Однако, если в XVII веке большую часть сел Эчмиадзина составляли приобретенные мулки и они как таковые были подвержены всякого рода отчуждениям и не принадлежали к категории муаф (т. е. собственник земли не был освобожден от уплаты налогов государству), то, напротив, принадлежавшие монастырю отдельные участки земли, сады, мельницы, маслобойни, рисоружки, дома и прочие владения являлись вакфом и освобождались от

³³ Указы, II, док. 39.

³⁴ «Հիմնական տիրույթը», էջ 178—179.

³⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 73.

государственных налогов (малоджахат ва вджухат-е дивани)).

Сохранились два указа XVII века, изданные шахом Аббасом I в 1612 году и шахом Аббасом II в 1644 году, т. е. до того, как Акоп Джугаеци стал католикосом. Эти ферманы ценны особенно потому, что содержат фетвы, которыми утверждены списки принадлежавших монастырю вакуфных имений (отдельные участки пахотной земли, мельницы, сады и маслобойни). Согласно этим спискам, Эчмиадзин в 1644 году обладал следующими вакуфными землями, которые освобождались от налогов:

1) участки земли в окрестностях Вагаршаната или земли Шорахята (согласно «Джамбру», площадью 250 сомаров);

2) участок земли ниже монастыря в 20 харваров пахоты;

3) земли Гераненка или Кюлтапа (согласно «Джамбру», 350 сомаров пахоты);

4) участок на берегу реки, называемый также «Базирган ёли» («Дорога купцов»), (согласно «Джамбру», 90 сомаров пахоты);

5) участок земли Садаклу, через который проходят два канала (согласно «Джамбру», 100 сомаров пахоты);

6) участок земли, находящийся в Иланлу, который назывался Нижним Кёндаланом;

7) верхний участок земли Иланлу, известный под названием «Шах архи» («Канал шаха»), (согласно «Джамбру», 50 сомаров пахоты);

8) участок земли Хаджилар (согласно «Джамбру», 120 сомаров пахоты);

9) участок земли Каракит (согласно «Джамбру», 220 сомаров пахоты);

10) участок земли «Три лопаты воды» и прочие участки.

Упоминаются также следующие сады и бахчи:

1) сад Мартироса,

2) бахча Шахгедана,

3) бахча Геворга,

4) бахча Григора,

5) бахча кладбища Гарибов.

Далее упоминаются одна мельница у сада Ханага и одна маслобойня³⁶.

Кроме этого, католикос Пилинос получил в 1649 году новый указ хапа, которым, в качестве вакуфной собственности, от налогов были освобождены следующие сады и мельницы, расположенные вне села Вагаршапат

- 1) сад Чай-кайтарапа в Ереване,
- 2) сад Тумана, сына Саргиса в Ереване,
- 3) сад Анапата в Ереване,
- 4) сад рядом с садом Анапата в Дзорагюхе,
- 5) сад вардапета Давида в Норке,
- 6) сад Адибека в Ошакане,
- 7) сад Шагверта в Ошакане,
- 8) один сад в Ширабаде,
- 9) один сад в Антараке,
- 10) мельница имени Саргиса (1 жернов) в Ереване,
- 11) мельница Мартироса (2 жернова) в селе Дохс,
- 12) одна мельница (3 жернова) в Дзорагюхе,
- 13) одна мельница (2 жернова) в Эчмиадзине,
- 14) одна мельница (1 жернов) в Норагехе³⁷.

Вот то имущество, которое как вакф освобождалось от государственных налогов. Первый указ, изданный в этой связи, написан после того, как Эчмиадзин представил перечень вышеупомянутого имущества, прося мусульманских законоведов сообщить свое мнение по следующему поводу: если доказано, что это имущество передано в вакф Эчмиадзинскому монастырю, «имеет ли кто-либо согласно шариату владеть этими вакфами в качестве мулка и продавать или тратить получаемые с них доходы для таких целей, которые не предусмотрены вакифом, или нет?» Шар' на этот вопрос дал отрицательный ответ³⁸. Это означало, что, согласно шариату, с вакфом нельзя было поступать так, как можно было поступать с мулком; вакфы должны были находиться в распоряжении данного религиозного учреждения и получаемые с них доходы должны были расходоваться только на те цели, ради которых пожертвовал эти имения отдающий в вакф.

³⁶ Указы, II, док. II, 26.

³⁷ Там же, док. 36, 38.

³⁸ Там же, док. 11.

Несомненно, бывали исключительные случаи, когда закладывались или даже продавались вакуфные земли и прочее имущество, но это происходило только в случаях крайней необходимости, в нарушение существовавшего закона и обычая.

О том, что католикосы и настоятели монастырей всячески избегали подобных сделок, можно судить по одному документу, относящемуся к продаже трех магазинов, находившихся в Тифлисе и отданных в вакф Эчмиадзину. Продажа этих магазинов имела место при следующих обстоятельствах. Ходжа Мартирос, сын ходжи Бархудары из Тифлиса, должен был получить от Эчмиадзина 43 тумана; некий Давид, который был агентом Эчмиадзина, получил от католикоса Наапета распоряжение собрать суммы пожертвований и погасить указанный долг с его процентами. Весь долг, с основной суммой и процентами, составлял 80 туманов; собранных денег оказалось недостаточно для погашения этого долга. Поэтому католикос разрешил в счет части долга продать ходже Мартиросу три магазина, полученные в вакф от ходжи Бехбуда. Это произошло при католикосе Наапете. Но в 1709 году, когда ходжа Мартирос явился в Эчмиадзин для получения остатка своего долга, новый католикос Александр объявил эту продажу незаконной и вновь выкупил три магазина и отдал их в вакф Эчмиадзинскому монастырю. «Когда я, Мартирос, явился в св. Эчмиадзин,—говорится в документе,—католикос Александр, услышав, что вакуфные магазины проданы мне, не согласился, вновь отдал мне деньги и цену за магазины, выкупил их у меня и отдал в вакф св. Эчмиадзину»³⁹.

В то же время, следует особо отметить, что в конце XVII века Эчмиадзин имел около десятка больших и малых садов, и то, что они не упоминаются в ферманах шаха о муафстве, свидетельствует о том, что они были подвержены налогообложению.

Должность мутавалли (управляющего) владениями крупных мусульманских мечетей и мазаров (гробниц или мест захоронения мусульманских святых) давалась

³⁹ «Կալիփոսարերը, կազմեց չար. Արրանայան, սրահ 1, Երևան, 1941, էջ 131.

обычно какому-либо высокопоставленному представителю духовенства, после смерти которого она переходила по наследству из поколения в поколение.

Так обстояло дело, например, с известным мазаром шейха Сафи в Ардабиле, который обладал большим числом вакуфных сел и прочей недвижимостью. Должность мутавалли этой святыни с 50-х годов XVI века до конца XVII века находилась в руках рода шейха Захида Гиляни; представители этого рода имели также обширные сойюргалы⁴⁰. Подобное явление замечено и в нескольких армянских монастырях, с той, однако, разницей, что черное духовенство, не имея собственных наследников, оставляло пост настоятеля монастыря сыновьям своих братьев.

Начиная с конца XIV века католикосат Гандзасара находился в руках Хасан-Джалалянов, постоянно переходя от дяди к племяннику⁴¹. Также обстояло дело и в Татевском монастыре. Вардапет Шмавон Ангехакотци, который был духовным отцом Рустама Орбеляна, в 1450 году «кунил» у него несколько сел и передал в вакф Татевскому монастырю. Затем он в течение продолжительного времени лично занимал пост настоятеля монастыря и продолжал расширять принадлежавшие монастырю земли. Сначала от Джханшаха, а в 1468 году от его сына Хасан-Али он получил специальные указы, по которым утверждались вакуфные права монастыря, а его владения освобождались от налогов. В этом весьма ценном указе Хасан-Али между прочим говорится также, что «бахраче с земель, купленных Шмавоном вардапетом у сына Бешкена, мы милостиво даровали ему по приобщенному списку»⁴². Это означало, что официально признавались вакуфные права Татевского монастыря в отношении тех земель, которые—кроме сел, купленных по купчей 1450 года—в другие времена вновь были куплены у Рустама Орбеляна и отданы в вакф Татевскому монастырю. Из этого указа выясняется, что Татевский монастырь в 1463 году по вакуфным правам владел следующими мулками в селах:

⁴⁰ سلسلة النسب صفويه стр. 15—17.

⁴¹ Указы, I, док. 3, 6, 18.

⁴² Там же, док. 1, 2.

1) Бнунис и Тас	6 дангов
2) Каракилиса	»
3) Дастаджерд и Гёлязи	»
4) Свари (Сварац)	»
5) Агакянди (Аганц)	»
6) Ташу	»
7) Татев	»
8) Тацзатап	»
9) Хотанан	»
10) Халидзор	»
11) Шнхер	»
12) Борди	»
13) Киц	»
14) Хот	»

Согласно католикосу Симеону Ереванци, монастырь св. Спасителя Хавуц-тара, начиная еще с XI века, находился в руках рода Григора Магистра; многие поколения этого рода проживали в одноименном селе. В 1489 году настоятелем монастыря был вардапет по имени Закария, который, по данным Симеона Ереванци, принадлежал к потомкам того же рода. Выплатив амилу «бейт-ул-мала» 5 000 динаров, он сумел спасти от захвата следующие вотчинные имения⁴³:

1) Манкус	6 дангов,
2) Аваник	»
3) Кудис	»
4) Хавуц-тар	»
5) Кохд	3 данга,
6) Дриис	6 дангов,
7) Сурб Саргис	»
8) Кутуц-Ванк	»
9) Аванасар	»

Эти села вардапет Закария не передал сразу же в вакф монастырю. Католикос Симеон объясняет это тем, что они имели дворянское происхождение и наследственно владели и монастырем, и селом, следовательно, не нуждались в скреплении вакфом своих собственнических прав в отношении этих сел⁴⁴.

В 1505 году, когда сефевидский шах Исмаил I за-

⁴³ Купчие, I, док. 8.

⁴⁴ «*Джидр*», стр. 277.

владел всем Азербайджаном и Арменией и положил конец власти Ак-Койюплу, тот же вардапет Закария поспешил утвердить свои наследственные собственнические права в отношении монастыря св. Спасителя и получил особый указ, по которому монастырь освобождался от всякого рода налогов⁴⁵.

То, что действительно монастырь св. Спасителя Хавуц-тара, вместе с 9 селами, спасенными от захвата в 1489 году, на протяжении более 100 лет находился в руках потомков упомянутого вардапета Закария—это со всей очевидностью явствует из указа «высочайшего дивана», данного в 1577 году при шахе Исмаиле II в подтверждение мисала Диван-ал-садарата. Из содержания этого мисала выясняется, что в 1577 году общины указанных 9 сел, воспользовавшись смутами в стране, попытались избежать выполнения повинностей собственнику этих сел—настоятелю монастыря вардапету Закарию (потомок брата прежнего вардапета Закария). Специально определенные лица, представлявшие высочайший диван, рассмотрев этот вопрос и основываясь на шариатском праве, засвидетельствовали, что эти 9 сел являются «законными наследственными мулками» вардапета Закария, в связи с этим бекларбеку Еревана и местному Шар'у было поручено не допустить, чтобы райаты уклонялись от выплаты ренты (маликане, уджрат-ул-мисл) землевладельцу⁴⁶. Из «Джамбра» мы узнаем, что эта борьба между вардапетом Закария и его райатами началась значительно раньше, поскольку еще в 1573 году вардапет Закария получил ферман и от шаха Тахмаспа, которым райаты этих же сел обязывались выплачивать мулк вардапету Закария⁴⁷.

Однако впоследствии между светскими и духовными наследниками этой семьи возникли разногласия, и земельные владения—как наследственная собственность—были разделены между разными наследниками этой же семьи; в конце концов в 1526 году вардапеты Закария и Амазасп отдали в вакф монастырю села Кызыл-Ванк

⁴⁵ Указы, I, док. 9.

⁴⁶ Там же, док. 19.

⁴⁷ «Джамбра», стр. 278.

(Хавуц-тар), Манкус и Аваник полностью и половины поместий Кегварда и Сурб Саркиса⁴⁸.

В чем причина того, что вардапет Закария не хотел отдать эти села в вакф тому монастырю, пост настоятеля которого издревле принадлежал его предкам и от него должен был перейти к его наследникам? Когда Товма Мецопеци говорит в своей «Памятной записи» об оппозиции против Киракоса Вирапечи, то среди наиболее активных деятелей этой группы упоминает епископа Закария из Хавуц-тара, который якобы обещал Ягуб-беку большую взятку, чтобы последний разрешил помазать католикосом Григора Маквечи⁴⁹. Католикос Симеон Ереванци пишет, что упоминавшийся в купчей 1489 года о возвращении указанных девяти сел вардапет Закария, вероятно, является тем же епископом Закария⁵⁰. Упомянутая купчая издана в первом выпуске «Персидских купчих Матенадарана», где на фактах показывается, что Закария Хавуцтаречи не мог жить ранее этого года и упомянутый в купчей епископ Закария является лишь родственником предыдущего Закария. Однако ясно, что имения принадлежали первоначально Закарию Хавуцтаречи. Пример Григора Маквечи заставил его задуматься над тем, как Григор Маквечи, не будучи избран в 1441 году католикосом, лишился доходов с семи сел, которые 10 лет назад были им даны в вакф Эчмиадзину; только ценой упорной борьбы, больших материальных потерь и усилий самого епископа Закария стало возможным восстановление его прав в отношении этих дере-

⁴⁸ Купчие, I, док. 16; срав. также «Джамбра», стр. 278. Из «Джамбра» выясняется также, что при католикосе Симеоне монастырю принадлежали только села Хавуц-тар, Дрис и Кутуц-ванк, а села Кохд, Манкус, Аваник, Аванасар и Сурб Саргис находились в состоянии разорения (стр. 278).

⁴⁹ Քոստան Գրիգորի, Հիշատակարան, էջ 80.

⁵⁰ «Джамбра», стр. 277. В персидских документах духовные саны армянского духовенства не указываются соответствующими терминами; наиболее употребительным является термин *مخواسيا*—махрасиа, который означает «духовный предводитель». Во многих документах так называются даже католикосы Эчмиадзина, епископы и вардапеты.

вень. То же самое могло произойти с наследниками Закария, потому что юридически законным владельцем вакуфных имений всегда являлся настоятель или «мута-валли» данного времени. Здесь же произошло совершенно обратное: епископ Закария стремился приобрести наследственное право настоятеля монастыря не путем передачи в вакф купленных им поместий (поскольку это право, как было сказано, давно уже принадлежало его роду); обладая землями, в пределах которых находился монастырь, он стремился еще более упрочить наследственные права своих преемников в отношении монастыря.

Однако эта своеобразная форма монастырского землевладения не была типичной и могла существовать постольку, поскольку наследники данного рода были дружны между собой. С правовой точки зрения упомянутые села в палатовом управлении дивана были зафиксированы, как было сказано, в качестве приобретенных мулков, и часть получаемого с них налога взималась в пользу государства. Но села-мулки никогда не могли переходить целиком нескольким наследникам его владельца, а наследовались ими в тех или иных долях, нередко очень мелких (данг или половина данга). Между тем, как мы видели, до 1526 года эти села целиком оставались в руках этого рода, и их законным владельцем являлся тот член рода, который принимал духовный сан и становился настоятелем монастыря. Ясно, что это делалось только для того, чтобы монастырь со своими многочисленными прочими доходами наследственно оставался в руках рода.

Епископ Закария и его преемники даже сочли за благо отказаться от сравнительно прочных позиций вакуфного землевладения сохранить за собой эти владения в качестве мулка и тем самым обеспечить непрерывное владение своими наследниками монастырем и всем его имуществом.

Примечательно также, что настоятели монастырей из одного и того же рода, принимая духовный сан, обычно получали имя предыдущего настоятеля. Так, например, в XV веке в Гандзасаре следовали друг за другом несколько католикосов Матевосов, которые все проис-

ходили из рода Хасан-Джалалянов⁵¹. И в Татеве вслед за вардапетом Шмавоном Ангехакотци настоятелями монастыря были несколько других Шмавонов, о которых в документах отмечается, что они являются «наследниками предыдущего Шмавона»⁵². Наконец, в Хавуц-таре также в разное время выступало несколько вардапетов Закария. Это делалось со специальной целью: чтобы царские ферманы и документы, в которых упомянуто имя предыдущего настоятеля, после его смерти использовались бы и сменившим его новым настоятелем, носящим то же имя.

Нетрудно заметить, что эта форма принесения в вакф собственных «вотчинных» или «купленных» имений и наследственного владения должностью настоятеля того же монастыря была более распространена в Васпуракане, Арцахе, Сюнике и тех районах исторической Армении, где до XIV—XV вв. продолжали существовать отпрыски армянских феодальных домов. Более активным было духовенство Восточной Армении—Сюника. Крупное феодальное духовенство Сюника стремилось в XV веке распространить свое господство также на Эчмиадзинский католикосат всех армян, что, однако, продолжалось весьма недолго⁵³. После Григора Маквечи и даже при нем католикосами назначались не его близкие родственники, а совершенно случайные лица.

Помимо приобретенных и вакуфных сел монастыри, как было сказано, обладали также большим количеством мелких и крупных земельных участков, большая часть которых была получена путем пожертвований и являлась вакуфной собственностью. Эти земельные участки, право на пользование которыми вначале принадлежало членам общин—райатам-земледельцам, входили в общую посевную площадь (кёфшан) данного села. Будучи подарены монастырям и церквям и став вакуфной собственностью, они, естественно, не подлежали налогообло-

⁵¹ Купче, I, док. 14; см. также Указы, I, док. 3, 6; срав. с Հ. Աճառյան, Անձնանունների բառարանը.

⁵² Указы, I, док. 2, 4, 10, 11, 15.

⁵³ см. Հ. Փափուգյան, Մի էջ Արևելյան Հայաստանի քաղաքական կյանքի պատմությունից, ՀՍՍՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (հաս. գիտ.), 1953, № 8.

жению. Но поскольку эти земли продолжали входить в общий фонд обрабатываемых земель данного села и монастырю предоставлялось лишь право на использование этих земель,—то сельская община продолжала выплачивать государству земельный налог за эти площади. Из нескольких документов XVI в. видно, что земельные налоги с тех участков из общего фонда посевной площади отдельных сел, которые были отданы в вакф монастырям, выплачивались райатами того же села. В указе шаха Тахмаспа I от 1555 года, данном монастырю апостола Товмы в Агулисе, читаем:

«Августейший приказ последовал о том, чтобы датура, мелики и кядхуда Ордубада, Азад-Джирана и других [местностей] никогда не требовали от настоятеля монастыря в Агулисе, вопреки [настоящему] указу и беззаконно, ни одного динара и ни одного мана урожая. Кто будет засеивать земли упомянутого монастыря, где бы [эти земли] ни находились, тот должен, согласно порядку и обычаю, передать свою бахраче упомянутому настоятелю, а то, что они в [прежние] годы беззаконно отбирали у него, после того, как будет доказано, должны возвратить [ему] и не противиться»⁵⁴.

Как сказано, мелики и кядхуда разных местностей не имели права требовать от настоятеля монастыря налогов наличными деньгами или натурой за находящиеся в пределах их сел монастырские земли, а возделывающие эти земли крестьяне были обязаны уплачивать монастырю принятую в данном месте бахру. Иначе говоря, монастырь должен был брать часть урожая с этих земель, однако община не имела права требовать у монастыря относящейся к этим землям доли общей суммы земельного налога, выплачиваемого государству; эта доля должна была распределяться между членами общины. Спустя 26 лет, в 1581 году, настоятель монастыря апостола Товмы был вынужден вновь обратиться к властям—на этот раз к бекларбеку Тавриза—и получил повое распоряжение, адресованное, в частности, к «кядхуда и райатам» села Вананд, в котором вновь подчеркивалось, что «мал» и другие государственные налоги с монастырских земель, принадлежащих монастырю,

⁵⁴ Указы, I, док. 14.

находящихся в пределах сел, включены в общий «малоджахат», взимавшийся с Агулиса, следовательно, жители села Вананд не имеют права что-либо требовать от монастыря за эти земли⁵⁵. В фермане от 1604 года, полученном от шаха Аббаса I, также указывается, что «малоджахат и ихраджат» вакуфных земель Вананда, Шорота и Нижнего Агулиса включены в общую сумму налогов, взимавшихся с райатов Агулиса, значит, у монастыря не следует ничего требовать⁵⁶.

Это явление объясняется тем, что обложение населения и учет обрабатываемых земель деревень и прочего имущества, подлежавшего налогообложению, совершались нечасто, и в дафтерах записи не менялись до следующего переучета. Среди персидских указов Британского музея, изданных немецким востоковедом Г. Буссе, имеется указ шаха Сулеймана (1683), который относится к налогам, взимавшимся наличными деньгами (джизья, расм-ал-визарат, русум-е даругеди и т. д.) с армян Новой Джугы. Из текста узнаем, что шах в свое время освободил от этих налогов («дал муаф») ходжу Сархада и его наследников, а спустя определенное время калантар Новой Джугы ходжа Аветик, кедхуда города и райаты представили прошение шаху, которым просили или исключить из общей суммы взимавшихся с общины Новой Джугы налогов их долю, или же ликвидировать это муафство, потому что в течение многих лет эта сумма распределялась среди райатов той же общины и взималась с них. На основе этого прошения шах ликвидировал дарованное указанной семье муафство и отдал распоряжение забитам налогов и калантару армян, чтобы часть налогов, падающая на долю ходжи Сархада и его наследников, взималась с них и впредь не распределялась бы среди других райатов города⁵⁷. Следовательно, муафство и льготы (تخفيف — тахфиф), которые представлялись некоторым представителям привилегированного сословия и духовенству, а также освобождение вакуфных имений монастырей от налогов

⁵⁵ Там же, док. 20.

⁵⁶ Указы, II, док. 4.

⁵⁷ H. Busse, Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen, Kairo, 1959, Urk. 20.

производилось в основном не за счет государства или дивана, а членов данной общины—райатов.

* * *

Вопрос о налоговом иммунитете или муафстве, которыми пользовались монастыри и армянское духовенство вообще, нуждается в специальном исследовании.

Известно, что ленники, получавшие в XV веке сойюргал, также пользовались достаточно широкими привилегиями, в частности муафством, взамен чего были обязаны участвовать со своими войсками во всех походах туркменских властителей и воевать с их противниками. Однако сойюргалы жаловались не только вождям туркменских и курдских племен или высокопоставленной военной знати, но и видным представителям духовенства.

Уже начиная с правления Узун-Хасана Ак-Койюнулу (1468—1478) число крупных феодальных сойюргальных владений начинает сокращаться, и все более широкое распространение получают «олка» и «икта», или «икта-е тамлики». Источники свидетельствуют о том, что на протяжении всего периода господства Ак-Койюнулу (1468—1502) большое число сойюргалов было дано феодальной знати, в особенности высокопоставленному духовенству—казням, алимам, шейхам и др.⁵⁸ Даже падишах Ахмад, который во время своего кратковременного (семь месяцев) правления попытался провести радикальные реформы и объявил недействительными все сойюргалы, пожалованные его предшественниками, не тронул лишь сойюргалов, пожалованных духовенству, и уважил его права муафства⁵⁹.

Однако поскольку сойюргалы, пожалованные духовенству и крупным религиозным учреждениям, не были обусловлены государственной военной службой, они, само собой разумеется, совпадали с давним институтом муафства. И с этой точки зрения сойюргалы такого порядка, существовавшие с XV и до начала XVII вв., были не чем иным, как освобожденными от всех государственных налогов земельными и иными владениями, которые

были пожалованы церковным учреждениям и влиятельным семьям духовных лиц и находились в их наследственном владении.

Таковыми крупными и богатыми владениями обладал Ардебильский мазар шейха Сафи-эд-Дина и пожалованные ему в разные времена обширные поместья, которые принадлежали потомкам шейха, были освобождены от налогов государству. Такие же обширные доходные владения имели потомки шейха Захид Гилани в Муганском районе и других прикаспийских областях⁶⁰. Эти земли рассматривались в качестве сойюргала не только монгольскими и туркменскими султанами, владычествующими здесь в XIV—XV вв., но и временно захватившим эти места ханом Золотой Орды Джанибеком и эмиром Тимуром⁶¹.

В сойюргальных грамстах, данных крупным религиозным учреждениям, подробно указывалось, от каких налогов и повинностей они освобождались, и предписывалось амирам, даруга и государственным чиновникам данного района никогда, ни под каким видом не вступать на территорию имений, принадлежащих данному учреждению. Официальных лиц инструктировали «держать свое перо и свои ноги короче и не приближаться к этим местам»⁶². Создавалось положение, при котором такого рода сойюргалы, подобно сойюргалам, пожалованным светским феодалам, имели широкое самоуправление и местные власти не были уполномочены вмешиваться в их дела.

В одном указе шаха Аббаса, данном в 1600 году мазару шейха Сафи, ардебильскому хакиму строжайше приписывалось ни в коем случае не вмешиваться в дела управления мечетью и дозволить, чтобы споры, возникающие между их райатами, рассматривались и разрешались только распорядителем и управляющим делами святилища в присутствии членов шариатского суда⁶³. Это означает, что им давались также судебные и административные права и, таким образом, высшее духовен-

⁶⁰ *سلسله النساب صفويه*, стр. 105—110.

⁶¹ Там же, стр. 43—48.

⁶² *قلم و قدم کوتاه و کشیده دارند و پیرامون نگرند*

⁶³ *سلسله النساب صفويه*, стр. 109.

⁵⁸ И. Н. Петрушевский, *Очерки...*, стр. 150.

⁵⁹ Там же, стр. 150—151.

ство пользовалось теми же правами налогового и административного иммунитета, что и привилегированные представители военной знати, владевшие ленами на правах сойюргала.

В источниках содержатся свидетельства о существовании собственного аппарата управления (или «скаркствах») при крупных религиозных учреждениях, находившихся как в Ардабиле, так и в других местах и насчитывавших многочисленный штат крупных и мелких чиновников. Такие религиозные учреждения имели также особые вооруженные отряды, с помощью которых они осуществляли сбор налогов с райатов и в необходимых случаях подавляли их выступления и мятежи.

Конечно, сойюргалы, данные религиозным учреждениям и духовенству, не были обусловлены военной службой, однако в мусульманском мире закон «джихад»-а позволял, в случае необходимости, использовать также подчинявшиеся духовным лицам и состоявшие при религиозных учреждениях военные силы—отряды «мурид»-ов и «суфи»-ев. Довольно определенное свидетельство об этом имеется в указе шаха Аббаса I, направленном в сентябре 1603 года хакиму Ардабиля Золфегархану⁶⁴. Предприняв военные действия против турецкого войска и мобилизовав с этой целью все военные силы страны, шах предписывает Золфегархану немедленно собрать находящиеся под его командованием военные соединения, в том числе и отряды «суфи»-ев, и спешно присоединиться к армии, идущей походом на Тавриз.

Таким образом, следует заключить, что, хотя духовные феодалы и не были обязаны поставлять ежегодно определенное количество воинов, или, как было принято их называть, «ясагкеш»-ов, которые подвергались бы строгому учету со стороны высших военных инстанций, однако находившиеся в их распоряжении военные силы, нередко довольно значительные, могли быть мобилизованы и использованы общим командованием во время военных действий.

Право муафства, данное армянским монастырям и армянскому духовенству, во многом походило на муафство, пожалованное мусульманским религиозным учреж-

⁶⁴ Указы, II, док. 1.

дениям и духовенству, и, следовательно, по своему существу было связано с феодальным институтом сойюргала.

Как известно, многие монастыри, начиная уже с XIV века, превратились в наследственные владения и находились в руках духовных лиц, происходивших из отдельных феодальных домов. Это явление имело, безусловно, свои серьезные социальные и политические причины; вместе с тем, однако, не следует игнорировать и тот факт, что наследственный характер был одной из особенностей сойюргального землевладения духовенства.

В указах, данных католикомосом Гаидзасара, а также настоятелями Татевского, Хавуцтарского, Дарашамбского и других монастырей, особо подчеркивается, что эти монастыри были наследственной собственностью; лишь на основе наследственного права католикомосы или епископы, получавшие указ, могли вступить во владение монастырем и распоряжаться делами управления монастырями и их доходами, поступавшими, в частности, с их земельных владений⁶⁵.

Монастыри при наличии у них сойюргальных привилегий, подобно другим владельцам, освобождались от многочисленных и разнообразных налогов. В указах, данных монастырям, государственным чиновникам также предписывается «держат перо и ноги короче и сдержаннее и не приближаться к этим местам»⁶⁶. Монастыри имели эконоомы, которые распоряжались доходами с монастырских владений. В памятных записях армянских рукописей XV века сохранились также свидетельства относительно вооруженных отрядов, которые находились в распоряжении крупных монастырей и влиятельных армянских духовных лиц⁶⁷.

Хронологическое изучение указов ясно показывает процесс постепенного лишения монастырей и армянского духовенства своих прав. Если в указах, написанных в XV, а частично и в XVI веке, подчеркивается право их

⁶⁵ Указы, I, док. 3, 6, 8, 10, 18.

⁶⁶ Там же, док. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 17.

⁶⁷ ՓԵ զարի հայերն ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն Ա, էջ 626, անջարան, էջ 47, сравн. Հ. Մանուկյան և Հ. Անտոյան, Հայոց նոր վիճակը, գիտ. հրատ., Վաղարշապատ, 1903, էջ 313.

полного муафства в отношении всех видов налогов (в том числе и факт их освобождения от мала и джизьи, что дает нам право определенно говорить о сойюргальном характере и монастырского землевладения и наличии у монастырей привилегии муафства), то указы XVII века большей частью свидетельствуют о том, что права эти неизменно и все более ограничивались, и многие из вышеупомянутых монастырей вынуждались под тем или иным предлогом, но систематически вносить в государственную казну определенную сумму.

Так, например, в указе жены султана Джаханшаха Кара-Койюнулу, Бегум-хатун от 1462 года, данном гандзасарскому католикосу Ованнесу, особо подчеркивается, что братия монастыря, помимо других многочисленных налогов и повинностей, освобождается и от обязанности платить джизью. В указе падишаха Ягуба Ак-Койюнулу от 1487 года приводится по этому поводу выдержка из данной имамами фатвы, согласно которой «если имам данного времени от джизьи освободит монахов, то это разрешается шариадом». Из этого указа выясняется, что при Ак-Койюнулу духовенство Гандзасара также не платило поголовной подати. Указ Хасан-Али Кара-Койюнулу от 1468 года, данный Татевскому монастырю, и указ Узун-Хасана Ак-Койюнулу от 1475 года, данный монастырю Степанноса Первомученика в Дарашамбе, свидетельствуют, что эта привилегия относилась не только к братии Гандзасара, но и к братьям других монастырей⁶⁸.

В этих указах имеются свидетельства об освобождении упомянутых монастырей и от «мал»-а. Это означает, что монастырям, которые являлись наследственными владельцами, официально было дано право полного муафства. Как это ни странно, однако, согласно установленному правилу, они не должны были также платить взимающуюся со всех без исключения христиан поголовную подать «джизью», которая в армянских источниках часто именовалась «ценой веры» (*Տաճարի վրի*).

Эти факты дают нам возможность выяснить только официально-правовую сторону института налогового иммунитета, представлявшегося властями армянскому

⁶⁸ Указы, I, док. 3, 4, 5, 6.

высокопоставленному и потомственному духовенству в мирных условиях. Речь не идет о частых случаях притеснений, злоупотреблений и совершавшихся под разными предлогами взысканий, которые в условиях феодальной деспотии, где христианство было религией или гонимой, или терпимой, были явлениями закономерными и характерными.

В указе шаха Тахмаспа I от 1570 года, данном Гандзасарскому монастырю, упоминаются все те налоги и повинности, от которых освобождалась братия монастыря. Здесь нет лишь упоминания об освобождении от джизьи⁶⁹. Быть может, одного этого указа еще недостаточно для утверждения, что начиная уже со второй половины XVI века черное духовенство также официально было обязано платить поголовную подать. Однако указ, данный в 1606 году шахом Аббасом I тому же монастырю⁷⁰, подтверждает это наше предположение. В другом указе его, опубликованном в 1607 году⁷¹, уже со всей определенностью указываются размеры поголовной подати, взимаемой с монастыря—15324 динара. Этот последний указ содержит также ценные данные относительно попыток в шестидесятых годах XVI века взимать ежегодно определенную откупную сумму с гандзасарских католикосов.

Указы же первой половины XVII века уже не оставляют никаких сомнений в том, что с середины предшествующего столетия армянское духовенство и религиозные учреждения в большей или меньшей степени подлежали налогообложению. Взимавшиеся с них налоговые суммы всегда заносились как в областные, так и центральные налоговые реестры⁷². Этого не избегли даже монастыри, которые являлись наследственными владениями и, как было указано выше, числились в ряду духовных сойюргалов.

Следует сказать, однако, что в XVI веке институт сойюргала в целом переживал довольно определенный

⁶⁹ Там же, док. 18.

⁷⁰ Указы, II, док. 5.

⁷¹ Там же, док. 7.

⁷² Там же, док. 4, 6, 12, 19, 34, 36, 39.

процесс разложения, а в XVII веке чрезвычайно изменились и ограничили самые границы его действия.

Начиная с XVI века и, в особенности, в XVII веке широкое распространение приобрел тиул, который, как уже было отмечено, юридически являлся пожалованным лицам, находившимся на государственной, обычно—военной службе, взамен их жалованья⁷³ части поземельного налога, а иногда и других налогов, взимаемых с земледельцев-райатов и торгово-ремесленных городских слоев в пользу государства (дивана).

В XVII и даже в первой четверти XVIII века сойюргалы, пожалованные отдельным представителям светских и духовных феодалов, по существу отличались от тиулов лишь своим наследственным характером, однако при переходе к новому наследнику они обязательно подлежали утверждению. Внимательное исследование показывает, что в XVII веке лицам, получившим сойюргал, как и владельцам тиулов, давалось официально лишь переходившее по наследству (в случае сойюргала) право взимания с определенного податного объекта государственных налогов или части их.

Для изучения последнего этапа в эволюции более трех столетий просуществовавшего феодального института сойюргала довольно интересным документом является указ, полученный великим курчи шаха Аббаса II, Гёкча-беком⁷⁴. Согласно этому указу, Гёкча-беку в качестве сойюргала жаловалось 45.350 динаров, которые он должен был получать из сумм малоджахата, вджухата и других диванских податей, взимаемых с нескольких сел Хаченского округа. Содержание документа ясно показывает, что Гёкча-бек, получивший сойюргал, имел право лишь на упомянутую сумму, которая взималась с этих сел; административных же и иных прав на райатов этих сел он не имел. Далее, кедкуда и райатам этих сел предписывалось «признавать его владельцем своего сойюргала, каждый год выплачивать ему малоджахат, вджухат и другие диванские обязан-

⁷³ И. П. Петрушевский, Очерки, стр. 188; срав. А. Д. Папазян, Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII в., автореф. канд. дисс., Ереван, 1954, стр. 15.

⁷⁴ Указы, II, док. 33.

ности и никаких упушений не допускать». Однако одновременно, как это свойственно всем более ранним сойюргальным указам, местным хакимам, даруга, а также тиулдарам и иным должностным лицам запрещалось вмешиваться в дела этого сойюргала и под разными предлогами или в счет различных других податей отправлять на эти села налоговые наряды (хавале и итлаг).

В 1653 году этот сойюргал был вновь утвержден на имя только что принявшего мусульманство сына Гёкча-бека, Мейрам-бека⁷⁵. На основании этого следует предположить, что и Гёкча-бек, который, вероятно, был одним из потомков прежних армянских феодалов Хачена, принял мусульманство и поступил на военную службу в гвардию курчиев Карабахского бекларбекства, чтобы спасти свои владения от узурпации их или разорения чиновниками. Затем он сумел получить в качестве владельца сойюргала освобождение от государственных налогов, взимаемых с его вотчинных земель, которые, по всей вероятности, принадлежали ему на правах мулка. Заслуживает внимания в особенности тот факт, что после смерти Гёкча-бека его сын получил право унаследовать сойюргал, данный на имя его отца, лишь после того, как принял мусульманство и вступил в ряды курчиев.

В первую очередь нас интересует здесь форма сойюргала, а именно—пожалование налогового иммунитета, но не самой земли с сидящим на ней населением. Для того, чтобы убедиться, что большая часть сойюргалов XVII века носила такой характер, достаточно просмотреть два сойюргальных указа от 1656 и 1703 гг., хранящихся в личном хранилище рукописей тавризского купца Хаджи Мухаммада Нахчевани, текст которых опубликовала в 1952 году Анн К. С. Ламбтон⁷⁶.

Из указа, данного в 1656 году, узнаем, что, начиная уже с XVI века из сумм малоджахата и вджухата, взимаемых с города Тавриза и некоторых других местностей Азербайджана, 30.695 динаров были даны в качестве сойюргала Не'матулла Абдулвахаби, который был одним из видных духовных деятелей своего времени.

⁷⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 44.

⁷⁶ Ann K. S. Lambton, Two Safavid Soyurgals, BSOAS, London, 1952, p. 45.

После его смерти этот сойюргал перешел к его сыну, Мир Абдулла, а затем—к внуку, Мир Мухаммад-Ибрагиму. В указе, полученном последним, было отмечено, что часть сойюргала, который возмещался диваном за счет поголовной подати с армян Азербайджана, должна быть отдана сыну дяди (брата отца) Мир Мухаммад-Ибрагима—Мир Мухаммад-Багиру. Однако Мир Мухаммад-Ибрагим попытался присвоить долю последнего. Лишь после долгой тяжбы Мир Мухаммад-Багиру удалось утвердить свои наследственные права.

В том указе, получателем которого был внук Мир Мухаммада-Багира, Мир Абдулвахаб, излагается во всех подробностях хронологическая история этого сойюргала до 1656 года. Второй указ уже содержит в себе последующую историю дробления сойюргала до 1703 года, когда эта часть отданной в сойюргал поголовной подати, взимавшейся с армян и евреев Азербайджана, была уже поделена между более чем 10 сеидами, происходившими из духовного семейства Абдулвахабиев⁷⁷.

Распространение тиульной системы феодального служебного землевладения и назначение должностным лицам «хамесале», а также денежного жалованья «тан-ха», связанное с определенным усилением феодальной централизации в Сефевидском государстве, сопровождалось одновременным сокращением сойюргальных владений феодалов и трансформацией этого института.

В этот период церковные учреждения продолжают сохранять право муафства, но лишь в отношении вакуфного имущества. С этого времени армянскому духовенству не предоставлялся более полный налоговый иммунитет. Лишь в исключительных случаях отдельным духовным деятелям удавалось получить такого рода личные привилегии. В первой половине XVII столетия указами о муафстве, полученными Эчмиадзинским монастырем, были освобождены от государственных налогов лишь те монастырские поместья, которые в разное время были пожертвованы или отданы в вакф монастырю верующими⁷⁸.

С доходов, получаемых с подобных владений, госу-

⁷⁷ Там же, стр. 49—51.

⁷⁸ Указы, II, док. 26, 34, 36, 38, 39.

дарство не взимало налогов, следовательно, весь доход доставался данному религиозному учреждению, которое расходовало этот доход на свои нужды или на указанные жертвователем благотворительные и иные цели. В указе шаха Аббаса I от 1612 года, содержащем список вакуфных поместий Эчмиадзина, читаем: «...Если армяне действительно отдали нижеупомянутые земли и мулки в вакф Учкилисе (Эчмиадзин), то никто не имеет права владеть ими на правах мулка. Пусть никогда не покупают и не продают вакф и пусть дозволяют, чтобы мутавалли (распорядитель) или надзиратель взимал их доходы и тратил на цели, указанные вакифом (жертвователем)»⁷⁹.

На предыдущих страницах мы видели, однако, что монастыри имели и такие земельные владения и другие доходные объекты, которые были не подарены, но куплены за наличные деньги и которыми они владели не в качестве вакфа, но как купленным мулком. Согласно существовавшему закону, эта форма собственности подлежала обложению налогом. Почти во всех документах, касающихся монастырей Восточной Армении, в особенности во владениях и в «вакфнаме», а также в большей части указов считали необходимым подчеркнуть вакуфный характер монастырских поместий, ибо, как было сказано, только в этом случае они могли быть освобождены от налогов, уплачиваемых государству⁸⁰.

Начиная с 40-х годов XVII века своими приобретенными за деньги мулками особенно отличался Эчмиадзинский монастырь. Хотя первые письменные свидетельства относительно покупки мулков относятся ко времени католикоса Пилипоса Ахбакеци, однако можно не сомневаться, что уже и до этого монастырь имел такого рода земельные владения, за которые был вынужден платить определенный налог⁸¹.

Вышеупомянутым указом шаха Аббаса I от 1612 года был утвержден лишь список вакуфных земель, садов и одной маслобойни, без указания на налоговые привилегии, которые жаловались им. Тот же список был

⁷⁹ Там же, док. 11.

⁸⁰ Там же, док. 26, 34, 36, 38, 39.

⁸¹ Там же, док. 29, 39.

вновь утвержден в 1644 году шахом Аббасом II; при этом подчеркивалось, что «если эти места навечно сделаны вакфом и закреплены за упомянутой церковью (Эчмиадзином), и черед распоряжаться дошел до избранного христианина, католика Пилипоса, то никто не имеет права без шариатской (т. е. законной, — А. П.) причины причинять ему беспокойство и служить препятствием. Но нужно позволить, чтобы вышеупомянутый распорядитель тратил доходы, получаемые каждый год с указанных вакфов, на цели, определенные жертвователем в вакф»⁸².

Из надписи, сделанной на полях документа рукою садра, нетрудно догадаться, что эти поместья были предметом каких-то посягательств, вследствие чего католикос Пилипос был вынужден с помощью нового указа, подчеркнув свои права распорядителя, восстановить вакуфную собственность на эти поместья. Садр счел необходимым дополнительной надписью еще раз подчеркнуть, что «согласно шариату, в случае, если имущество является вакфом, собственность прочна» и что «только после очень внимательного уточнения и доказательства посредством судей и точных фактов можно отобрать вакф и [нужно быть] осторожным, чтобы [это] соответствовало духу Шар'а и ничего незаконного не совершалось»⁸³.

Эти пахотные земли и сады находились в селе Вагаршанат, следовательно, их государственные налоги были зачислены в общую сумму малоджахата, взимаемого с тех же сел, а село Вагаршанат, как нам известно, в свою очередь принадлежало Эчмиадзинскому монастырю в качестве мулка. Вполне возможно, что и здесь муафство, относившееся к вакуфным поместьям, осуществлялось за счет райатов того же села. На предшествующих страницах мы уже говорили об этом обычае, который на протяжении веков практиковался в Дарашамбе и Агулисе⁸⁴.

На основании указа, полученного в 1647 году католикосом Пилипосом от ереванского бекларбека Кейхосров-хана, следует заключить, что много монастырского

⁸² Там же, док. 26.

⁸³ Там же.

⁸⁴ См. также Указы, I, предисловие, стр. 32—33, док. 15, 20, 22.

имущества (сады и мельницы), находившегося вне села Вагаршанат, подлежало обложению налогами, и лишь в указанном году по особой просьбе католика Кейхосров-хан «уступил» ему малоджахат этих поместий (47694 динара) и суммы чобанбеки (52250 динаров), взимавшиеся с 960 голов монастырского мелкого рогатого скота, в качестве жалуемого католикосу «ежегодного дара» (انعام همه ساله). Хотя в документе подчеркнуто, что эти поместья являются вакуфной собственностью, однако тот факт, что до 1647 года монастырь был вынужден платить за них налог,—позволяет предположить, что эти сады и мельницы, если не полностью, то в своей значительной части являлись приобретенной посредством купли собственностью.

Совершенную уступку следует рассматривать не в качестве пожалования права муафства, предоставлявшегося вакуфной собственности, но как пожалование представителю высокопоставленного духовенства привилегии сойюргального характера, заключавшейся в освобождении от уплаты определенной суммы. Фактически эта сумма жаловалась лично католикосу Пилипосу в качестве кормления, хотя на деле она касалась собственно монастырского хозяйства и в значительной степени способствовала улучшению материального положения монастыря.

Налоговые привилегии, дававшиеся на имя католикосов, и в дальнейшем служили им основанием для возбуждения ходатайства о возобновлении этих привилегий на свое имя. Так, например, в 1638 году католикос Пилипос сумел получить от шаха Сафи особый указ, согласно которому одна плужная упряжка, использовавшаяся в эчмиадзинском хозяйстве, освобождалась от уплачиваемого государству налога—малийе, в осуществление муафства, пожалованного католикосу. Предъявив этот указ, католикос в 1645 году получил от шаха Аббаса II новый указ, которым последний восстановил пожалованное его отцом католикосу право муафства на упомянутый плуг⁸⁵. На основании этого последнего указа преемник католика Пилипоса Акоп Джугаецци получает от

⁸⁵ Указы, II, док. 29.

шаха Аббаса II новый указ, по которому это муафство было возобновлено на его имя. Постоянно возобновлявшееся на имя католикоса муафство одного плуга длилось в Эчмиадзинском монастыре довольно долго, а в 1712 году католикосу Александру Джугаеци удалось получить от шаха Султан-Гусейна право муафства еще на один плуг⁸⁶.

К числу таких личных привилегий было отнесено и определение государственных налогов села Вагаршапат в кормление католикосу Пилипосу («вазифе—*واظیفه*»). Как было указано, с 1620 года Эчмиадзинский монастырь сумел восстановить свое право собственности на мулк села Вагаршапат, благодаря чему мог взимать с райатов ренту в размере $\frac{1}{10}$ урожая. Кроме этого, $\frac{2}{10}$ урожая райаты платили государству в качестве земельного палого под именем бахры, или, как она названа в прошении католикоса Пилипоса от 1650 г.—«манал». Этот «манал» общей суммой в 21 туман (210000 динаров) до упомянутого года был отдан в качестве тиула бекларбеку Чухур-Са'да. И вот в том же году на основании прошения католикоса Пилипоса и с согласия бекларбека Кейхосров-хана тиул был отобран у последнего и передан в качестве кормления («вазифе») католикосу. Таким образом, фактически райаты села Вагаршапат свои государственные налоги и повинности также обязаны были выплачивать монастырю⁸⁷.

После всего этого можно с полным основанием утверждать, что Эчмиадзин, как и другие монастыри Восточной Армении, не пользовался полным налоговым иммунитетом. Как мы видели, эти монастыри были вынуждены ежегодно вносить в государственную казну определенную сумму в счет поголовной подати («джизья» и «тафавут-е джизья») и поземельного налога («малоджахат» и «вджухат»), а также подати со скота («сумы чобанбеки») и прочих налогов⁸⁸. В первую очередь обложению налогом подлежало, безусловно, не вакуф-

ное, а приобретенное посредством купли имущество и доходные объекты, и возможным средством избавления от такого обложения было получение католикосами и некоторыми другими представителями высшего духовенства личных сойюргалов, ин'амов, вазифе, просто муафства, имевших определенное распространение и в XVII веке и находившихся под общим контролем сидевшего в столице главного мустофия или мустофи-ул-мамаллика⁸⁹.

⁸⁹ Tadhkirat al-Mulūk p. 54, персидский текст, стр. 27.

⁸⁶ Матенадаран. Диван католикоса, пап. 1г, док. 248, сравн. «*Джирн*», стр. 220.

⁸⁷ Указы, II, док. 39.

⁸⁸ Там же, док. 2, 7, 20, 28, 34, 36, 39.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

НАСЛЕДСТВЕННЫЕ И КУПЛЕННЫЕ СЕЛА

В ланидарных надписях X—XIV вв. неоднократно встречаются упоминания о купле-продаже и пожертвованиях целых сел и обрабатываемых земельных участков. По своему характеру они не отличаются от купчих (кабале) и вакфнаме XVI—XVII вв. В этих надписях говорится об отчуждении в качестве вотчинной («айренник») или купленной («гандзагин») собственности целых сел или их отдельных дангов, участков земли, садов, мельниц и прочего недвижимого имущества¹. Это означает, что «айренник» (вотчина), который обозначается в шариатских документах арабским термином «мулк», существовал давно и восходит, вероятно, к VII—VIII вв.

Еще в 901 году князь Супан из Сюника писал в надписи на монастыре Макенаоц о своем пожертвовании местной церкви Святой Богородицы: «...Отдал собственную землю церкви Богородицы со всеми границами, горами и полями...»². В 1029 году Ваграм Пахлавуни подарил монастырю Мармашена многочисленные купленные села и отметил в конце надписи, сделанной по этому случаю: «...И мы обладали всяким имуществом. Отдали ему селенья и уголья, купленные за деньги поместья Годис и Портанг, Арагеч и Азата, Агесманэ и Езынка, и сады, и три мельницы Ошакана, и две мельницы в Догсе, сад в Антараке, сад в долине Карпи, сад в Серкевли...»³.

¹ См. «Վիճակի տարեգիր» стр. 5, 16—17, 37, 43—44, 50—51, 54, 56—59, 67—68, 74—76, 112—113, 128, 141, 177, 182, 226 и т. д.

² Там же, стр. 5.

³ Там же, стр. 16—17.

Также и в ряде надписей последующих веков встречаются факты относительно мулкового землевладения, которые позволяют с уверенностью говорить о весьма раннем происхождении этого института.

По надписям 1189 года Санаинского монастыря и 1214 года монастыря Хцковка приносились в дар не целые села, а их половины⁴. Этот факт говорит в пользу того, что эти села вначале полностью принадлежали отдельным вотчинникам («айренатер»), а затем уже были разделены между их наследниками. С этой точки зрения весьма примечательна надпись, рассказывающая о даре Тиграна Оненца арийской церкви св. Григора. В этой надписи от 1215 года жертвователю сообщает, что он на свои добытые честно деньги приобрел от разных вотчинников и отдал в дар указанной церкви ряд владений, в том числе «половину села Гаврохенц, 5 дангов села Кархат, половину села Мшаконец, половину села Канхунц, все село Цамакцов... и т. д.». В надписи перечислены также многочисленные сады, мельницы, маслобойни, лавки и прочее недвижимое имущество, которое также было приобретено за деньги. Жертвователю добавляет в конце надписи, что «...это то, что было куплено, а многое еще было из заложенного [имущества], кое я не вписал в надпись,—[все] дал монастырю, и, если владельцы выкупят заклад у монастыря золотом, об этом я написал в другой моей непреложной грамоте»⁵. Это означает, что более подробная история этого пожертвования была изложена в специальном акте, составленном по этому поводу, который в свое время назывался «андарцагир», т. е. документ об отчуждении, согласно которому отчужденные объекты становились вечной собственностью получателя и не подлежали возврату и повторному отчуждению; как известно, по шариатскому термину подобные документы назывались «вакфнаме».

Из этой пространной надписи Тиграна Оненца совершенно ясно, что «айренник» в начале XIII века был той собственностью, которая давалась не за дворцовую или военную службу, а являлась купленной, наследственной собственностью и была подвержена всякого рода

⁴ См. «Վիճակի տարեգիր», стр. 37, 56—57.

⁵ Там же, стр. 58—59.

отчуждению. С другой стороны, сопоставление этой надписи с купчими и вакфнаме XV—XVII вв. приводит нас к заключению, что между ними нет коренных различий; напротив, по существу они походят друг на друга. Так, почти по такой же форме, что в XIII веке, в 1428—1432 гг. передавались в вакф Эчмиадзинскому монастырю прежде отдельные данги села Вагаршапат (Учкилиса), которые были куплены от разных владельцев, а затем и 7 крупных сел полностью, в том числе и само село Вагаршапат⁶. Затем по вакфнаме от 1450 года, написанном вардапетом Шмавоном Ангехакотци, были куплены от разных хозяев и переданы в вакф Татевскому монастырю следующие мулки:

- 1) Сварапц, 6 дангов, (куплены у амира Рустама),
- 2) Ташу, 3 данга, »
- 3) Аганц, 6 дангов, »
- 4) Танцатап, 6 дангов, »
- 5) Коцмакот, 6 дангов, (куплены у Газанфара, сына Джана, который в свою очередь купил у амира Смбата).
- 6) Сад, называемый Джермадзор, расположенный напротив села Урут (куплен у некоего Пир-кули)⁷.

О подобном пожертвовании, сделанном в XVI веке, говорит следующая надпись от 1546 года в Гандзасаре. «В году 1546... я, католикос Саркис, сын Хатита Мелика, внук великого Сайтуна, купил 6 стakov айреника Каср, 4 с половиной стака Минактуна, 8 стakov Аратуна, 4 стака Куралана, принес святые обеты Гандзасару»⁸. А в XVII веке (1659 г.) ереванский ходжа Акоп отдал в вакф Эчмиадзину:

- 1) 6 дангов села Норагех,
- 2) 4 с половиной данга села Егвард,
- 3) один сад в Ереване,
- 4) один сад в Дзорагюхе,
- 5) одну мельницу в Дзорагюхе⁹.

Хотя эти вакфы не могут сравниться по своему размеру с богатым и многочисленным недвижимым иму-

ществом, подаренным Тиграном Оненцем, однако с точки зрения характера землевладения и земельного права, они по существу не отличаются друг от друга. Их сопоставление дает право утверждать, что как в XV—XVI, так и в X—XIV вв. в Армении существовала форма феодальной собственности, стоявшей вне служебного земельного землевладения, передававшаяся по наследству и отчуждаемая вплоть до продажи.

В одной из своих работ И. П. Петрушевский отмечал, что завершение в основном к XV веку процесса исчезновения старинной местной армянской феодальной знати, место которой заняли завоеватели—мусульманская (туркменская и курдская) военно-кочевая знать, привело к насаждению в Армении «мусульманских» форм феодальных отношений, тех, какие существовали в монгольском государстве Хулагуидов и в государствах, занявших место монголов,—в Джелаиридской державе, в государствах Кара-Койюнджу и Ак-Койюнджу. Именно к этому времени относит И. П. Петрушевский утверждение в Армении шариатского мулкового права¹⁰.

Следует заметить, что оформление шариатских нотариальных актов может быть зафиксировано и до XV века, когда в шариатском суде была составлена известная купчая (на которую ссылается И. П. Петрушевский) о покупке Григорием Маквеци семи деревень. Шариатские акты в Армении датируются с XIV века¹¹ (и даже ранее). Наряду с ними вплоть до XIX века имелись купчие и прочие акты относительно различного рода отчуждений, составленные на армянском языке¹².

Что же касается положения о насаждении в Армении с XV века «мусульманских» форм феодальных отношений, то, как нам представляется, правильней было бы говорить об отнесении арабо-персидской земельно-налоговой терминологии и целого ряда правовых установлений шариата¹³ ко многим экономическим и социаль-

¹⁰ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 228.

¹¹ Купчие, I, док. 1, 2, 3.

¹² См. *Կալիֆաթիկեր, Կալիֆի Հար. Արհեստական, սրահ 1, Երևան 1941.*

¹³ О шариатских правовых нормах см. подробнее главу IV настоящего труда.

⁶ Купчие, I, док. 4, 5.

⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 7.

⁸ *Վրիժախան տիրիֆր»,* стр. 177.

⁹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 26, док. 108; ср.

ным институтам, которые существовали и самостоятельно развивались в армянском обществе, являясь надстроечным, правовым выражением аграрных отношений. Это относится, в частности, и к такому институту, как мулк, известному в Армении по крайней мере с VII—VIII вв., хотя для определения его использовался совершенно другой термин, а именно чисто армянский термин «айреник» (*Այրենիկ*—буквально «отчизна», «вотчина»). Правда, существует определенное различие в буквальном значении терминов айреник и мулк, поскольку первый термин подчеркивает происхождение института частной феодальной собственности от родового, вотчинного землевладения, в то время как второй термин исходил из возможного многообразия источников возникновения этого института. Так или иначе, несмотря на терминологические различия, институт мулка соответствовал институту айреник.

Следует заметить, однако, что расселение в Армении кланов некоторых кочевых племен, захват земель военно-кочевой знатю не могло не внести целого ряда изменений в аграрные отношения в Армении. Но и в этих исторических условиях большинство феодальных институтов в XV—XVII вв. не было чем-то новым и привнесенным, а обнаруживало черты преемственности с более ранними феодальными институтами Армении, которые эволюционировали под влиянием различных политических и социально-экономических факторов.

Утвердившаяся в XIV—XV вв. в Армении и Азербайджане военно-феодальная знать кочевых и полукочевых племен превратилась в крупных феодальных землевладельцев. Многие из них владели несколькими десятками сел и целыми округами. Несомненно, большая часть этих земель была приобретена путем насильственных захватов, но было немало и таких случаев, когда представители высшей военной знати—амиры и другие стали покупать за наличные деньги деревни и обширные обрабатываемые участки земли.

В XV веке большое количество сел провинций Арагацотн, Котайк, Ниг, Варажнуник, Чакатк. Мясяцоти Араратской страны в качестве мулка принадлежали Са'длу, Алпавут, Койлахисарлу, Айрумлу и прочим ами-

рам и высшим государственным чиновникам. Так, из старейшей эчмиадзинской купчей от 1430 года выясняется, что наряду с другими селами Вагаршапат (Учкилиса) также принадлежал Пир-Хусейну, сыну Амир Са'да, а затем был разделен между его наследниками. Один данг этого села Григор Маквечи купил у уполномоченного (вероятно, супруга) дочери Пир-Хусейна Мулук-Хатуи—Шейх-Мухаммад ибн-Деххода, а два данга—у Сару-Мелика, сына Алихан-бека, уполномоченного наследниками Амир Са'да. Из купчей Хенаванка от 1574 года выясняется, что это село с XV века принадлежало Са'длу¹⁴.

Начиная с XV века владели селами в Арагацотне также алпавутцы, которые в XVI веке занимались куплей-продажей отдельных сел (Сагмосаванк, Кешишкянд, Дибак, Манканок и др.)¹⁵. Крупными земельными собственниками в XV—XVI веках были также Койлахисарлу, из которых упоминаются имена: Мухаммада-ага, Пирвали-ага, Ахмада-ага и др.¹⁶.

Однако было немало земельных собственников из торговцев или ходжа, имена которых часто упоминаются в купчих XV—XVI вв. В перечисленных выше купчих упомянуты имена как армянских, так и мусульманских ходжа—ходжа Сейеди-Али, ходжа Кемал-Эд-Дин-Гусейн, ходжа Хейдар-Али, ходжа Фатхибек, ходжа Фарах-эд-Дин (армянин) и др. В купчих XVI века в качестве покупателей выступают бывшие кядхуда, разбогатевшие сельские старшины, которые начинают приобретать мулки на накопленные ими средства. Так, например, кядхуда Мирзаджан, сын кядхуда Карапета, в 1574 году купил у Шахмансур-ага, Шахриар-ага и Шахкубад-ага 6 дангов села Ованнаванк¹⁷. В 1575 году кядхуда Ованнес, сын кядхуда Киджмира из Агулиса, купил у Нубарашаха, сына Джанымшаха, поля села Бердак, находившегося в области Азад-Джиран Туман-е Нахчевана¹⁸.

¹⁴ Купчие, I, док. 4.

¹⁵ Там же, док. 21.

¹⁶ Там же, док. 2, 23, 25, 27.

¹⁷ Там же, док. 2.

¹⁸ Там же док. 22.

Некоторые исторические первоисточники, в особенности армянские и персидские архивные документы, свидетельствуют о том, что значительная часть мелких и крупных светских землевладельцев Восточной Армении в XVI—XVIII вв. были наследниками армянских феодальных собственников, принявших ранее мусульманство, или богатые ходжа.

Наиболее легким путем создания более обеспеченного экономического положения и сохранения наследственного недвижимого имущества было в XVI—XVII вв. принятие ислама. Подушная подать, взимаемая с армянских райатов, и начислявшиеся в течение лет проценты («тафапут», «фар'») составляли довольно крупную сумму и занимали значительное место в государственных финансах. Зачастую подушная подать, взимаемая с отдельных сел, превышала половину общей суммы всех налогов, взимаемых с данного села.

На первый взгляд может показаться, что тяжелая подушная подать сама должна стать причиной добровольного изменения веры большим числом армян, в особенности неимущими; однако надо отметить, что армянские трудящиеся ценой больших материальных лишений повсюду оказывали упорное сопротивление политике насильственной исламизации. Известно, что в XVII веке под угрозой резни среди армян имели место случаи массового принятия мусульманства. Они были высланы в глубь Ирана, в частности в провинции Фарс и Мазандаран, в то же время основная часть армянского населения—как на своей родине, так и в Исфагане и Новой Джуге, выплачивая джизью, решительно боролась против всех попыток ассимиляции.

Ясно, что в таких условиях, когда армяне, согласно существовавшим шариатским законам, ценой разорения под бременем тяжелого налогообложения продолжали исповедовать свою веру, насильственная ассимиляция трудящихся армян не могла быть легко осуществлена. Оставляя в стороне тот факт, что ассимиляция армянского населения объективно не отвечала интересам правящих кругов Сефевидского государства, ибо в этом

случае государство лишалось весьма солидного источника дохода, отметим, что вследствие того, что законодательные функции государства находились в руках высшего мусульманского духовенства, последнему удавалось изданием фетв осуществлять ряд законодательных актов против иноверцев и тем самым принуждать представителей определенных слоев армянского населения к принятию ислама.

Среди шиитов давно бытовал так называемый закон имама Джа'фара, согласно которому ставшие мусульманами родственники райатов (подданных) из иноверцев (зимми) имели право наследовать все достояние своих родственников-христиан и полностью лишить возможности участия в разделе наследства христианских родителей.

В многочисленных купчих XVI—XVIII вв. упоминаются имен отчуждавшей или покупавшей сторон зачастую предшествует термин «новообращенный мусульманин» («джадид-ул-ислам»), который свидетельствует о том, что данная личность в недавнем прошлом приняла ислам¹⁹. Это особенно ясно видно по тем документам, в которых принявшая мусульманство сторона выступает с наследственной тяжбой против тех своих родственников, которые все еще сохраняли христианскую веру. Сохранились многочисленные жалобы по этому поводу и данные о судебных тяжбах. Изучение их показывает, что, за частичными исключениями, в вопросах наследования предпочтение всегда отдавалось той стороне, которая приняла мусульманство. Характерно, что в данных центральным Диван-ал-садаратом фетвах, которые все без исключения утверждены шахскими ферманами, вопрос этого предпочтения не ставится столь остро; тем более, что большая часть сохранившихся документов относится к спорам, возникшим между непосредственными наследниками. Между тем в фетвах шариатских присутствий Еревана, Нахичевана и других мест, в которых рассматриваются споры между непосредственными наследниками, предпочтение, отдаваемое наследникам-мусульманам, особо подчеркивается.

С этой точки зрения весьма примечательна фетва,

¹⁹ Купчие, I док. 24.

изданная, вероятно, Шар'ом Еревана в 20-х годах XVII века, в которой Шар' дает определенные ответы на четыре вопроса. Ознакомимся с этими вопросами и ответами на них.

Первый вопрос: «Что приказывают мудрые улемы (богословы) и мудрецы догмы Шиа,—пусть их слово вечно живет в мире,— по поводу следующего вопроса.

Если некий новообращенный мусульманин (джадид-ул-ислам) по имени Мехдикули умрет и у него будет один сын по имени Шахназар также мусульманин, а также двое внуков—Мариам и Фатма, от сына мусульманина по имени Закария, в этом случае основываясь на том принципе, что «близкие являются помехой дальним», будет ли все наследство, оставленное упомянутым Мехдикули, после всех необходимых удержаний полностью принадлежать упомянутому Шахназару, или нет. Выясните».

Шейх-ул-ислам отвечает: «Да, принадлежит Шахназару» и скрепляет печатью.

Второй вопрос: «Пусть мудрые люди,—слово которых да живет вечно в кругу честных людей,—точно также скажут свое слово относительно следующего вопроса.

Если некий зимми по имени Баба умрет и у него будут два племянника (сыновья брата) мусульманина и один брат неверный и племянники (сыновья этого брата),—лишаются ли в этом случае неверные наследства зимми или нет? Выясните».

Шейх-ул-ислам отвечает: «Да, если есть наследник-мусульманин, неверный лишается наследства», следует печать.

Третий вопрос: «Точно так же пусть скажут свое слово относительно следующего вопроса:

Если до раздела наследства упомянутого зимми между его племянниками-мусульманами, вышеупомянутый брат зимми, который до того был зимми, станет мусульманином, и поскольку как наследник он ближе, чем дети другого брата, лишатся ли в этом случае сыновья брата наследства, и принадлежит ли наследство целиком одному брату или нет? Выясните».

Шейх-ул-ислам отвечает: «Да, будет так, и наследство принадлежит наиболее близкому наследнику» (печать).

Четвертый вопрос: «Точно так же пусть скажут свое слово относительно следующего вопроса.

Если бы упомянутый брат, который является единственным наследником своего брата зимми, умрет и у него будет один сын, вышеупомянутый Шахназар, и упомянутые внуки, и в этом случае, когда Шахназар, который стал таким образом единственным наследником и имел право забрать все имущество, вышеупомянутый сын зимми также станет мусульманином и тем самым окажется единственным наследником, в этом случае, будучи старшим братом, но позднее обратившимся в мусульманство, может ли он отнять право наследования у брата, раньше [его] обращенного в мусульманство, или нет? Выясните»²⁰.

Шейх-ул-ислам дает на этот вопрос отрицательный ответ.

Таким образом, получается следующая картина. Умер некий армянин по имени Баба. При отсутствии прямых потомков, его имущество должны унаследовать братья. Баба имел двух братьев, один из которых принял ислам и умер, оставив двух сыновей, а другой брат, который также имеет двух сыновей, продолжал оставаться христианином. Но так как в этом случае, согласно фетве Шар'а, наследство оставалось сыновьям брата-мусульманина, а не брату-зимми, то последний поспешил принять мусульманство, после чего, как более близкий наследник, приобрел право унаследовать достояние брата.

Таким образом выясняется, что наследники-зимми, как бы ни были они близки, лишались наследства, если имелись наследники-мусульмане. А эти последние, в какой бы далекой родственной связи ни находились, тем не менее приобретали право наследования.

Далее мы видим, что новообращенный брат, который стал называться Мехдикули, до принятия мусульманства уже имел двух сыновей—Шахназара и Закария, из которых старший—Закария—остался зимми, а Шахназар также принял мусульманство. В силу этого, согласно фетве, достояние отца Мехдикули (который наследовал в свою очередь имущество своего брата Бабы) после его смерти полностью переходило к младшему

²⁰ Указы, II, док. 16.

сыну Шахназару, а старший сын, будучи зимми, лишился права наследования и, даже приняв впоследствии мусульманство, не мог восстановить свои наследственные права.

Как видим, принятие мусульманства давало возможность дальним наследникам отнять у более близких наследников все права и полностью лишить их наследства. В фетве Шар'а совершенно ясно сказано, что «если имеется наследник-мусульманин, неверные лишаются наследства».

Одновременно Шар' предоставлял возможность наследникам-зимми, незаметительно приняв мусульманство, восстановить свои права. Однако это должно было совершиться до того, как все наследство разделено между наследниками-мусульманами. В противном случае, как сказано в фетве, право наследования принадлежит тому, кто раньше принял мусульманство.

Совершенно понятно, что случаи принятия мусульманства из-за наследства были более распространены среди имущего городского сословия. Это ясно видно по большей части купчих, которые в основном относятся к торговцам-ходжа, ремесленникам и т. д. Наследство, оставленное покойным, действительно должно было быть солидным, чтобы побудило одного из его наследников изменить веру и таким путем лишить остальных наследников прав на него. Так, например, имеется определенное свидетельство о том, что потомки богатого ереванского ходжи Акоп-джана, сына Сета, в конце XVII века уже приняли мусульманство²¹. Среди «джадид-ул-исламов» имелись и бывшие армянские священнослужители.

* * *

В старейшей ошаканской купчей, написанной на арабском языке 13 октября 1489 года, согласно которой управляющий бейт-ул-мала Кямал-эд-Дин Абдин-бек продал шесть дангов села Ошакан ходже Са'ди-Ваккасу, читаем:

«...Эта шариатская грамота—оглашенный акт и религиозный документ, слова и значение которого обосо-

ваны, речь и предложения тверды, содержит упоминание того факта, что по принятому порядку регистрирования, утверждения, уточнения, проверки и выявления в верховном подчиняющем суде мусульман Чухур-Са'дского вилайета зарегистрировано и установлено, уточнено и выяснено и стало известным, что все село Ошакан, которое находится в нахии Карби подчиненного стране Азербайджан вышеупомянутого вилайета, из областей Грузии, и который разграничивается нижеследующими местностями,—на первой, восточной, границе находится Караклиса, вторая граница, на западе—та Большая дорога, которая ведет до Карби, третья, северная граница—река, называемая Шахвер, которая течет до скита, и четвертая, южная, граница [доходит] до земель Аштарак,—со всеми своими подлежащими и прилежащими, приращенными и прилегающими [местностями], орошаемыми и неорошаемыми, возделанными и невозделанными землями, камнями и деревьями, реками и родниками, мельницами, полями, холмами и горами, долинами, разрушенной крепостью, низинами, пещерами и ровными местами и со всеми своими внутренними и внешними правами, за исключением мечетей, кладбищ и дорог, находится под правомочием бейт-ул-мала, являясь одним из его богатств, имений, деревень и поместий.

Управляющий (амил) бейт-ул-мала, достохвальный, лучший из амиров Персии амир Камал-эд-Дин Абдин-бек, сын великого и уважаемого господина, покойного ходжи Новруза, сына великого садра ходжи Хейдара—бог да прибавит его славу и помилует его предков,—продал великому господину, источнику доброты и щедрости ходже Са'ди-Ваккасу, сыну покойного ходжи Сей-йеди-Али, сына покойного ходжи Камал-эд-Дин Хусейна, описанное выше село со всеми границами, правами и со всем принадлежавшим ему, и последний купил у него при наличии у сторон всех необходимых для шариатской продажи, а также исламских оглашаемых сделок условий, как-то: разрушение и сознательность, зрелость и свобода, желание и воля. А затем с удовлетворением состоялось соглашение о том, чтобы продажа была произведена за сумму в восемь тысяч чеканных и выбитых в Тавризе, находящихся в обращении белых серебряных

²¹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 82.

звонких динаров,—для ясности половина суммы составляет четыре тысячи звонких [динаров]»²².

Из этого отрывка купчей совершенно ясно видно, что собственнические права владельца села или малика распространялись на всю территорию внутри границ данного села, за исключением мечетей, кладбищ и дорог, т. е. таких пространств, которые не могли обрабатываться. В более ранней купчей села Вагаршапат (1430 г.) и купчей села Дарашамб от 1506 года собственностью владельца мулка признаются также «участки для детских игр и собраний стариков»²³.

Нет сомнения, что традиция упоминать в купчих XV века все находящиеся в пределах данной деревни земли чрезвычайно давняя и восходит ко времени существования крепкой общинной собственности. В купчих более позднего периода, хотя и редко, но все же встречаются описания различных земель, входящих в пределы села, однако в большей части купчих кратко, а иногда и подробно описываются лишь четыре границы села. Примечательно, что во многих старых купчих, как, например, в купчей от 1400 (?) года на принадлежащие Татевскому монастырю села Хот, Шинуайр и Халидзор, описываются не четыре границы села, а подробно, без указания сторон отмечаются все те пункты, через которые проходил рубеж полей этих сел или «кёфшан»²⁴.

Во многих купчих XVII века зачастую совершенно не указаны границы села. Так, например, в купчей села Норк от 1618 года, согласно которой Надр Гуна-бек, сын Амир Гуна-хапа, покупает у тавридца Алидоста Зараби три данга этого села, говорится, что «Мирза Надр Гуна-бек, сын бекларбека Чухур-Са'да Амир Гуна-хана, купил половину села Норк, что составляет три данга и не нуждается в указании границ, поскольку оно известно в этой стране»²⁵. То же самое сказано в купчей о многих селах, в том числе в купчей села Ошакан (XVII в.)²⁶.

Выше мы говорили о том, что в армянских источни-

²² Купчие, 1, док. 9.

²³ Там же, док. 4, 13. *ملاعب الصبيان ومجالس الشيوخ وشوابان*

²⁴ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 1.

²⁵ Там же, пап. 1а, док. 38.

²⁶ Там же, док. 65а, 65б, пап. 1б, док. 160, 178.

ках мулком называлась также та часть земельной ренты, которую райаты-земледельцы были обязаны выплачивать малику или собственнику деревни²⁷. Арабский термин «мулк» (ملك), означающий «владение», «собственность», в источниках и официальных документах употребляется не только в смысле крупного землевладения. Мулками отдельных или нескольких лиц считались также сады, каналы, мельницы, маслобойни и те земельные участки, которые находились в распоряжении райатов-земледельцев—членов общины и право использования которых подлежало отчуждению. Дело в том, что обозначение «мулком» выплачиваемой владельцу села ренты было в хождении только в Ереванском и Нахчеванском ханствах, между тем как в официальных документах термин «мулк» не употребляется в подобном значении; как мы увидим ниже, выплачиваемая помещику рента в персидских документах называлась «бахре-йе маликане» или «бахраче-йе маликане», следовательно, очевидно, что вышеуказанный смысл термина «мулк» имеет местное происхождение и достоин специального внимания.

Факт упоминания в купчих границ подлежащих отчуждению сел позволяет сказать, что продавалась земля или, вернее, право собственности на землю, чем и обусловливалось право взимания ренты с тех, кто использовал эту землю. Однако следует отметить, что владелец села или малик, как собственник определенной территории, утвержденной соответствующей купчей, имел право взимать причитающуюся ему часть совокупной земельной ренты с тех, кто обрабатывал эту землю. Следовательно, упоминание в источниках о владении 6,3 и т. д. дангами (частями) мулка означало право на присвоение соответствующих частей феодальной ренты с данной деревни. В конечном счете именно в этом заключалось экономическое содержание мулкового землевладения.

²⁷ В списке доходов, получавшихся с принадлежавших Татевскому монастырю сел, изданном проф. А. Абрамяном, взимавшаяся помещиком земельная рента называется также «хулавар». См. *ճամբանի գրքի մասին Ստեփաննոսի Օրբելյանի, Երևան, 1942, (Տարեգրք), էջ 43, 44.*

Действительно, если иметь в виду тот факт, что села иногда отдельными дангами (или более мелким частям) принадлежали разным владельцам, то увидим, что на мелкие части делилась не сама возделываемая земля, а получаемые с этой земли доходы феодальных собственников, что было обусловлено правом данного малика на ту или иную часть земли в пределах данной деревни. Для того чтобы правильно представить себе, как происходило расчленение мулковых сел по отдельным дангам между разными владельцами, ознакомимся с историей села Ошакан.

Из упоминавшейся купчей от 1489 года, составленной в Ереване²⁸, узнаем, что в этом году село за 8.000 динаров было продано ходже Са'ди-Ваккасу. Нет определенных данных относительно того, сколько времени это село находилось в руках Са'ди-Ваккаса: до нас не дошли купчие относительно Ошакана от XVI века. Однако из многочисленных купчих XVII века выясняется, что мулк этого села после смерти упомянутого Са'ди-Ваккаса был разделен между его наследниками, и когда в 40-х годах XVII века католикос Пиллпос начал скупать отдельные части мулка этого села, число маликов села достигало 18, многие из которых, по всей вероятности, были из рода того же Са'ди-Ваккаса. И вот село Ошакан, которое в конце XV века полностью принадлежало Са'ди-Ваккасу, в 40-х годах XVII века принадлежало следующим лицам:

1) Султан-бек Са'длу (сын Алихан-бека)	1 данг
2) Шах-Зейнаб (дочь Султан-бека Са'длу)	$\frac{1}{2}$ данга
3) Степаннос вардапет (купивший у Са'длу)	$\frac{1}{2}$ »
4) Маджун-бек (сын Тахмаспули-бека Са'длу)	$\frac{1}{2}$ »
5) Сафикули	» » $\frac{1}{2}$ »
6) Бегум-хатун (дочь Ниазули-бека Са'длу)	$\frac{1}{3}$ »
7) Гурихан	» » $\frac{1}{3}$ »
8) Сарпинар	» » $\frac{1}{3}$ »
9) Мевлакули (сын Султан-бека Са'длу)	$\frac{1}{4}$ »
10) Исмаилкули	» » $\frac{1}{4}$ »
11) Ханданкули (сын Хусейн-бека Са'длу)	$\frac{1}{4}$ »
12) Кялб-Али	» » $\frac{1}{4}$ »

²⁸ Купчие, 1. док. 9.

13) Жена Баба-бека Са'длу	$\frac{1}{6}$ данга
14) Сын	» » (несовершеннолетний) $\frac{1}{6}$ »
15) " "	» » » $\frac{1}{6}$ »
16) Дочь	» » » $\frac{1}{6}$ »
17) " "	» » » $\frac{1}{6}$ »
18) " "	» » » $\frac{1}{6}$ »

Всего 6 дангов.

Как видим, каждое из шести дангов села могло делиться на более мелкие части.

Если умерший собственник имел несколько сел, то в этом случае каждое село в отдельности делилось между его наследниками и каждый наследник имел почти во всех селах свою долю. Из шариатского акта, составленного в 1621 году, выясняется, что ереванец Кайитмиш бек Са'длу за несколько лет до своей смерти завещал своим сыновьям Али-беку и Карахан-беку мулки своих следующих пяти сел:

1) Учкилиса	2 данга
2) Карпи	6 »
3) Кялар	3 »
4) Хзнавуз	1 »
5) Манташкясан	6 »

Всего 18 дангов²⁹.

Однако Карахан-бек умер раньше своего отца и оставил одного сына—Мухаммад-бека, и двух дочерей—Гурихан и Зейнаб-Султан. Последние обратились к Шар'у, требуя определить количество причитавшегося им наследства. В акте³⁰, составленном по этому поводу, прежде всего отмечается, что, согласно завещанию, вышеупомянутые 18 дангов мулка следующим образом распределялись между двумя сыновьями Кайитмиш-бека:

Али-бек		Карахан-бек	
1) Учкилиса	1 данг	1) Учкилиса	1 данг
2) Карпи	3 »	2) Карпи	3 »
3) Манташкясан	3 »	3) Манташкясан	3 »
4) Кялар	2 »	4) Кялар	1 »
		5) Хзнавуз	1 »
Всего 9 дангов		Всего 9 дангов	

²⁹ Матепадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 45.

³⁰ Там же, док. 46.

Далее говорится, что из причитающихся Карахан-беку 9 дангов 4 с половиной данга должны быть даны его сыну Мухаммад-беку, а остальные 4 с половиной данга поровну разделены между дочерьми—Гурихан и Зейнаб-Султан. Шейх-ул-ислам Еревана, исходя из действовавших законов, следующим образом разделил эти 9 дангов мулка:

Мухаммад-бек		Гурихан и Зейнаб-Султан	
1) Учкилиса	$\frac{1}{2}$ данга	1) Учкилиса	$\frac{1}{2}$ данга
2) Карпи	$\frac{1}{2}$ »	2) Карпи	$\frac{1}{2}$ »
3) Манташкясан	2 »	3) Манташкясан	1 »
4) Кялар	$\frac{1}{2}$ »	4) Кялар	$\frac{1}{2}$ »
		5) Хзнавуз	1 »
<hr/>		<hr/>	
Всего 4,5 дангов		Всего 4,5 дангов	

После этого доставшиеся Гурихан и Зейнаб-Султан 4 с половиной данга также были равно разделены между ними:

Гурихан		Зейнаб-Султан	
1) Учкилиса	$\frac{1}{4}$ данга	1) Учкилиса	$\frac{1}{4}$ данга
2) Карпи	1 данг	2) Карпи	$\frac{1}{2}$ »
3) Хзнавуз	1 »	3) Манташкясан	1 »
		4) Хзнавуз	$\frac{1}{2}$ »
<hr/>		<hr/>	
Всего $2\frac{1}{4}$ данга		Всего $2\frac{1}{4}$ данга	

Эта картина дробления мулкового наследства Кайитмиш-бека одновременно позволяет составить определенное представление о том, по какому принципу или в какой пропорции делились мулки между разными наследниками малика. Во-первых, следует отметить, что распределение наследства было обусловлено прежде всего завещанием малика. Как мы видели, Кайитмиш-бек специальным завещанием лишил дочерей и жену (если она была жива) наследства и завещал свои мулки только сыновьям—Али-беку и Карахан-беку. Из мирского приговора, составленного в мае-июне 1622 года, узнаем, что Али-бек, стремившийся, видимо, присвоить причитавшиеся сыну и дочерям его умершего брата 9 дангов мулка, составил мирской приговор и дал его подписать вельможам эла Са'длу для доказательства того, что поскольку его брат умер за восемь лет до отца, то

его единственным наследником мужского пола является он сам—Али-бек.

«Просьба к кази и старейшинам общины са'длу,—говорится в приговоре,—которые сведущи, что Кайитмиш-бек Са'длу, сын Корхмиш-бека Са'длу, завещал следующие свои мулки, находящиеся в Чухур-Са'де:

1) Карпи	6 дангов,
2) Хзнавуз	1 данг,
3) Манташкясан	6 дангов,
4) Кялар	3 данга,
5) Учкилиса	2 данга

своим наследникам мужского пола и что согласно кабале женщины-наследницы не имеют в этих мулках никакой доли, а Кайитмиш-бек имел только двух сыновей по имени Карахан-бек и Али-бек, из коих Карахан умер за восемь лет до смерти отца своего, и остался только Али-бек, а согласно составленному Кайитмиш-беком завещанию все его мулки завещены только наследникам мужского пола,—то пусть они поставят свою подпись на этой бумаге и своим свидетельством содействуют нам, и эта их помощь не будет забыта богом»³¹.

Неизвестно, помогло ли это прошение, подписанное и скрепленное печатями тринадцати вельмож Са'длу Али-беку, так как об этом нет дополнительных сведений. Однако из другого персидского документа от 1678 года, хранящегося в Матенадаране, явствует, что наследникам сына, умершего до смерти отца, согласно шариатским законам, ничего не причиталось. В этом документе наследники Мелкума, сына Шахназара из Агулиса, по фетве Шар'а не имели права требовать доли из оставленного дедом богатства, поскольку их отец умер раньше деда. Но из этого же документа выясняется также, что армяне в вопросах наследования не всегда руководствовались законами шариата, потому что в своем заявлении Высочайшему Шар'у, сыновья Шахназара—Ахназар, Огаиджан и Шахназар писали, что долю своего умершего брата они отдали его сыновьям. Однако последние, получив это наследство, отказались принять участие в погашении долгов своего деда; и тогда заявители попытались ис-

³¹ Там же, док. 45.

пользовать вмешательство Шар'а, чтобы суметь перенести часть долгов на сыновей умершего брата³².

Все это свидетельствует о том, что в вопросе раздела мулков среди наследников важную роль играло оставленное маликом завещание. Своим завещанием владелец мулка мог лишить некоторых своих наследников права наследования и наоборот.

Однако каков был правовой порядок, или как производился раздел мулковой собственности между наследниками малика разного пола, если не существовало заранее написанного завещания?

Из приведенного выше примера о наследниках Карахан-бека Мухаммада, Гурихан и Зейнаб-Султан явствует, что наследники мужского пола получали вдвое большую долю наследства, чем наследники женского пола. Нам уже известно, что по старейшей купчей села Вагаршапат (Учкилиса) от 1428—1430 гг. парон Гевонд, уполномоченный настоятелем Эчмиадзинского монастыря Григором, сыном Смбата, в три приема купил от разных владельцев четыре данга этого села:

- 1) Сару-Мелик ибн-Алихан бек (который уполномочен наследниками Са'ди-бек Са'длу) — 2 данга,
- 2) Шейх-Мухаммад ибн-Деххода (уполномоченный Мулук-Хатун, дочерью Пир-Хусейна Са'длу) — 1 данг,
- 3) Совершеннолетние сыновья Мухаммад-кули ибн-Каландар (уполномоченные матерью, сестрой и четырьмя несовершеннолетними братьями) — 1 данг.

Всего 4 данга.

Из подробного описания продажи этого последнего данга выясняется, что этот один данг мулка был следующим образом разделен между женой и детьми Мухаммадкули ибн-Каландара:

1) Джаханбану, дочь Пир-Али (жена)	13/104
2) Хусейн кули (совершеннолетний сын)	14/104
3) Фараджкули » »	14/104
4) Шахмурад (несовершеннолетний сын)	14/104
5) Назар » »	14/104
6) Шахали » »	14/104
7) Бурджали » »	14/104
8) Гурихан (совершеннолетняя дочь)	7/104

³² Там же, нан. 16, док. 170.

Как видим, доля жены незначительно уступала доле сыновей, а доля дочери составляла половину доли каждого сына³³.

Однако если, с одной стороны, мулки крупных собственников дробились на многочисленные мелкие части и каждый год взимавшаяся с данного села феодальная рента делилась между многочисленными собственниками, то, с другой стороны (как это мы видели по примеру Ошакана), многие из этих частей при определенных условиях вновь могли сосредоточиваться в руках отдельных крупных собственников, обычно богатых торговцев или монастырей. Никакому малику не было выгодно, чтобы в его селе и другие лица имели свою долю в ренте. Поэтому зачастую один из владельцев мулка села часть за частью покупал другие доли и становился владельцем всего села. В 1640-х годах, когда Эчмиадзинскому монастырю удалось приобрести часть села Ошакан, он одновременно упорно продолжал принимать меры для того, чтобы завладеть и другими частями села, и если ему не удавалось сосредоточить одновременно в своих руках все данги села, то монастырь стремился брать в откуп за определенную сумму сроком на один год или несколько лет те данги, которые не составляли его мулка, благодаря чему село целиком, хотя и временно, оказывалось в руках монастыря, до тех пор, пока монастырю удалось все же вытеснить из Ошакана других собственников, которые были в долговой зависимости от него³⁴.

Для приобретения отдельных дангов села Ошакан католикосы Пилипос и Акон Джугаеци, помимо уплаты крупных сумм наличными (за каждый данг более 10 туманов), иногда давали собственникам прекрасные ковры или привезенные из Европы дорогостоящие ткани, которые в купчих назывались «лондринская (т. е. лондонская) цветная ткань»³⁵. Процесс приобретения всех шести дангов села Ошакан Эчмиадзинским монастырем длился, как уже было сказано, около 40 лет (1640—1681 гг.).

Малики, владевшие всем мулком села, обычно были

³³ Купше, I, док. 4.

³⁴ Матенадаран, Диван католикоса, нан. 1а, док. 66, 70, 76.

³⁵ Там же, док. 61б, 61г, 65а.

не наследственными, потомственными владельцами этих мулков, а приобретали его на деньги или захватывали незаконным путем. О захвате мулков и фактах конфискации мы уже рассказывали на предыдущих страницах. Расширению мулкового землевладения способствовали также и те процессы, которые происходили в сойюргальном и тиульном землевладении. Тиулы, проявляя тенденцию к превращению в наследственные владения, нередко делились между многочисленными наследниками ленников или путем продажи переходили в руки разных собственников, ничем не отличаясь, по существу, от других мулковых владений³⁶.

* * *

Основными правовыми документами мулковых сел являлись шариатские кабале о продаже и купле (قبالة). В этих кабале, как мы видели, упоминались имена продавца и покупателя, описывался продававшийся объект и указывалась его цена. Акт продажи и купли происходил в присутствии членов Шар'а и лично шейх-ул-ислама, которые ставили свои подписи на полях кабале. Продающая сторона прежде всего предъявляла свои документы, подтверждавшие, что продававшийся объект действительно является ее собственностью, и когда Шар' убеждался в этом, то отмечал это в начальной части купчей или кабале. Эта часть кабале бывала иногда весьма пространной; здесь указывалось, получила ли продающая сторона продававшийся объект в качестве наследства или приобрела его от кого-либо другого. В заключительной части кабале обязательно говорилось, что продавец и покупатель устно в присутствии Шар'а повторили составленный о настоящей торговой сделке акт (сига) и что сумма полностью получена продавцом, следовательно, отныне указанный объект является нераздельной собственностью (мал) покупателя и его мулком, которым он может распоряжаться по своему усмотрению. Полные тексты этих кабале записывались в книгах присутствия Шар'а, откуда можно было списать новые копии³⁷.

³⁶ Ann K. S. Lambton, указ. соч. стр. 45.

³⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 616, 656.

Но села-мулки были занесены также в областные и центральные палоговые книги, поскольку государство получало с них многочисленные налоги; поэтому очень часто, когда возникали разногласия относительно мулковой собственности, стороны обращались к главному секретарю государственного налогового управления и просили выдать выписку о том, что данное село является собственностью такого-то лица³⁸.

Изучение кабале, относящихся к купле-продаже и откупу сел, позволяет также установить, как оценивались отдельные села в зависимости от площади и урожайности возделываемых в них земель. Не учитывая частных факторов, которые могли играть роль в конкретных случаях, можно считать, что цены на большие земельные участки и целые села обуславливались следующими основными факторами:

1) площадью обрабатываемой земли в границах села, средней урожайностью земли и наличием других доходных объектов в селе (леса, копи, мельницы, маслобойни и т. д.);

2) наличием оросительной системы и количеством воды (независимо от того, кому принадлежали каналы—владельцу села, сельской общине или иному собственнику);

3) числом хозяйств в данной сельской общине; чем гуще было заселено село, тем более было обеспечено освоение обрабатываемых площадей, а следовательно—и получение большей феодальной ренты;

4) близостью села от ближайшего рынка, куда владелец села выносил на продажу продукты, полученные в качестве ренты со своих земель.

В купчих, относящихся к одному и тому же периоду, встречаются чрезвычайно разные цены сел. Так, например, если в мирные 50—70-е годы XVII века полданга села Ошакан стоило 60.000 динаров, а все село, возможно, 720.000 динаров, то село Франканоз стоило 90.000, Батриндж—72.000, а Кешишкянд—20.000 динаров³⁹. Разумеется, указанные села и по своим размерам, и по численности населения, и по урожайности весьма отлича-

³⁸ Там же, док. 48, 56 и др.

³⁹ Там же, док. 66, 70.

лись друг от друга, но, как нетрудно заметить, разница между ценой села Ошакан и ценами всех остальных сел весьма велика. Такую крупную сумму можно было уплатить за недвижимую собственность только в том случае, если покупатель был уверен, что феодальная рента этого села с лихвой возместит потраченную на его приобретение сумму денег.

До нас дошли несколько шариатских актов относительно откупа отдельных дангов села Ошакан (1644—1645 гг.); сравнительное изучение этих актов (иджаренаме) позволяет приблизительно определить, в каком процентном соотношении находилось денежное выражение годичной феодальной ренты с этого села с продажной ценой на село.

Так, из одного иджаренаме узнаем, что в февралемарте 1644 года католикос Пилипос, который в то время взял в откуп 3 данга мулка села Ошакан, сроком на один год дал в долг Маджнун-беку и Сафикули-беку Са'длу 60.000 динаров и в качестве «залога» взял один данг мулка села Ошакан. Одновременно католикос Пилипос согласился выплатить Маджнун-беку и Сафикули-беку 1200 динаров из той суммы дохода, который будет получен им в течение года с этого одного данга мулка. В ноябре-декабре того же года он уплатил 40.000 динаров Муртузакули-беку и Исмаилкули-беку и получил полданга мулка села Ошакан, обязавшись выплатить 300 динаров в качестве дохода за один год⁴⁰. Таким образом, один данг мулка одного и того же села в одном случае закладывается за 60.000 динаров с выплатой 1200 динаров за год откупа, а в другом случае—за 80.000 динаров с выплатой 600 динаров за год откупа. Если иметь в виду, что во втором случае сумма откупа уменьшилась на 600 динаров, а отданная в долг сумма увеличилась на 20.000 динаров, то надо заключить, что 20.000 динаров должны были принести их владельцу за год не менее 600 динаров прибыли. Отсюда следует заключить, что в нормальных условиях 1000 динаров должны были дать не менее 30 динаров прибыли, т. е. 3 процента. Следовательно, в первом случае с одного данга мулка должна была поступить рента стоимостью не менее 3.000 ди-

⁴⁰ Там же.

наров, из которых 1.200 динаров выплачивались владельцу мулка, а остальные 1.800 обеспечивали получение минимальной прибыли с отданных в долг 70.000 динаров из расчета трех процентов с каждых 100 динаров. Во втором случае сумма откупа снизилась до 600 динаров, потому что отданные в долг 80.000 требовали прибыли не менее 2.400 динаров.

Если ясно, что для кредитных сумм предусматривалась прибыль в 3 процента, то прибыль с сумм, вложенных в куплю земли, не могла не превышать этот процент. Однако из того расчета, что в 50-х годах XVII века один данг мулка села Ошакан в среднем стоил 100.000 динаров (10 туманов)⁴¹, то со всех шести дангов село давало своему владельцу ренту, значительно превышающую 18.000 динаров, поскольку мы знаем, что земельный собственник не мог довольствоваться минимальной прибылью. Он только тогда вкладывал свой капитал в приобретение мулка, если был уверен, что это обещает больший доход, чем если бы он использовал свое денежное богатство в качестве ростовщического капитала. Католикос Пилипосу, в руках которого находились 3 данга мулка этого же села, было прекрасно известно, сколько дохода обещает ему каждый данг этого села, поэтому он был уверен, что полученная рента должна значительно превышать ростовщический процент с суммы, истраченной на приобретение деревни. Это ясно видно и по тому факту, что в июне-июле 1645 года католикос Пилипос пожелал возобновить свой договор об откупе с Маджнун-беком; при этом на этот раз он согласился уплатить в качестве откупа не 60.000, а 64.000 динаров,— лишь бы и на следующий год право взимания дохода с этого одного данга мулка сохранилось за ним⁴².

Таким образом, будет правильным сказать, что это процентное соотношение (3 процента из 100) денежного эквивалента получаемой от мулков сел ренты с общей ценой села обязательно стихийно совпадало со средней прибылью ссудного капитала в то время. С этой точки зрения нет сомнения в том, что цены на мулковые села,

⁴¹ См. Купчие Ошакана этих же лет: Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 61а, 61б, 61г, 62, 63, 64, 65а, 65б.

⁴² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 76.

в первую очередь, были обусловлены количеством получаемой с села ренты.

В некоторых документах, а также исторических первоисточниках имеются упоминания о том, что $\frac{1}{5}$ общего урожая села отдавалась государству, $\frac{1}{10}$ — помещику или владельцу мулка⁴³. Однако в документах встречаются и такие свидетельства, которые позволяют сказать, что размер ренты, достававшейся собственнику, различался не только в отдельных провинциях и областях, но иногда и в расположенных неподалеку друг от друга селах одной и той же области.

Хотя роль внеэкономического принуждения в условиях феодализма неоспорима, однако эти различия в феодальной ренте обусловлены в основном разной урожайностью земли, наличием искусственного орошения. Известно, что поливные земли дают более высоких урожаев, чем земли в горных местностях, которые лишены возможностей ирригации, орошаются атмосферными осадками; на этих землях возделываются качественная пшеница, ячмень и просо. Естественно, цена на эти земли была значительно ниже, поэтому соответственно должна была уменьшаться рента, получаемая с этих земель.

Господствовавшей формой ренты в XVII веке в Восточной Армении была натуральная рента, в меньшей степени была распространена денежная рента; а масштабы отработочной ренты были ничтожны. Как мы увидим, выплачивавшиеся государству как основные, так и дополнительные налоги были столь многочисленны, что в сумме в несколько раз превосходили повинности в отношении частного собственника земли; эти налоги взимались при непосредственном участии государственных чиновников, военных отрядов и карательных органов. Совокупная феодальная рента, включавшая как государственный налог с земли, так и феодальную ренту — в пользу частного феодального собственника или рента-налог (в случае, если земля была государственной) — охватывала по существу весь прибавочный продукт, и много превышала необходимый продукт.

Наряду с ростом численности населения настоятельно росла также нужда в расширении обрабатываемых

⁴³ Там же, пап. Гг. док. 290, 293, 299, *Ջաիր*, стр. 99, 100, 159.

площадей. В границах того же села осваивались новые земли, возделывались сады и огороды, благодаря расширению оросительной сети повышалась урожайность земли, вследствие чего возрастали доходы собственников; и поскольку от этих доходов находилась в прямой зависимости стоимость села, постольку вместе с доходностью деревень постепенно дорожали продажные цены на них. Таким образом, рост обрабатываемых земельных площадей и урожайности земли происходил главным образом благодаря усилиям райатов-земледельцев — каждого в отдельности и всей общины. Однако объективно это приводило к росту ренты, что в свою очередь отражалось на ценах селений. Если один данг села Ошакан в 40-х годах XVII века стоил 100.000 динаров, то в 80-х годах эта цена достигла 200.000 динаров⁴⁴, т. е. за 40 лет цена мулка возросла вдвое.

Выше мы говорили о том, что та доля, которую составляла в валовом урожае феодальная рента, была различной в разных селах. Об этом имеются определенные свидетельства в персидских и турецких документах XVII века и 20-х годов XVIII века. Из обстоятельной жалобы настоятеля Татевского монастыря вардапета Ованнеса, представленной везиру Азербайджана после того, как община принадлежавшего монастырю села несколько лет отказывалась выплачивать ренту, выясняется, что община села Татев была обязана выплачивать за некоторые земли $\frac{1}{10}$ урожая, за другие — $\frac{2}{10}$, а иногда — $\frac{3}{10}$ или более. Крестьяне неоднократно восставали и отказывались платить ренту, и монастырю приходилось обращаться к вмешательству государственных властей, благодаря которым рента насильственным образом взималась; урожай снопами переносился на ток монастыря, однако после удаления чиновников крестьяне нападали на ток и возвращали себе собранные снопы⁴⁵.

В своей жалобе вардапет Ованнес рассказывал о том, что много участков земли, входящей в кёфшан села и в свое время переданной в вакф монастырю, было дано для возделывания райатам села, с тем, чтобы они разбили на них сады и, помимо обычной ренты, давали бы $\frac{2}{10}$

⁴⁴ Там же, пап. 26, док. 110.

⁴⁵ Там же, пап. 16, док. 178.

монастырю; однако райаты от уплаты требуемой ренты отказались. Мы еще будем иметь повод обратиться к этой жалобе, которая содержит чрезвычайно ценные сведения о феодальном хозяйстве Татевского монастыря; в данном же контексте необходимо отметить, что из упомянутого документа совершенно очевидно существование различных ставок земельной ренты в одной и той же деревне.

Из документа явствует также, что между сельскими общинами Татева и других сел и вардапетом Ованнесом составлялись специальные договоры-обязательства: в нескольких местах его подчеркивается необходимость принуждать крестьян уважать свои обещания и «выплачивать бахрече согласно их решению и данному обязательству, исходя из количества урожая»⁴⁶.

Можно предположить, что указанные размеры выплачивавшейся ренты относятся к вилайету Капаната или к селам Татев и другим махала Урут этого же вилайета, а в вилайете Чухур-Са'да вообще было принято взимать ренту в размере $\frac{1}{10}$ урожая, если бы не было других документов, которые свидетельствуют о том, что многие из сел одного и того же вилайета имели различные нормы выплаты ренты.

В уже знакомом нам турецком реестре налогов от 1725 года, в котором перечислены принадлежащие Эчмиадзину мулковые села, а также в послании, направленном ереванским пашой Раджабом наibu нахии Карби Мухаммаду-эфенди, указано, что Эчмиадзинский монастырь получал ренту от нижеследующих сел по следующим ставкам:

1) Учкилиса (нахия Карпи)	$\frac{1}{10}$
2) Ошакан "	$\frac{2}{10}$
3) Мастара "	$\frac{1}{12}$
4) Франканок "	$\frac{1}{25}$
5) Кираджлу (нахия Апарана)	$\frac{1}{10}$ ⁴⁷

Характерно, что в официальных персидских документах, шахских ферманах и шариятских фетвах никогда не отмечалось, какую долю своего урожая райаты должны были действительно выплачивать собственнику, а

⁴⁶ Там же. موافق مقاطعه و سند بقرار هست و بود عمل و .
دیهرچه مهسمازی نمایند

⁴⁷ Там же, пап. 1г, док. 283, 299 и 306а.

предписывалось выплачивать «согласно принятому на месте порядку»⁴⁸ или зачастую прямо говорилось: «Кто на этих землях пашет и сеет, пусть по старому порядку выплачивает ему (малику) принятую бахрече и ши под каким предлогом пусть не уклоняется»⁴⁹. Это означает, что не существовало какой-то универсальной для всех мест ставки ренты.

Не может быть сомнения в том, что каждый собственник стремился получить как можно больше дохода со своего мулка, однако тем не менее имела определенная норма эксплуатации, которую было невозможно превысить, ибо всякое повышение ренты означало обычно сокращение «необходимого продукта» в соответствующей степени, если не сопровождалось значительным ростом продуктивности земледелия, повышавшейся, впрочем, в условиях феодальной экономики чрезвычайно медленно. Иными словами, имелся определенный минимальный размер «необходимого продукта», без которого райат не способен был к воспроизводству. Не следует забывать, что крестьянин выплачивал еще более тяжелые, чем феодальная рента, налоги государству, а также имел определенные повинности в отношении церкви. Следовательно, ему оставалась лишь незначительная часть выращенного им урожая.

С другой стороны, тот факт, что доходы собственников варьировали во времени, позволяет предположить, что сельская община могла играть в определении суммы обложения чрезвычайно важную роль. Чем организованнее и сплоченнее выступала община в защиту интересов всего села, тем легче было принудить собственника умерить свои аппетиты.

До нас дошло значительное количество соглашений от XVII века на армянском и персидском языках, которые были заключены по различным вопросам между сельской общиной и собственником. Некоторые из них относятся к количеству и способам взимания ренты.

10 марта 1722 года община принадлежавшего Эчмиадзину села Ошакан в целях погашения накопившихся громадных государственных налогов обратилась к Эч-

⁴⁸ Указы, I, док. 19.

⁴⁹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 12а.

мнадзину и получила 150 туманов (1500000 динаров), обязавшись взамен выплачивать вместо $\frac{1}{10}$ урожая— $\frac{2}{10}$ ⁵⁰. Таким образом, удвоение феодальной ренты, выплачиваемой крестьянами монастырю, было связано с той задолженностью, которая образовалась у них в результате крайне тяжелого бремени лежавших на них государственных палогов. Еще за 5—6 лет до упомянутого события несколько кядхуда и священников, уполномоченных общиной того же села, заложили 20 садов и 5 мельниц села за 188 туманов и 8.395 динаров калантару Ереванца Хаджи Мухаммад-Хусейну—для того, чтобы суметь выплатить долг везиру Мирзе-Мухаммаду; при этом было поставлено условие, что если в течение 7 месяцев эта сумма не будет погашена, Мухаммад-Хусейн имеет право завладеть этими садами и мельницами и отдать их Мирзе-Мухаммаду. И вот спустя 7 месяцев, вследствие того, что сумма не была выплачена, сады были конфискованы, а 11 мая 1722 года брат Мирза-Мухаммада Аликули-бек и калантар Хаджи Мухаммад-Хусейн продали их за 60 туманов католикосу Аствацатуру⁵¹.

В 1714 году, почти на таких же условиях, 9 садов и 12,5 жернов мельниц села Ошакан за 150 туманов были заложены ходже Мовсесу, сыну ереванского ходжи Панося, и в конце концов в 1718 году были приобретены за 70 туманов Эчмиадзином.

О тяжелом положении ошаканцев свидетельствует и другой документ, согласно которому в тот же день, когда ошаканцы подписали вышеупомянутое соглашение об уплате ренты Эчмиадзину в двойном размере, они были вынуждены продать за 20 туманов Эчмиадзину $\frac{1}{3}$ принадлежавшей общине оросительной канавы⁵².

Католикос Симеон Ереванци, говоря о полученных Эчмиадзином от ошаканцев в залог садов и мельницы, отмечает, что впоследствии они были отданы монастырю ошаканцами за полцены. Это он склонен объяснить тем, что в течение 7—8 лет ошаканцы пользовались заложен-

ным имуществом и весь доход брали себе. Тем самым часть стоимости заложенного имущества оказалась как бы уже выплаченной кредитором залогодателю. Однако это объяснение Симеона Ереванци не представляется убедительным. При продаже какого-либо имения оно оценивалось исходя не из суммы, вложенной владельцем в данное имение, а из текущей цены на подобные имения. Вероятно, в этой сделке какие-то исключительные обстоятельства сыграли свою роль, однако в нашем распоряжении не имеется необходимых данных для их выяснения. По всей вероятности, ошаканцы сумели погасить часть долга, а остальную часть, а может быть и другие долги, выплатил католикос Аствацатур, взамен чего ошаканцы и приняли обязательство выплачивать двойную ренту. Известно, что в 70-х годах XVIII века Эчмиадзин имел в Ошакане всего 7 садов, из коих 5 принадлежали ему еще с 50-х годов XVII века⁵³. Поэтому весьма вероятно, что в процессе указанных сделок эти 20 садов и мельниц были вновь возвращены их прежним владельцам, взамен чего все село было обязано выплачивать двойную ренту; хотя во время владычества турок в 20-е годы XVIII века ошаканцы пытались избавиться от этого ярма, но, как было сказано выше, Эчмиадзин сумел получить указ от Раджаба-паши и вновь обязать ошаканцев выполнять свою повинность. Имеются факты, что в июле-августе 1726 года ошаканцы отказались выплачивать двойную ренту. Эчмиадзин пожаловался Ереванскому Шар'у, после чего ошаканцы в присутствии Шар'а вновь обязались выплачивать $\frac{2}{10}$ урожая⁵⁴. Достоин внимания также тот факт, что в 1725 году отказались выполнять свои обязанности в отношении Эчмиадзинского монастыря и возмугились райаты и других принадлежавших монастырю сел—Учкилиса (Вагаршапат) и Мастара, которые, однако, были принуждены турецкими судебными и административными органами признать собственнические права Эчмиадзина и «выпол-

⁵⁰ Ի. Պողոսյան, Եկեղեցական հողատիրությունը Երևանի թանու-թյունում 17—18-րդ դդ. և Կովկասինը որպես խոշոր կալվածատեր, Երևանի պետ. համալսարանի պեհու. աշխատություններ, 5. 13—րդ, Երևան, 1940, էջ 134, 172:

⁵⁴ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г док. 301, 302.

⁵⁰ Там же, пап. 1г, док. 290; ср. «Ջամրո», стр. 111—112.

⁵¹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г, док. 286; ср. «Ջամրո», стр. 174—175.

⁵² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г, док. 239.

нять свои обязанности в отношении монастыря по издаванному установленному порядку»⁵⁵.

Как бы там ни было, но райаты села Ошакан тех лет и их наследники были обязаны выплачивать владельцу села $\frac{2}{10}$ всего урожая. Выплата двойного мุลка, означая повышение феодальной ренты частному феодальному собственнику (монастырю), приводила к росту совокупной феодальной ренты, т. е. усилению феодального гнета вообще.

В XVI—XVII вв. основной формой ренты, как уже отмечалось, являлась натуральная рента⁵⁶. Обычно было принято взимать ее в соответствии с урожаем данного года, во время жатвы или молотбы. Изъятие ренты с учетом выращенного урожая называлось в документах «*هست و بود*» — «хаст-о-буд» («по имеющемуся»). В этом случае урожай в обязательном порядке измерялся и определенная доля его изымалась. Иногда собственник и сельская община приходили к соглашению о выплате фиксированной ренты — «макта» (*مقاطع*) или «мукатна» (*مقاطعه* — араб. «окончательно отрезанная, определенная»). При этом урожай не измерялся ежегодно, а размер ренты, по договоренности сторон, устанавливался к единовременной уплате в виде определенной суммы или определенного количества продуктов. Размер фиксированной ренты не зависел от хорошего или плохого урожая.

Если урожай был выше среднего — выгадывали крестьяне, если меньше — крестьяне проигрывали. Подобных соглашений было много; об этом имеются определенные упоминания в ряде документов, относящихся к Араратской стране и другим провинциям Восточной Армении⁵⁷. Примерно о подобном взаимном соглашении

⁵⁵ Там же, док. 298. *قدیمدن نه گوئه ویره کلمشلو ایسه اولمنوال اوزره و یروروب...*

⁵⁶ Натуральная рента существовала в Армении с древнейших времен. В ландрарных надписях содержатся факты отчуждения отдельных дангов сел; это явление было несовместимо с отработочной рентой, потому что именно доход села делился на 6 или еще более мелких частей, а село со своей общиной оставалось как целостная производственная единица.

⁵⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г, док. 295, 297, 303; пап. 2а, док. 87, пап. 2б, док. 110 и т. д.

говорит следующий документ, опубликованный А. Абрамяном в сборнике «Купчие»; этот документ относится к селу Ынциаберд, полутора данга которого принадлежали монастырю св. Степанноса Дарашамба. «Трижды блаженному и преемнику Лусаворича, наследнику престола, на который сошел бог, святейшему патриарху армян владыке Акопу от [последних] нижайших и страждущих, ничтожных служителей слуг священников Ынциаберда; мы — старший иерей тер Акоп, тер Петрос и все кядхуда, танутер Айваз, протоиерей Пириджап, — кядхуда Ованнес, — кядхуда Нерсес, Пилиппос и прочие большой и малый народ целуем стопу твою, [святейший] отец.

Мы, слуги твои, до сих пор безропотно несли на себе обязанности за те полтора стака (данга) мулка нашего села, которые ходжа Багер Джугаеци пожертвовал в вахм (вакф) св. Первомученику. Ежели ты изменишь свое повеление так, чтобы мулк больше не мерили, очень хорошо сделаешь. Все наше племя (народ, село), большие и малые берем на себя обязательство и покорны твоему повелению, что ежегодно будем давать непрестанно св. Первомученику за полтора стака мулка деньгами 12000 дианов, вместо вина и фруктов, 30 сомаров пшеницы, 15 сомаров ячменя, 20 литров кокон. Да выйдет дух из нас, ежели отречемся...»⁵⁸.

Есть отдельные данные о некотором развитии в Армении барщинного труда крестьян на монастырских полях. В рукописи № 6271 Матенадарана содержится список принадлежавших Татевскому монастырю сел, который переписан в 1730 году из дафтара XVII века. В этом списке подробно указано также, что каждое из сел Татев, Сваранц, Аганц, Тандзатап, Шинуайр, Хот, Халидзор в отдельности условилось ежегодно давать монастырю некоторое количество пшеницы и прочих продуктов и в течение года несколько дней вспахивать землю монастыря, косить и выполнять иную сельскохозяйственную работу⁵⁹.

Однако барщинная форма ренты не имела в Арме-

⁵⁸ *Կալվածարքեր, կազմեց Նար. Աբրահամյան, Երևան, 1941, էջ 19.*

⁵⁹ «Փամանակագրութիւն Սահմանհոտի Օրրէլեանի», (Նազելված), Երևան, 1942, էջ 44:

нии в XVII веке широкого распространения. Это относится и к денежным платежам крестьян, которые взимались с них, главным образом, в качестве государственных налогов, о чем будет сказано особо.

* * *

В Араратской стране, особенно в ее предгорных местностях, земля без искусственного орошения не давала сколько-нибудь значительного дохода и переставала быть источником богатства. Поэтому здесь вопросы землевладения и землепользования были тесно связаны с вопросами владения и использования воды. Но следует сказать, что водовладение и землевладение не всегда сочетались: нередко каналы, орошавшие землю того же села, где они проходили, находились в руках различных собственников.

По данным документов видно, что право собственности на воду вообще принадлежало тем людям, по инициативе, на средства и усилиями которых был проложен данный канал. Выше мы отмечали, что община села Ошакан 10 марта 1722 года продала Эчмиадзину также $\frac{1}{3}$ собственной оросительной канавы. В шарнатском акте, составленном относительно принадлежности этой канавы сельской общине, яснее ясно говорится, что «право совместного труда, потраченного на упомянутую канаву, принадлежит райатам того же села (Ошакан)»⁶⁰. Это означает, что право собственности на указанный канал райаты села Ошакан приобрели благодаря тому, что соорудили его на собственные средства и совместным трудом.

Точно так же какой-либо канал мог принадлежать частному лицу, крупному или мелкому землевладельцу, если последний вкладывал в сооружение его необходимые материальные средства. Об этом имеются многочисленные свидетельства, из которых отметим лишь два.

В 1650 году, когда католикос Пилипос, обратившись по ряду вопросов к шаху Аббасу II, писал в своем прошении, что ему удалось ценой больших затрат изменить русло ручья, протекавшего по северному склону Арага-

ца, и довести его до впадения в реку Касах, благодаря чему количество воды в реке увеличилось в размере воды на 7 мельниц. Он подчеркивал, что вследствие осуществленных им мер значительно расширились посевные площади окрестных сел и повысилась урожайность. Однако райаты этих сел используют всю воду реки и отказываются признать права монастыря на эти воды. Шах на этом прошении подписывает приказ, согласно которому воду реки следовало разделить на две равные части: одну—Эчмиадзину, а другую—тем селам, которые находятся близ реки и имеют возможность пользоваться ею⁶¹.

Из содержания прошения ясно видно, что райаты указанных сел пользовались водой посредством отведенных ими самими от реки канав, поэтому не соглашались признать собственнические права Эчмиадзина на эти воды. Однако католикосу Пилипосу удалось посредством шахского указа заставить их признать права, которые он приобрел благодаря проведенным на свои средства работам по расширению истоков реки. О том, насколько прочны были эти права, можно судить по тому факту, что и в дальнейшем Эчмиадзин всегда продолжал пользоваться ими, и последующие и персидские, и турецкие правители всегда утверждали их. В 20-х годах XVIII века, когда райаты окрестных сел попытались вновь игнорировать права Эчмиадзина, Раджаб-паша, основываясь на упомянутом указе шаха Аббаса II, своим рескриптом подтвердил то обстоятельство, что вода упомянутой реки разделена на две части: половина принадлежит Эчмиадзину, а остальная часть—близлежащим 20 селам⁶².

О праве сооружения новых канав по личной инициативе и отчуждению их как собственности говорит следующее свидетельство Закария Агулеци: «В старину родник Сиасенца в Агулисе был известен под именем «Три родника». Из них два родника засорились, и вода прекратилась. Вот некто агулисец, по имени Ходженц

⁶¹ Указы, II, док. 39, *Quarta*, стр. 191—192.

⁶² Матенадаран, Диван католикоса, пап. Iг, док. 304. *حقوق مزبورک*

سویدی چمنه معرفتیه کنه تصیف اولوب نصفی کلیسیایه و تصیف
اختری یگریمی پاره قریده و برلوب نزاعلری قطع اولندی

⁶⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пап. Iг, док. 289. *حق السعی*
واعانی نهرمزبور نعلق برعایای قریه مزبور دارد
184

Туман, восстановил один из этих родников, и пошла вода в один палец; здесь он разбил сад. Это было в 1662 году. Сей Туман в 1678 году продал свой сад с родником настоятелю св. Фомы, архимандриту Петросу, за 60 туманов»⁶³.

В Диване католикоса сохранилась обширная купчая, в которой довольно подробно рассказывается о продаже этой же личностью в разные годы в Агулисе нескольких садов, которые орошались водой канавы, проложенной самим Туманом⁶⁴. Из этой купчей мы узнаем, что Туман, сын Меграба Ходженца, имел в 1660-е годы собственную канаву, общее количество воды которой составляло 80 часов. Выясняется, что эти 80 часов воды были распределены между садами его. С каждым участком виноградника продавались 6 часов воды. А с каждым участком плодовых садов продавались 12 часов воды. До 1679 года Ходженц Туман вместе с садами и прочими обрабатываемыми площадями продал 50 часов воды. Это означает, что собственность на сад обязательно сочеталась с правом использования соответствующего количества воды, что в документах называется «хаккабе» (حقابه)⁶⁵—т. е. «право на орошение»).

Сравнение ренты, взимаемой собственниками отдельных сел с поливных земель, садов и огородов этого села, с количеством ренты, взимаемой с неполивных земель, позволяет сделать вывод, что собственность на воду, т. е. на искусственные средства орошения, являлась источником повышения феодальной ренты. Мы уже видели, что в купчих особо отмечалось, что село продано или куплено со всеми своими «землями и водами» и прочими доходными объектами, паходящимися в границах села. Поэтому обычным положением было, видимо, сосредоточение в одних руках прав собственности на землю и воду, хотя феодальный собственник не имел права непосредственного распоряжения не только землей, но и водой.

Из документов видно, что за находившиеся в пре-

⁶³ Գարշաբի Աղուիցի, էջ 140—141.

⁶⁴ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 171, که قناتی خود احداث نمود

⁶⁵ Указы, I, док. 16.

делах данного села орошаемые земли и сады райаты были обязаны платить собственнику двойную ренту. Так, из вышеупомянутой жалобы настоятеля Татевского монастыря вардапета Ованнеса явствует, что райаты принадлежащих монастырю сел (Татев, Халидзор, Хот и т. д.) за обрабатываемые ими неполивные земли выплачивали малику $\frac{1}{10}$ урожая, а за сады (орошаемые искусственно)— $\frac{2}{10}$ ⁶⁶. В одном из ферманов Раджаб-паши также определенно подчеркивается, что принадлежащее Эчмиадзину село Учкиса (Вагаршапат), которое выплачивает помещику $\frac{1}{10}$ урожая пшеницы, выплачивает $\frac{2}{10}$ урожая с садов, а село Мастара, которое выплачивает $\frac{1}{10}$ урожая зерновых, обязано уплачивать также $\frac{2}{10}$ с урожая садов⁶⁷. Этот принцип до сих пор применяется в Иране, где в мулковых селах помещики взимают с райатов двойную ренту за поливные земли.

* * *

В XVI—XVII вв. все еще существовали деревни, не имевшие маликов; право собственности на землю в них принадлежало общине данного села. В этих селах, число которых было ограничено, сельская община являлась в правовом отношении собственником всех земель села; (собственнические права общины определяли также и право собственности каждого члена общины—райата-земледельца—на землю, которая обрабатывалась и использовалась им).

Такими селами были расположенные рядом села Башкянд, Ортакянд и Дибкянд махала Дарашамб в Туман-е Нахчеван, о которых до нас дошли ценные и подробные сведения благодаря тому, что между райатами этих сел и различными феодалами, в том числе религиозными учреждениями, столетиями шла упорная борьба.

Первым большим и весьма интересным документом является купчая от 1506 года, составленная в Нахичеване, по которой Шар' фиксирует, что «из содержания указов

⁶⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 26, док. 110.

⁶⁷ Там же, пап. 16, док. 293, حاصل اولان حبوبتاتك خمس اعشارتيمك، نصفی باغلرديتك حاصل اولان شيرودنيك عشرديني

прежних царей, из отдельных достоверных, истинных и доподлинных документов и обоснованных актов, написанных достойными доверия прежними и нынешними кази, а также после того, как было выяснено и доказано по свидетельствам, данным сановитыми, благомыслящими людьми Туман-е Нахчеванской олки Азербайджанского вилайета», подтверждается, что село Дибкянд Дарашамба по мулкскому праву, как неделимая собственность, принадлежит всем райатам общины этого села⁶⁸.

Эта купчая по своей форме мало отличается от написанных в то же время купчих прочих мулковых сел. Здесь также подробно описаны границы кёфшана села и указано, что все находящиеся в пределах этих границ и прилежащие земли, поля, холмы, горы, канавы, ручьи и родники, пастбища, мельницы и маслобойни, овчарни, места для детских игр и собраний стариков полностью принадлежат райатам села. Как видим, разница здесь состоит в том, что вместо феодального собственника коллективным собственником всего мулка села выступают сами райаты или—что то же самое—сельская община. Со всей очевидностью явствует, что райаты села были свободны от гнета феодала-малика, но платили государственный налог.

Как видно, упомянутая купчая была составлена почти в то время, когда уполномоченные шахом Исмаилом I чиновники проводили во всех областях страны новую ревизию сел и посевов, мулков и прочих доходных объектов. Для этого было необходимо вновь подтвердить, что упомянутые села Дарашамба принадлежат райатам этих сел и не являются вакфом или дивани, чтобы они не были объявлены «маджхул-ул-малик» (владелец неизвестен) и причислены к селам дивани.

На этой же купчей в июне-июле 1557 года поставлена другая резолюция: она наполовину стерлась, но из содержания сохранившейся части выясняется, что в те годы, т. е. после заключения турецко-персидского мирного договора 1555 года, вновь имела место ревизия сел и прочих доходных объектов и от шаха Тахмаспа вновь был получен указ о том, что эти села не являются

селами «халисе» или «маджхул-ул-малик» и принадлежат райатам этих сел.

Из документов последующих десятилетий относительно упомянутых сел Дарашамба очевидно, что эти села в течение веков подвергались преследованиям со стороны крупных феодалов и ведомств вакуфных имений религиозных учреждений и были вынуждены оказывать упорное сопротивление для отражения посягательств на свои права. Надо полагать, что, будучи в течение столетий свободны от гнета малика, райаты этих сел имели объективно более благоприятные условия для развития и расширения своего хозяйства. Поэтому указанные села были богаче других окрестных сел и, естественно, возбуждали аппетиты феодалов, стимулируя их всевозможные ухищрения и махинации, чтобы принудить райатов к признанию собственности прав того или иного крупного феодала или религиозного учреждения на эти села. Несомненно, до нас дошла лишь незначительная часть документов, отражавших предпринимавшиеся в этом направлении шаги, однако на основе имеющихся нескольких документов можно уверенно сказать, что борьба между общинами этих сел и различными представителями феодального класса носила упорный характер и длилась столетия.

Так, в 1658 году одно высокопоставленное духовное лицо по имени Мир Сафи Гаджчи пыталось завладеть одним дангом этих сел, в связи с чем райаты трех сел представили шаху Аббасу II прошение, в котором просили его издать специальный указ в защиту райатов. На этом же прошении шах изложил свой ферман, адресованный бекларбеку Азербайджана, которым предписывал проверить факты и пока Мир Сафи не сумеет доказать через шариятский суд, что один данг мулка этих сел принадлежит ему, не позволять ему чинить произвол. Считаю не лишним привести полностью перевод этого прошения, которое написано ясным и простым языком и не обременено излишними подробностями:

«Просьба нижайших слуг и нуждающихся райатов сел Башкянд, Ортакянд и Дибкянд Дарашамба заключается в следующем:

Просим о следующем: господин Мир Сафи Гаджчи пришел и в отношении нас, бедных, применяет насилие,

⁶⁸ Купчие, I, док. 13.

[утверждая], будто один из шести дангов мулка указанных мест является его законной собственностью. Между тем мы, несчастные, со времен наших предков владеем ими и не знали, что кто-либо имеет право на них. И таким образом с его стороны в отношении нас, бедных и нуждающихся, совершается незаконное насилие. Наша просьба состоит в том, чтобы был дан твердый приказ о том, что пока вышеупомянутый [Мир Сафи] не доказал своего требования перед шейх-ул-исламом Тебриза и везиром Азербайджана и не добился вынесения решения, не причинял нам беспокойства. Это не будет забыто богом и его пророком»⁶⁹.

Хотя шах распорядился, чтобы факты проверили и не допустили произвола в этих местностях, однако посягательства на эти села продолжались и в дальнейшем. И вот в августе-сентябре 1668 года представители общин этих же сел были вынуждены прибыть в Исфаган представить жалобу шаху Сулейману, заявив о том, что какие-то люди претендуют на их мулки и причиняют беспокойство райатам; они просили распорядиться бекларбеку и местному Шар'у проверить имеющиеся правовые документы и не допустить посягательства на мулки⁷⁰.

В декабре того же года на основе приказа шаха Сулеймана в столичном шариатском суде (Диван-ал-садарат) был составлен пространный акт (مقاله — мисал), из которого явствует, что и на этот раз попытки захватить мулки этих сел предпринимались со стороны Мир Сафи, который, будучи назначен мутавалли вакуфных владений тавризской мечети Шейхийе, вновь возбудил вопрос о том, что все три села Дарашамба якобы в свое время были отданы в вакф мечети, поэтому они обязаны выплачивать мечети бахраче и, кроме того, погасить задолженность за прошлые годы. На этот раз вопрос был рассмотрен в Диван-ал-садарате Исфагана, где были приняты во внимание не только все имеющиеся документы, но и проверены учетные книги тавризской мечети. Выяснилось, что в них не было никаких упоминаний о передаче этих сел в вакф мечети и мечеть ни-

когда ничего не получала от этих сел. Только однажды, в 1651 году, была предпринята попытка отнести эти села к вакуфным, но затем от этого отказались, и только после назначения Мир Сафи мутавалли этот вопрос вновь был возбужден.

После подробного и длительного расследования Диван-ал-садарат вынес свое решение, в котором, между прочим, говорится, что хотя Мир Сафи удалось получить решение от прежнего Диван-ал-садарата о том, что эти села якобы принадлежат указанной тавризской мечети, однако это решение признавалось недействительным, потому что оно не было обосновано необходимыми документами и свидетельствами, вследствие чего новый Диван-ал-садарат считал, что все имеющиеся документы говорят в пользу того, что мулк указанных сел полностью принадлежит райатам этих сел и тавризская мечеть Шейхийе не имеет на них никаких собственных прав⁷¹.

На другой странице этого мисала Диван-ал-садарата шах Сулейман дал свой ферман, где, основываясь на решении Шар'а, приказывал Мир Сафи не причинять незаконного беспокойства райатам этих сел и признать эти места собственными мулками райатов и не посягать на них⁷².

Казалось бы, вопрос надо считать исчерпанным. Однако, как это видно из документов последующего периода, борьба между этими сельскими общинами и тавризской мечетью Шейхийе продолжалась более 60 лет. В 1701 году, вновь выступая от имени саркарства этой же мечети, некий Мирза Агаси обратил с жалобой к нахичеванскому Шар'у, утверждая, что села Башкянд, Ортакянд и Дибкянд Дарашамба являются вакфом указанной мечети и обязаны ежегодно выплачивать 7 туманов саркарству мечети. Присутствие Шар'а потребовало у Мирза Агаси предъявить соответствующие вакфнаме для доказательства того, когда и кем переданы эти села в вакф мечети; до этого же было решено, что если Мирза-Агаси когда-либо представит требуемое вакфнаме, то райаты этих сел будут обязаны

⁶⁹ Матенадаран, Диван католликоса, пап. 16, док. 103.

⁷⁰ Там же, пап. 1а, док. 139.

⁷¹ Там же, пап. 16, док. 1306.

⁷² Там же.

выплатить мечети все долги, начиная с даты этого вакфнаме и впредь продолжать выплачивать ежегодно бахраче. А пока вакфнаме не представлено, все мулки этих сел, согласно имеющимся документам и свидетельствам, принадлежат проживающим в этих селах райатам⁷³.

На следующий год Мирза-Агаси предъявил какие-то поддельные документы и попытался доказать, что много лет назад эти села были отданы в вакф указанной мечети его предками. Однако в суде Шар'а выяснилось, что эти документы и печати на них поддельны; кроме того, многочисленные пожилые райаты из окрестных сел дали перед членами Шар'а свидетельство, что в прошлом один из родственников Мирза-Агаси (вероятно, вышеупомянутый Мир Сафи) также возбудил подобную тяжбу с райатами этих сел, но не сумел обосновать свое требование⁷⁴.

В защиту прав райатов этих трех армянских сел Дарашамба высказались многие из жителей, проживавшие в окрестных селах и даже в самом Нахчеване. В том же 1717 году на большом прошении (длиною в 1 метр, шириною—в 25 см) поставили свои подписи и печати многочисленные азербайджанцы⁷⁵—жители Нахчевана и других сел, крестьяне, ремесленники, торговцы—которые свидетельствовали о том, что в течение веков мулк этих сел принадлежал райатам этих сел и они никогда не слышали о том, что эти села когда-либо были отданы в вакф какой-либо мечети⁷⁶.

Этот весьма ценный документ является красноречивым доказательством той совместной борьбы, которую вели армянское и азербайджанское трудовое крестьянство против захватнических тенденций как армянских, так и мусульманских крупных религиозных учреждений. Райаты-азербайджанцы, не взирая на всякого рода религиозные преграды, отделявшие их от армянских крестьян, открыто выступили против такого крупного религиозного учреждения, каковым являлась тавризская

⁷³ Там же, пап. 1г, док. 274.

⁷⁴ Там же, док. 279.

⁷⁵ Свидетельство армян не признавалось.

⁷⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г, док. 271.

мечеть Шейхние, всячески стремились защитить интересы армянских райатов—судьба которых была им близка—и спасти их земли от захвата.

Свободные от маликов села подвергались, как и другие деревни, эксплуатации со стороны государства. Налоги в пользу его с таких сел могли быть иногда больше, чем с других, поскольку каждое более или менее заметное увеличение доходов крестьян не ускользало от внимания сборщиков налогов и становилось причиной повышения общей суммы обложения.

Вследствие начавшегося при шахе Султан-Хусейне тяжкого налогообложения многие сельские общины были вынуждены закладывать собственные земли за крупные суммы ростовщикам, а взятыми в долг деньгами выплачивали государственные налоги, достигавшие громадных размеров. Этого бедствия не избежали даже те села, мулки которых принадлежали райатам тех же сел. Из турецкого шариятского акта, составленного 17 мая 1726 года в городе Чорс, расположенном близ Дарашамба, явствует, что в 1716 году, т. е. в то время, когда райаты вышеупомянутых трех армянских сел оказывали упорное сопротивление посягательствам Мирза Агаси, несколько кядхуда села Дибкянд от имени общины заложили некоторое количество пахотной земли Садах-беку, сыну Хаджи Мустафа, и взяли у него в долг 200 гурушей в пересчете на турецкие деньги. Спустя некоторое время они возвратили эту сумму. Однако кредитор тянул с возвращением земли, пытаясь присвоить ее. Несколько лет спустя (после утверждения турецких властей) община села Дибкянд пожаловалась в Шар' Чорса, чтобы последний принудил кредитора возвратить захваченную землю. И опять собрались из ближайших сел многочисленные свидетели-мусульмане, которые поклялись перед Шар'ом, что они «сведущи в том, что кядхуда Меликсет, сын Назарета, Баба, сын Андреаса, Тамраз, сын Хачика, Малиджан, сын Айрапета, Аракел, сын Погоса, Зирак, сын Багдасара, Газарос, сын Эйвата, и другие за 5—6 лет до упомянутого года (1726) полностью собрали эту сумму и отдали ее кредитору и освободили заложенные земли, следовательно-

но, кредитор Садах-бек незаконным образом вновь требует эту сумму у упомянутых райатов»⁷⁷.

Сам факт заклада земель общины за долг говорит о том, что положение райатов-земледельцев в селах такого рода было в конце XVII века не менее тяжелым, чем в других деревнях. Вместе с тем этот факт показывает, что помещики-ростовщики подобно хищникам кружили вокруг этих нескольких сел, ожидая удобного повода для захвата мулков сел и экономического закабаления их жителей.

Тем не менее до XVIII века и позднее существовали такие сельские общины, которые сумели сохранить свою самостоятельность и право собственности на мулки своих деревень.

Имеются также купчие, которые свидетельствуют о фактах выкупа отдельными общинами собственнических прав на свое село у малика этого села. Таким ценным документом является оригинал купчей, написанной при шахе Исмаиле II, согласно которой община села Мегри в 1576 году купила у малика села, новообращенного мусульманина Мурад-бека за 316 туманов серебром мулк этого села⁷⁸.

Поскольку собственническое право было юридическим выражением права на присвоение феодальной ренты с определенной территории, то право сельских общин-маликов выражалось в том, что эти общины не платили феодальной ренты частному феодальному собственнику. Поэтому в документах специально подчеркивалось, что райаты этих общин должны выплачивать с полученного ими урожая только «бахраче-йе дивани».

Эта общинная форма землевладения до сих пор существует в ряде мест в Иране. Ныне в Иране имеются такие села, которые называются «хорде малек» (мелкий собственник). Села называются так, потому что в отличие от сел, которые имеют одного владельца или малика, здесь собственность села разделена между проживающими в том же селе многочисленными собственниками, которые, однако, сами обрабатывают свои земли и, помимо государственных налогов, никому не вы-

⁷⁷ Там же, док. 312.

⁷⁸ Купчие, I, док. 24.

плачивают бахры. Число подобных сел однако весьма ограничено⁷⁹.

* * *

При феодальном общественном строе всегда были различными формы и степень зависимости земледельцев от собственников земли. Издавна различались формы феодальной эксплуатации общинного крестьянства, которое существовало еще в дофеодальную эпоху и впоследствии, в период генезиса феодальных отношений, подверглось феодальному подчинению и земледельцев, которые находились вне общины и выступали в качестве самостоятельных арендаторов земли или наемных, полукабальных работников.

В списках сел, принадлежащих частным феодальным собственникам, монастырям, государству и шахскому домену, в шарнатских купчих, шахских указах и налоговых реестрах упоминается мулковая земельная собственность двух видов:

а) села, которые шарнатским термином по-арабски называются «каррийе» (قریه — мн. число — «кура» — قراء) и б) хутора, которые по-арабски назывались «мазра'е» (مزرعه — мн. число — «мазаре'» — مزارع), что дословно означает «место пахоты и сева», «поле», «хутор».

Определенная разница между этими двумя категориями мулковой собственности была отмечена нами в диссертационной работе «Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке», представленной к защите в 1954 году, а также в автореферате указанной диссертации⁸⁰. В изданной в 1960 году обстоятельной монографии «Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков» проф. И. П. Петрушевский в специальной главе, по данным преимущественно нарративных источников ильханского и последующего периода, показал существование принципиальных различий между «каррийе» и «мазра'е», отличавшихся друг от друга систе-

⁷⁹ Հ. Մ. Եղանյան, Գյուղատնտեսության վիճակը ժամանակակից Իրանում, Երևան, 1960, էջ 19:

⁸⁰ А. Д. Папазян, Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII веке (автореферат диссертации), Ереван, 1954, стр. 22.

мой землепользования и социально-правовому положению обрабатывавших эти земли земледельцев⁸¹.

Термины «кариййе» и «мазра'е» встречаются в источниках как ильханского и более раннего периода, так и последующих веков⁸².

В начале XV века (1403—1404 гг.) по купчей амира Тимура ходже Али, сыну шейха Сафи-эд-Дина Ардабили, были подарены три кариййе и 11 мазра'е, отдельными дангами или целиком⁸³. В кунчей, составленной почти 100 лет спустя, в 1506 году, относительно мулков ордубадского ходжи Фатхи-бек Туси сказано, что «двенадцать дангов целых мулка из всего мулка местечка Дрис, подчиненного Азад-Джирану и нижеследующие кариййе той же местности:

село (кариййе) Дрис	3 данга,
село (кариййе) Данакерт	2,5 данга,
поместье (мазра'е) Сал	3 данга,
поместье (мазра'е) Бердак	2 данга,
поместье (мазра'е) мулков векильства	2 данга

со всеми подлежащими и прилежащими местностями, правами и [со всем] приращенным... находятся под властью, распоряжением и собственностью... ходжи Фатхи-бека Туси»⁸⁴.

Позднее, при шахе Исмаиле II (1577 г.) в указе, опубликованном на имя настоятеля монастыря Спасителя Хавуц-тара вардапета Закария, подтверждалось, что находящиеся в области Чухур-Са'д села—Манкус, Сурб Саргис, Аваник, Кудис, Кохд, Кызыл-Ванк и поместья (мазра'е) Гарниса, Кутуц-Ванка и Аванасара являются законными, наследственными мулками сыновей Баба, вардапета Закария Мир-Тумана, Джидласа,

сына Ходжи, и Мехраба, сына Туни, и находятся в их руках⁸⁵.

Все проведенные до сих пор исследования показывают, что в деревне («кариййе») земля находилась в пользовании общинников-крестьян, наследственно, из поколения в поколение владевших землей некогда в дофеодальную эпоху в качестве свободных землевладельцев, а с развитием феодальных отношений—в качестве феодально-зависимого крестьянства. Среди общинников-крестьян, ведущих самостоятельно свое индивидуальное хозяйство, выступавших по отношению друг к другу в качестве соседей (почему община и была соседской), в то же время в течение длительного времени сохранялись пережитки более ранних общинных институтов, в частности, элементы коллективной общинной собственности.

Хотя в феодальном обществе крестьяне находились в феодальной зависимости от собственников земли—феодалов, право непосредственного распоряжения обычно оставалось в руках общинников-крестьян, которые не только передавали по наследству, но могли закладывать и продавать свои пахотные земли. Собственность же феодала на землю в кариййе выражалась в присвоении им в силу внеэкономического принуждения феодальной ренты.

Иным было социально-правовое положение земледельцев на землях мазра'е. Мазра'е представляли собой обширные земли, которые обычно сдавались в аренду лишенным собственных средств производства, и главным образом земли, производителям. Феодальный собственник этих земель, возделываемых обычно на его средства (проведение оросительных работ, поднятие целины и пр.) не только получал определенную феодальную ренту, но и пользовался правом непосредственного распоряжения землей. Производитель на таких землях был, таким образом, бесправным феодальным арендатором-издольщиком. Известно, что в дофеодальном обществе, в «агараках» и «дастакертах», работали также лишенные собственных средств производители. Однако таковыми были пленные и некоторые другие ка-

⁸¹ И. П. Петрушевский, Земледельцы и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., М.—Л., 1960, стр. 290—298.

⁸² جامع التواريخ, стр. 514, Abdallah al-Mazandarani, Die Resalatye-Falakiyya, von W. Hinz, Wiesbaden, 1952, s. 205, 217, 222.

⁸³ Timür und Hogä 'Ali, Ein Beitrag zur Geschichte der Safawiden, von Dr. Heribert Horst, Abhandlungen der Geistes und Sozialwissenschaftlichen Klasse, Jahrgang 1958, no. 2, S. 30—31.

⁸⁴ Купчие, I, док. 11.

⁸⁵ Указы, I, док. 19.

тегории кабальных арендаторов и несвободных наемников. В исследуемый период арендаторами все более становились разоряемые крестьяне-общинники, терявшие под бременем феодальной эксплуатации статус самостоятельных землевладельцев.

Данные первоисточников позволяют утверждать, что мазра'е в отдельных случаях были самостоятельными производственными единицами. В других—они состояли при деревнях, в которых земля обрабатывалась райатами данного села. В многочисленных документах XV—XVIII вв. (например, в более чем 100 документах о принадлежавших Татевскому монастырю поместьях, которые хранятся в Диване католикоса Матенадарана, в указах и купчих, относящихся к разным провинциям Северной Армении, а также Арцаха, хранящихся ныне в Музее и Государственном архиве Грузии) мы встречаем упоминания о мазра'е при отдельных мулковых селах.

Так, например, при селе Дастакерт махала Сисаджан вилайета Туман-е Нахчеван всегда упоминается мазра'е по названию Гёлязи⁸⁶, при селе Бнупис—мазра'е Тас⁸⁷, а к селу Хекайат махала Лори примыкало мазра'е по названию Дратун⁸⁸ и т. д.

Для мазра'е, являвшихся самостоятельными помещиками единицами, составлялись шарнатские акты, которые утверждались местными или центральными властями. В 1743 году ереванский хан Пир-Мухаммад подтвердил, что мазра'е по наименованию Базарашен, принадлежавшее Дзагаванку, находится между селами Елгован, Шахаб и Арамус махала Кырхбулат и не относится ни к одному из этих сел, и что право распоряжения этой землей принадлежит лишь епархии Дзагаванка⁸⁹.

Примерно к этому же времени относится акт, составленный в целях утверждения четырех крупных мазра'е монастыря апостола Тадеоса в Маку⁹⁰.

⁸⁶ Там же, док. 4, 14, 15, 17. См. также док. 19 этого же тома.

⁸⁷ Там же, док. 4, 14, 15, 17.

⁸⁸ სპარსული ისტორიული საბუთები док. 20.

⁸⁹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1г, док. 390.

⁹⁰ Там же, пап. 1б, док. 189.

С точки зрения феодального права (и это нашло отражение в официальных документах), и «карийе» и «мазра'е» могли быть мулком, они наследовались или отчуждались как целиком, так и по частям или дангам.

Многочисленные купчие XVI—XVIII веков содержат факты продажи членами общины—райатами друг другу или помещикам и монастырям своих пахотных и прочих обрабатываемых земель. Однако не зафиксирован ни один факт, свидетельствующий об отчуждении земельных участков в мазра'е. В карийе подвергалось отчуждению право пользования и распоряжения землей, а в мазра'е, как было сказано, крестьяне были лишены этих прав. В роли покупателя земель крестьяне зачастую выступали крупные или средние феодалы, которые, пользуясь тяжелым положением райатов, за ничтожные суммы покупали их земли или брали их в качестве залога за предоставленные кредиты и в конце концов завладевали ими. Заметно, однако, что эти земли преимущественно покупали малики тех сел, где они находились. Покупая землю общины или ее отдельных членов, малик, помимо собственных прав на эту землю, приобретал также право распоряжения и использования, а община или райат теряли его.

Сохранился довольно интересный вакуфный документ XV века, относящийся к селу Вагаршапат. В январе 1672 года католикос Акоп Джугаеци получил от шаха Сулеймана указ, к которому был приложен мисал диван-ал-садарата о передаче села Вагаршапат полностью в вакф монастырю. В этом мисале подробно изложена история превращения села в собственность Эчмиадзинского монастыря. Здесь почти полностью приведено вакфнаме, составленное в февраль-марте 1450 года, согласно которому в указанный год община села в присутствии Шар'а передала все село в вакф Эчмиадзинскому монастырю⁹¹.

В вакфнаме говорится:

«В месяц мухарам 854 (14 февраля—16 марта

⁹¹ Там же, док. 156а, 156б, 156г. Отрывок из этого вакфнаме с некоторыми пропусками опубликован в труде И. П. Петрушевского (см. Очерки..., стр. 363—364, персидский текст; стр. 245, русский перевод).

1450 г.) опубликовано вакфнаме следующего содержания: проживающие в селе Учкилиса нахии Карпи Чухур-Са'да кядхуда и мелики, земледельцы и все пайшики (читай: члены общины.—А. П.) явились в суд священного Шар'а и по своей доброй воле и желанию все шесть дангов села Учкилиса нахии Карпи Чухур-Са'да окончательно передали в вакф и навечно закрепили за основанными последователями Христа известным монастырем Учкилиса, со всеми его законными и общественными, подлежащими и прилежащими местностями, и село полностью передали этому храму в собственность. А право распоряжения указанными вакфами передали во все времена тому лицу, кто будет назначен католикосом этого храма. Пусть этот католикос каждый год взимает с указанного села доход (хасил) и бахраче и предоставит нуждам храма—на обстановку, освещение, ладан и т. д., а также на пропитание свое и проживающих в храме других священнослужителей. И сделавшие вышеупомянутый вакф поставили такое условие, что то, что передано в вакф, ни в коем случае не покупали и не продавали, не дарили и не присваивали и не совершали сделок иного порядка. Одновременно они поставили посредством Шар'а условие, что если кто-либо из их наследников когда-либо будет иметь претензии и предъявит какие-либо требования—это требование должно быть признано незаконным».

Известно, однако, что мулк этого села, после продажи в 1432 году Рустамом Орбелином Григору Маквечи и после передачи вместе с другими селами в дар монастырю, уже целиком являлся феодальной собственностью монастыря. Поэтому в 1450 году не могло быть и речи о продаже мулка села Эчмиадзинскому монастырю. Из приведенного вакфнаме очевидно, что райаты передавали в вакф монастырю не право изъятия феодальной ренты, а, как следует полагать, право использования и распоряжения своими землями. Обстоятельства и причины этого остаются для нас, к сожалению, неизвестными.

Из «Джамбра» узнаем, что на основании этого вакфнаме монастырь имел право распоряжения не только домами райатов, но и их пахотными землями. Симеон Ереванци, перечисляя в отдельности все находившиеся

в селе Вагаршапат принадлежащие монастырю земли, добавляет: «Все вышеназванные местности принадлежат исключительно св. Престолу. Наши крестьяне не имеют права ничего сеять там без нашего разрешения; но на других полях нашего села, принадлежащих поселянам, мы имеем право сеять в случае необходимости, если захотим. Ибо, как выше было написано, согласно купчей крепости католикоса Григора «это село со всеми его границами принадлежит св. Престолу»⁹².

В другом месте, желая особо подчеркнуть, что село Вагаршапат целиком принадлежит монастырю и что жители села не имеют права продавать без ведома монастыря дом или сад и прочую недвижимость или передавать другому, Симеон Ереванци пишет: «В назидание на будущее нужно сказать еще вот что. Некто по имени Какос, житель нашего села, тайком от нас продал свой виноградник мусульманину по имени Махмад, слуге хана и даруге нашего села, [и скрепил сделку] надежной купчей крепостью на турецком (т. е. персидском) языке. Затем, когда мы об этом узнали, мы оказали давление как на продавца, так и на покупателя, отняли виноградник у мусульманина и вернули Какосу, а затем добились отстранения этого мусульманина с должности даруги и удаления его из села»⁹³.

Симеон Ереванци, говоря в «Джамбре» о селе Вагаршапат, как это видно и из вышеприведенных выдержек, почти всегда подчеркивает, что это село целиком принадлежит монастырю и очень часто, не приводя названия, именуется его «нашим селом», а говоря о других селах, только отмечает, сколько дангов мулка этих сел принадлежат монастырю. Таким образом, разница между правом собственности Эчмиадзина на село Вагаршапат и другие села весьма очевидна.

При каких обстоятельствах мог произойти этот, так называемый «добровольный» отказ райатов от своих прав—об этом можно судить по уже известному нам факту, касающемуся общины Ошакана, когда вследствие постепенно усилившегося налогового гнета, стремясь предотвратить присвоение заложенных против

⁹² Симеон Ереванци, Джамбр, стр. 229.

⁹³ Там же, стр. 241.

долга садов и мельниц, представители сельской общины обязались выплачивать помещику не $\frac{1}{10}$, а $\frac{2}{10}$ урожая и освободили от заклада принадлежащие членам общины сады и мельницы. Они сочли предпочтительным выплачивать помещику или малику удвоенную ренту, чем допустить, чтобы феодальный собственник конфисковал в свою пользу право распоряжения и использования части обрабатываемых земель села.

Впоследствии, особенно в период турецкого владычества 20-х годов XVIII века, ошаканцы, как отмечалось, неоднократно пытались освободиться от этого тяжелого обязательства и много раз открыто отказывались выплачивать добавочную ренту. Однако турецкие судебные и административные органы принуждали их признать вещные права Эчмиадзина и «выполнять свои обязательства по отношению к нему в установленном порядке». Мы уже знаем, что в 1725 году отказались выполнять свои обязательства в отношении владельца села и возмутились также райаты сел Вагаршанат и Мастара, которые, однако, также были усмирены турецкими властями.

Борьба носила более острый характер в малоземельных горных селах. В 70—80-х годах XVII века развернулась упорная борьба между настоятелем Татевского монастыря вардапетом Ованнесом и райатами принадлежавших монастырю сел. Из сохранившихся в архиве монастыря несколько десятков персидских документов выясняется, что основной причиной конфликта было то, что Татевский монастырь разными путями сумел завладеть обширными обрабатываемыми площадями в селах, которые столетия назад были отданы в вакф монастырю, вследствие чего сильно сократились находившиеся в распоряжении общины этих сел площади под виноградниками и пахотными землями. Создалось такое положение, что крестьяне были вынуждены вновь арендовать у монастыря земли, которые первоначально входили в фонд земель села, и обещали, помимо ренты, дополнительно выплачивать $\frac{2}{10}$ урожая за аренду садов и мельницы и $\frac{1}{10}$ за аренду пахотной земли.

Райаты, теряя частично свои наследственные земли и способность к самостоятельному ведению хозяйства, нуждаясь в кредитах ростовщиков и феодалов, нередко

принимали на себя подобные тяжелые обязательства. Однако задавленные нуждой и долгами, они нередко оказывались не в состоянии выплачивать повышенную ренту. Именно так произошло с крестьянами Татевского монастыря, когда они выступили против монастыря и отказались признать его права на захваченные им земли, кстати, довольно обширные.

Из прошения, представленного в 1670—80 гг. вардапетом Ованнесом везиру Азербайджана, являвшемуся титулдаром этих сел, а также самому шаху, выясняется, что в принадлежавших монастырю селах Татев, Халидзор, Шинуайр, Хот, Борди и других райаты стали захватывать и использовать эти земли повсеместно, почему вардапет Ованнес не перечисляет имен отдельных райатов, а жалуется на всю общину⁹⁴.

Из этого весьма ценного документа, написанного в 1683 году, видно, насколько сократились площади обрабатываемых земель села Татев и как остра была нужда крестьян в пригодной для выделывания земле. Как явствует из документа, крестьяне были вынуждены обратиться к монастырю с просьбой разрешить использовать те земли, которые, оставаясь необрабатываемыми в течение более ста лет в руках монастыря, превратились в леса. Монастырь разрешил крестьянам использовать эти земли, но с тем условием, чтобы они выплачивали с полученного урожая, кроме принятой общей ренты, дополнительно $\frac{1}{10}$ урожая. Крестьяне, хотя вначале согласились на это условие, однако впоследствии не только не выполнили его, но, оспаривая права монастыря на эти земли, начинали насильственным путем присваивать земли, которые издавна считались собственностью монастыря, превращая их в свои огороды и токи.

О почти непрерывно тянувшихся земельных тяжбах между собственниками и сельскими общинами, о фактах присвоения феодалами земель райатов и принуждения их выплачивать двойную ренту мы узнаем из документов, сохранившихся в архивах монастырей и относящихся в основном к монастырскому землевладению.

⁹⁴ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 54, 55, 65, 67; пап. 16, док. 110 и т. д.

Нет сомнения, что этот процесс, особенно после 60-х годов XVII века, имел место и в селах прочих феодальных собственников.

Борьба между райатами монастырских сел и Татевским монастырем носила острый характер и давала повод для бурных выступлений, во-первых, потому, что эти села вообще были малоземельными и любое сокращение земельного фонда села ущемляло жизненные интересы крестьян; во-вторых, государственные административные органы были перешительны в вопросе защиты интересов монастыря и стремились использовать любой повод для получения взяток и от монастыря, и от райатов.

Само собой разумеется, что в тех селах, которые принадлежали влиятельным военным или высокопоставленным государственным чиновникам (а число таких сел было довольно значительным), где военная и административная власть феодала над населением была весьма сильной, процесс потери райатами земель мог происходить интенсивней, а положение трудового крестьянства было, возможно, более тяжелым. Факты показывают, что райаты монастырских сел более организованно выступали против монастырей, что надо объяснить относительной слабостью политических позиций феодалов-маликов, не имевших столь же сильного аппарата для осуществления внеэкономического принуждения, каким располагало само государство, крупные военачальники-амиры и другие феодальные собственники. Даже Эчмиадзин, позиции которого по сравнению с другими армянскими монастырями были несравненно прочнее, начиная с 70—80-х годов XVII века непрерывно подвергался вымогательствам со стороны местных ханов, а до этого был вынужден выплачивать немалые денежные суммы тому или иному претенденту, чтобы уберечь от захвата села, купленные в свое время за наличные деньги.

Превращение отдельных больших или малых земельных участков кёфшана села в собственность малика, как мы видели, вносило коренные изменения в использование земель, входивших в кёфшан того же села. После того, как эти земли выходили из ведения сельских общин и становились собственностью того или

ного малика, государственные налоги с них по-старинке входили в общую сумму, взимающуюся с этого села, если эти земли продолжали считаться землями кёфшана того же села; если же их налоги исключались из общей суммы налогов, взимаемых с села, то в этом случае земли уже считались мазра'е малика и государственные земельные налоги с них взимались с самого малика. В первом случае он формально выступал как один из членов общины и был обязан выплачивать свою долю налогов в общей сумме налогов с деревни, собираемой обычно кядхуда села⁹⁵, а во втором случае он становился совершенно независимым собственником-помещиком и за свои налоги был ответствен перед государственными налоговыми чиновниками.

За земли в мулковых селах, которые продолжали находиться в руках сельской общины и возделывались отдельными крестьянскими семьями, выплачивалась малику рента в установленном порядке. Однако те земли, которые разными путями уходили из ведения общины и становились собственностью малика, который приобретал право распоряжения ими, сам малик в отношении возделывавших эти земли земледельцев выступал обычно как помещик.

Использование этих земель в зависимости от местных условий и обычаев было различным. Наиболее известны следующие три формы:

1. Многим маликам удавалось обрабатывать свои собственные земли принудительным барщинным трудом крестьян. Это было особенно распространено в монастырском землевладении, когда райаты разных сел были обязаны обрабатывать находившиеся в этих селах монастырские земли. В таких селах часть ренты фактически выплачивалась трудом, другая часть—продуктами. В списке, переписанном настоятелем Татевского монастыря вардапетом Ованнесом, подробно отмечается—сколько дней в году и какую работу должны выполнять райаты монастырских сел, которые выплачивали большую часть ренты в виде «макта» (фиксированной рен-

⁹⁵ Կալիֆածարեր, Կալիֆի Հար. Արքայանոցն, Երևան, 1941, стр. 158, 163.

ты), независимо от урожая данного года. Вот несколько примеров:

«Татев—24 груза (вьюка) пшеницы и 3 литра меда [должны] давать и всем селом должны один день пахать, два дня жать и один день работать на барщине, какая бы работа ни была, и один день в Езнарацке (Паства быков) должны для монастыря сено косить».

«Сваранц—15 вьюков и 3 марзана пшеницы, и должны один день пахать, два дня жать, один день в Езнарацке должны сено косить, скосить [траву] на лугах перед своей деревней и один день—на барщине работать».

«Аганц—9 вьюков и 1 марзан пшеницы, один день пахать и один день шестеро в Езнарацке должны сено косить и день на барщине жить»⁹⁶.

2. Помещичьи мазра'е, как и находящиеся в границах села земли, преимущественно сдавались в аренду. В качестве арендаторов земли выступали безземельные крестьяне, которые обычно своей тягловой силой и собственными земледельческими орудиями обрабатывали землю и выплачивали определенную часть урожая землевладельцу. Как было отмечено выше, райат, арендовавший землю, был обязан выплачивать землевладельцу, кроме взимаемой, со всего села добавочную ренту за аренду данного участка земли⁹⁷.

3. Значительная часть собственных помещичьих земель возделывалась посредством наемного труда. Его значение весьма ощутимо уже в конце XVII века, а в XVIII веке наемный труд стал сравнительно распространенной формой эксплуатации. В этом случае собственные помещичьи земли, в особенности мазра'е, обрабатывались преимущественно работниками-земледельцами, использовавшими тягловый скот и орудия помещика. Это были большей частью лишенные земли и других средств производства «ранчбары», которые обрабатывали землю помещика и в качестве заработной платы получали некоторую часть урожая. Среди них были специалисты-садоводы, земледельцы, которые вы-

⁹⁶ «Գանձանդարանի թիւն Ստեփաննոսի Օրրէիանի» (հաշիված), էջ 44.

⁹⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. Іа, док. 54, 87, 110 и т. д.

полняли пахоту, сев, жатву и прочие сельскохозяйственные работы, но не имели не только собственной земли, но и орудий труда. Свою плату они получали обычно натурой. Правда, среди садоводов были такие, которые получали свой годовой заработок (донлуг) частично или полностью деньгами, но они составляли ничтожное число, и денежная оплата наемного работника не была характерна для данного периода.

Условия эксплуатации ранчбаров были неодинаковыми. Случалось, например, что ранчбар получал свою плату в снопах или же обмолотым зерном. Были случаи, когда землевладелец обязывался заботиться о ежедневном пропитании ранчбаров и т. д. Разумеется, чем больше было количество ранчбаров, лишенных земли и других средств производства, тем более тяжелым было их положение и более жестокой их эксплуатация.

Таким образом, мы приходим к выводу, что основной формой землепользования в мулковых селах XV—XVII вв. было наследственное экономически самостоятельное хозяйство крестьян, объединенных в сельские общины, сохранявшие право распоряжения, распределения и перераспределения земель, но феодально-зависимые от собственника земли—малика.

Часть крестьянской земли в результате частичного разорения общинников под бременем феодальной эксплуатации и ростовщической кабалы переходила в руки помещиков. Такие земли, а также хутора (мазра'е), которые не входили в посевные площади отдельных сел, находились в распоряжении помещика. Эксплуатация производителя на этих землях обуславливалась местными обычаями; формы ее при всем многообразии (сдача земли в аренду на различных условиях—двойной мулк, издольная аренда, наемный труд и т. д.) оставались все же феодальными, хотя некоторые явления, безусловно, свидетельствовали о появлении в аграрном строе страны вполне определенных симптомов начала процесса разложения и сельской общины и чисто феодальных методов эксплуатации, основанных на внеэкономическом принуждении крестьян, собственников земли и других средств производства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕНТА-НАЛОГ И ПОВИННОСТИ ТРУДОВОГО КРЕСТЬЯНСТВА В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВА

Как в нарративных, так и архивных источниках, шахских указах, купчих и фетвах нет определенных упоминаний о правовом положении райатов, их свободе, или, напротив, их прикреплении к земле. Вследствие этого в науке по данному вопросу до сих пор нет единой точки зрения. Большая часть дореволюционных кавказоведов, исходя из действовавших шариатских правовых норм, выражала то мнение, что в XVI—XVII вв. райаты-земледельцы в Иране, а также в Азербайджане и Восточной Армении не были прикреплены к земле и были вольны селиться в любой местности.

Конечно, в Сефевидском государстве не существовало юридически оформленного крепостного права, как это было в этот же период и позднее в Грузии и дореформенной России. Однако, как мы увидим ниже, райаты, будучи своими повинностями связаны с налоговым тяглом той или иной местности, практически не могли самовольно менять места своего жительства.

В XVI—XVII вв. в северо-восточной Армении, Памбаке, Лори и других районах, которые входили в состав Восточной Грузии, социально-правовое положение крестьян коренным образом отличалось от положения райатов, проживавших в соседних Ереванском и Гянджинском ханствах. Из сохранившейся в Санаинском монастыре книги (кѣтуг), в которую в свое время заносились копии всех кондаков о пожертвованиях и прочих ценных документах, довольно ясно видно, что в этих, столь близко расположенных к центральным областям

Восточной Армении местностях крестьяне были закрепощены своими феодальными собственниками, их продавали и дарили монастырю. В документах о продаже или дарении земли обязательно упоминалось также о продаже или дарении крепостных крестьян. Более того, в первую очередь указывалось о продаже крепостных «шинаканов», а затем уже о продаже домов, земель, вод, пастбищ и прочей недвижимости. В «кѣтуге» Санаинского монастыря сохранились многочисленные документы, большая часть которых относится к тому периоду, когда настоятелем монастыря был епископ Саргис Аргутянц (1660—70-е годы). Вот один из документов относительно пожертвования:

«Волею всесильного бога я, Гаспар, сын парона Залбека, мой сыновья, Гоги, Бери, Бежи, Хоси, по нашей воле и желанию, по нашему объявлению продали паронтеру (господину-владыке) Саргису у врат света нашего—[церкви] св. Богородицы наших шинаканов Шиху Мхитара родом из Урнака, Акола, Хечика с их домом и их местом, их земель, их водой, а также огородным участком, садовым участком, телячьим выгоном с его пастьбой, горами и ущельями—все продали паронтеру Саргису. Паронтер купил и отдал в вахм (вакф) св. Богородицы Санаина»¹.

В купчих того же периода, составленных в Ереване и других городах Армении и Азербайджана, подобное явление нам не встречалось; не указывают этого и другие исследователи. Вне всякого сомнения, что в XVII веке райаты Восточной Армении не были крепостными своих помещиков и не подвергались купле-продаже вместе с землей. Однако, как это попытался доказать на фактах, почерпнутых из многочисленных первоисточников И. П. Петрушевский, райаты в период сефевидского господства и после него отнюдь не могли свободно менять места своего жительства².

По данным историков ильханского периода (Джувейни, Рашид-эд-дин, Хамдаллах Казвини) окончательно доказано, что в XIII—XIV вв. райаты были прикреп-

¹ Матенадаран, рук. 3031, стр. 203а—208б; см. также там же, стр. 186б, 187а—187б, 188б, 201б, 204б, 205б, 296а.

² И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 248—256.

лены к своим местам жительства и не имели права удаляться с тех мест, где они были обязаны нести свои налоговые повинности. Как И. П. Петрушевский, так и А. А. Али-Заде и другие показывают, что если райаты, проживавшие в селах провинций, отдававшихся в качестве «икта» военной знати в период ильханства и особенно при Газан-хане, пытались покинуть свои места жительства и переселиться в другие местности, они подлежали возвращению в течение 30 лет, если, конечно, на новых местах жительства они не были уже занесены в налоговые книги. Одновременно всем иктадарам предписывалось не разрешать поселяться в селах их икта беглым райатам³. В источниках Сефевидского периода нет определенных упоминаний относительно прикрепления райатов к налоговому тяглу данной местности, однако имеются основания утверждать, что этот закон, подвергнувшись со временем определенным изменениям, в соответствии с местными условиями действовал и в последующие XV—XVIII века в большинстве областей Сефевидского государства.

Если часть известных историкам фактов, относящихся к массовым переселениям во время военных походов или к строгому запрету райатам переселяться из одной местности в другую во время эпидемий⁴, может показаться не достаточной для утверждения тезиса о прикреплении райатов к земле, однако многие другие привожденные исследователями, в частности И. П. Петрушевским, данные источников действительно показывают, что райаты в период сефевидского владычества не пользовались свободой передвижения.

В фонде персидских документов Матенадарана хранится не привлекавший внимания исследователей, хотя и ценный документ, в котором четко изложен действовавший при Сефевидах закон о прикреплении райатов с их налоговыми повинностями к той или иной местности.

³ А. А. Али-Заде, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956, стр. 179; И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 251.

⁴ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 252—254.

В 1710 году община села Дарашамб Туман-е Пахчевана обратилась к шаху Султан-Хусейну, сообщая о том, что несколько лет назад 15 семейств удалились из их села и обосновались в селе Астапат, но, несмотря на это, они свои государственные налоги (малоджахат, джизья и прочие повинности) выплачивают через общину Дарашамба. Однако в тот год забит налогов Астапата учинил запрет и не позволил, чтобы они продолжали выплачивать свои налоги по-прежнему в Дарашамбе. В своем прошении община Дарашамба просила шаха, чтобы доля налогов этих 15 хозяйств была исключена из общей суммы налогов, взимавшихся в Дарашамбе, или же было дано распоряжение бекларбеку Чухур-Са'да вернуть эти семейства на свое старое место жительства.

Шах Султан-Хусейн в своем указе, данном в месяце зика'да 1122 года хиджры (декабрь 1710—январь 1711), писал:

«Из саркарства аваредже Азербайджана подтверждают, что малоджахат села Дарашамб Туман-е Нахчевана зафиксирован определенной суммой в книге и предоставлен в качестве хамесале корчи и другим. А относительно отделившейся общины (джам'ийат-е тафрике) решено, согласно «Верховному слову», что если райаты-мусульмане какой-либо местности, отделившись, обосновываются в другом месте и в этом месте не имеют каких-либо повинностей мала и хокук-е дивани, то сроком до 12 лет подлежат возвращению на место своего старого жительства и пахоты—для выполнения вместе с товарищами возложенных на них повинностей. А если 12 лет минуло, то никто не имеет права переселять их с этого места на старое. Однако для проживающих в разных местностях райатов-армян, а также для кочевников и арабов «Верховное слово» не предусмотрено. Поэтому мы отдали распоряжение, чтобы проживающие и занимающиеся земледелием в Дарашамбе те райаты-армяне, которые, отделившись от этого места, обосновались в другом месте—удалились бы оттуда и возвратились на свое старое место жительства, чтобы вместе со своими товарищами выполнять здесь возложенные на них повинности мала и джизья. Обязанность оказания в этом деле содействия и пресечения сопротивления с

чьей-либо стороны возлагается на высокопоставленного бекларбека Чухур-Са'да, чтобы он послал человека, который после проверки переселил бы упомянутую отделившуюся общину на ее старое место жительства и считал бы это своей обязанностью»⁵.

Как ясно видно из содержания указа, существовал некий кодекс, который назывался «Верховным словом» (قول عالی — ков-е а'ли), из которого в вышеупомянутом указе приведена соответствующая статья. Следовательно, если в период ильханства беглые райаты подлежали возврату на свои места жительства в течение 30 лет, то в период сефевидского господства этот срок исчислялся 12 годами. Но вышеупомянутая статья «Верховного слова» относилась к «райатам-мусульманам»; этот закон не распространялся на «кочевников и арабов». Интересно также, что об армянах или «зимми» не было предусмотрено особой статьи, поэтому было отдано распоряжение поступать с ними так же, как поступили бы с райатами-мусульманами. Важно то, что действительно по закону райаты-земледельцы не имели права самовольно менять места своего жительства, а покинувшие их подлежали принудительному возвращению на свои места.

Однако из начальной части этого же указа, где изложено краткое содержание просьбы райатов, выясняется, что несколько лет эти 15 семейств хотя фактически жили на новом месте, но свои налоги выплачивали через общину старого места жительства, и за это время не было никаких разногласий между отделившимися райатами и сельской общиной Дарашамба. Это означает, что если это положение продолжалось бы 12 лет, то по-

⁵ Матенадаран, Диван католикоса; пап. 16, док. 234. Полный текст указа см. в нашей статье: «Проблема правовой свободы райатов в Вост. Армении в XVI—XVII вв. и грамоту шаха Султан-Хусейна», изданную в Сб.: «Страницы истории и филологии Армянского народа», посвященная 80-летию акад. А. Г. Иоаннисяна, Ереван, 1971, стр. 127—136. В одном указе шаха Аббаса I от 1611 г., относительно райатов, удалившихся из Марандского района Азербайджана, также упоминается эта статья «Верховного слова». При этом указано, что установленный срок равен 12 годам (см. სპარსულის ოს ობრეული სპეზეები, вып. I, док. 4).

том «никто не имел бы права переселить их с этого места на старое», поскольку за это время они, обзаведясь хозяйством на новом месте, должны были уже иметь что-либо, подлежащее обложению «малом и прочими государственными повинностями». А затем, по истечении 12 лет, во время новой переписи они могли окончательно выйти из списков старого места жительства и быть занесенными в списки нового места.

Это означает, что вышеуказанная статья «Верховного слова» применялась, в частности, в тех случаях, когда вследствие этих переселений возникали некоторые осложнения и разногласия или прекращалась уплата налога и местные судебные и административные органы, не сумев разрешить вопрос, обращались к шаху. Нам не известно—действительно ли эти 15 семейств после опубликования шахского указа возвратились в Дарашамб, или забит Астапата был вынужден уступить, терпеть их еще несколько лет, а потом уже окончательно захватить в свои сети.

Можно заключить, что в случае взаимного соглашения между сельскими общинами, даже в условиях действия вышеуказанного закона, могли иметь место переселения райатов, но это только в том случае, если этим не усложнялось дело взимания государственных налогов с этих сел. А это, как мы знаем, в основном зависело от сельской общины, поскольку ответственной за сбор налогов была прежде всего сельская община, представителями которой были кядхуда и мелики. Можно не сомневаться, однако, что собственник земли, в особенности тивулдары, всегда могли воспользоваться этим законом и преследовать тех райатов, которые попытались бы покинуть свои старые места жительства и удалиться из принадлежавших им сел.

Надо сказать, что во многих источниках часто встречаются слова «разобщенные или отделившиеся (удалившиеся) райаты» (روایای متفرقه) — руаяйе мутафаррике). Это те райаты, которые вследствие социального гнета и разорения покидали свои старые места жительства и, отделившись от данной общины, обосновывались в другом, по их мнению—более хорошем месте. Упоминания об этой категории райатов встречаются в источниках как XIV—XV, так и XVI—XVIII и даже XIX

вв. До нас дошли несколько документов от XVII века, содержащих жалобы феодалов шаху или везиру Азербайджана на то, что вследствие угнетения и разорения населения тиударами, государственными чиновниками и зайбитами райаты покидают свои места и дома и удаляются, нанося тем самым большой ущерб не только маликам, но и государству⁶.

Данные первоисточников позволяют утверждать, что, хотя существовала вышеупомянутая статья «Верховного слова», однако райатам зачастую удавалось обойти ее и в одиночку или несколькими семьями переселиться в другое село или положить начало новому селу. Подобные переселения проходили сравнительно гладко, если они не наносили большого вреда собственнику земли или сельской общине и не вносили путаницу в установленный порядок взимания налогов.

* * *

Взимавшаяся с крестьян земельная рента делилась на две части: государственную, которая в документах называлась «бахраче-йе дивани» (بهرجچه ديوانی), и собственническую, которая называлась «бахраче-йе маликане» (بهرجچه مالكانه). Последняя в шарнатских документах называлась арабским термином «уджрат-ул-мисл» (أجرة المثل), что буквально означает «как плата». Термин «бахраче» является уменьшительной формой термина «бахра» — (доля); следовательно, его надо переводить как «маленькая доля»; можно предположить, что это так и называлось, потому что оно действительно составляло небольшую долю (от всего урожая — $\frac{2}{10}$ или $\frac{1}{10}$)⁷; однако, надо сказать, одной из особенностей языка этого периода являлось добавление к существительным уменьшительной частицы «че». Так, например, в первоисточниках того же перисда встречаем термины «кабалече» (кунчая), «вакфнамече» (вакуфный документ), «парванче» (указ) и др., которые, однако, не могут выражать подобного смысла. О том, что час-

⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. Гг, док. 376; пап. 2а, док. 54, 69, 70а, 70б, 70г; пап. 2б, док. 107а, 107б и т. д.

⁷ И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 267.

тица «че» добавлена к окончанию слова «бахра» не для придания ему уменьшительного оттенка, можно судить хотя бы по тому факту, что в обычном разговорном языке та часть земельной ренты, которая выплачивалась государству, называлась «бахра», а выплачивавшаяся частному феодальному собственнику — «мулк»⁸.

В селах, которые в качестве мулка принадлежали отдельным землевладельцам, «бахраче-йе маликане» взимали малики, а в тех селах, мулк которых принадлежал райатам этого села, крестьяне не выплачивали «бахраче-йе маликане». В принадлежавших монастырям селах, которые, будучи полностью вакфом, освобождались от налогов, и в деревнях, владельцы которых за различные заслуги пользовались правом муафства (налогового иммунитета), крестьяне были обязаны выплачивать и «бахраче-йе дивани» и «бахраче-йе маликане» монастырю или малику. В селах хасс оба бахраче взимались в пользу двора, а в селах дивани — в пользу государственной казны. Таким образом, количество бахре или бахраче, взимавшихся с данного села (кроме сел, принадлежащих сельской общине), не подлежало изменению.

О размерах и особенностях феодальной ренты нами сказано в той главе настоящего исследования, которая посвящена мулковому землевладению. Теперь же рассмотрим, как реализовывалась государственная рента-налог и какие повинности имело трудовое крестьянство в отношении государства.

Если отсвить в стороне местные особенности и не учитывать того обстоятельства, что в некоторых селах размер ренты был больше, а в других — меньше, и принять, что в среднем государстве выплачивались $\frac{2}{10}$ урожая, частному феодальному собственнику $\frac{1}{10}$, то, на первый взгляд, может показаться, что эксплуатация райатов не была уж столь жестокой; но изучение налоговой системы показывает, что в действительности налоговая эксплуатация была крайне обременительной.

Почти из всех документов XVI—XVII вв. видно, что самая распространенная форма взимания налогов с отдельных сел называлась «абваб-джам'» (أبواب جمع),

⁸ «Джам'», стр. 159.

или просто «джам'». «Абваб-е джам'» дословно означает «итоговые дела». Эта форма учета и изъятия налогов, хотя и существовала в предшествующие века, но получила широкое распространение и стала господствовавшей формой особенно в XVI—XVII вв. В процессе предварительно проведенных ревизий и переписи населения учитывались отдельные хозяйства райатов, обрабатываемые площади измерялись, и записывались все совершеннолетние трудоспособные мужчины, подсчитывались все взимаемые с них налоги и в общих суммах фиксировались в областных налоговых книгах. В этих книгах не отмечалось, какая сумма взималась с какой площади или со скольких душ, а прямо указывалась общая сумма всех налогов с данного села; затем отмечалось, какая сумма этих налогов должна быть возмещена наличными деньгами (накд—نقد) и какая—продуктами (джиис—چیس); а еще ниже указывалось, какую часть этой суммы составляют «мал», «джахат» или «джизья» и прочие налоги. Распределение этой общей суммы налогов среди отдельных хозяйств—членов общины совершалось только внутри общины и не касалось государства.

О том, как производился учет возможностей отдельных крестьянских хозяйств и наличия обрабатываемых площадей в пределах села—полей, виноградников, лугов, а также мельниц, маслобоен, дингов (рисорушек) и прочего доходного имущества, сохранились довольно интересные описания в «Хронике» Закария Канакерци и «Краткой истории страны албанов» Есаи Хасап-Джалаляна. Посредством физического принуждения, запугивания и устрашения райатов государственные фискалы или «мумаййизы» (ممیز) учитывали все подлежащее налогообложению имущество, домашних животных и взрослое население. Закария Канакерци рассказывает о переписи райатов и их имущества в Канакере, произведенной главным сборщиком налогов Тахмаскули-ханом (1625—1635) Асланом-ага; этот рассказ, относясь к центральному провинциям Араратской страны, весьма живо представляет мрачную действительность жизни крестьян в средневековой Армении.

«И прибыл он в зимнюю пору сперва в Канакер и позвал к себе крестьян, чтобы они сообщили число душ

своих. Пришел прежде всех мелик Давуд и привел восьмерых своих сыновей и сына дочери и показал ему. Приходили все с сыновьями своими, и записали их в книгу. А отец мой Мкртич посадил меня, Закария, на плечи, толкнул брата моего Хачатура вперед, и пошли. И когда Аслан-ага увидел нас, малышей, хромых и кривоногих, разгневался и сказал: «Здоровых сыновей своих ты утаил, а калек привел?» И велел повалить [отца] лицом на землю, и, принеся воды, вылили на него. Облили его с ног до головы, и сел один мужчина ему на голову, а другой—на ноги. И приказал он четырем воинам избивать его с обеих сторон. И били его до тех пор, пока кожа не сошла с тела, а сам он не потерял сознание. И сочли его мертвым и, оттащив, зарыли в навозе.

А у одного мужа по имени Барсег и у другого по имени Газар содрали [все] двадцать погтей. Еще одного мужа по имени Маруге из Еревана повесили за одну руку и били до тех пор, пока не были вывихнуты все его суставы. Таким образом, охватил всех великий ужас перед ним. Поэтому не оставалось ни одного грудного младенца, которого не показали бы. И если приходили старики, он приказывал ходить перед ним взад-вперед и наблюдал: если голова была опущена, а обе руки заложены за спину, не записывал, если же голова держалась прямо, а руки [несколько] вперед—записывал. И никто не понял этого. Если же приходили ребята, брал он веревку, обхватывал ею шею парня, оба конца веревки клал ему в рот и приказывал, чтобы тот держал их зубами: связав кольцо, спинал его через голову. Если оно проходило через голову—записывал его. И так он весьма точно записал все: мужчин, коров, лошадей, мулов, ослов, овец, мельницы, маслобойки, [виды] ремесел, рисовые толчеи, виноградники и сады, и все, что нашел, записал он и обложил налогом. И послал все записанное в царский диван»⁹.

Спустя почти столетие, на закате Сефевидского государства, когда шах Султан-Хусейн для удовлетворения расходов двора вдвое и втрое увеличил взимавшиеся с райатов, ремесленников, торговцев и вообще со всего

⁹ Закарий Канакерци, Хроника, М., 1969, стр. 87—88.

населения налоги, вновь по всей стране была проведена перепись населения и имущества. Во время и этой переписи применялись столь же жестокие методы и чинился произвол.

«На одиннадцатом году царствования своего,—пишет Есан Хасан-Джалалян,—шах-султан, именуемый Хусейном, повелел произвести перепись и землеописание всего народа армянского, и всех народов, что под властью его находились. И отправились начальники его, мужи верные его дому, писцы и секретари, дабы безошибочно и без сокрытия записать всех [людей], начиная с пятнадцатилетнего возраста и выше, так пригрозив в указе: «Если кто обнаружит кого спрятавшимся и укрывшимся и не сообщит о том царю, голову укрывшегося—царю, а имущество его будет добычей того, кто донес». Так в точности и поступили, ибо с разными уловками и угрозами осведомлялись, всячески допытываясь, разыскивая. В каждом селе танутера села, и священников, и гостеприимника, что зовут гзиром, задерживали отдельно в доме порознь друг от друга, а потом заставляли называть имена мужей, живших в селе, и записывали, сопоставляли [записанное] и увидели, что одинаковы.

Если обнаруживали больше или меньше в сказанном раздельно, поскольку сказанное ими изустно записывали, что есть мучулка, мол, ежели обнаружат ложь, столько-то штрафа уплатят от мужа, сказавшего меньше подвешивали к бревну, избивали и штрафовали, да к тому же брали большую взятку и десятину и сверх меры взимали установленную плату на воинов, а затем повторно записывали...»¹⁰.

Далее тот же автор рассказывает, что все налоги и прежде всего подушная подать (джизья) были утроены и чиновники немедленно приступали к их сбору. «И рассеялось войско по стране и по селам, исчисленным переписью, и так очень тяжело было бремя и не могли его выносить, посему мучили и обирали и, избивая, забирали по мере своей у больших большое, у малых малое—от [большого] села стопятьдесят, сто, или пятьдесят ту-

манов, а от очень маленького—не менее тридцати либо двадцати туманов»¹¹.

Каждое село заносилось в палоговые книги как особая налоговая единица. За сбор налога с каждого села были ответственны не отдельные райаты, а вся сельская община. В тиульных указах или «тиулнаме», и в особенности на их оборотной стороне, приводился перечень налогов, право взимания которых в качестве тиула или хамесале было дано тиулдару или хамесалелдару.

В одном указе или тиулнаме¹², изданном в 1682 году шахом Сулейманом, приведена выдержка из дафтар-е аваредже, где показаны налоги, взимавшиеся с села Дастакерт махала Сисаджан Туман-е Нахчевана и мазра'е Гёлязи этого же села; эта выписка представляет собой следующую картину:

Общая сумма

54909 динаров, из которых:

мал и джахат 15009 динаров	тафавут-е джизья 39900 динаров
Тиул хакима Борчалу Мухаммад-бека со своей основной суммой и разницей 41460 динаров, из которых: тафавут-е джизья 12700 д., мал 28760 д.	Разница налогов, которая находится в забте везира Азербайджана 13449 динаров, из коих: тафавут-е джизья 2309 д. мал 11140 д.

Как явствует из приведенной выдержки, община села Дастакерт ежегодно в качестве мала, джахата и тафавут-е джизьи была обязана выплачивать государству 54909 динаров. Из этой суммы 41460 динаров были даны в качестве тиула хакиму Борчалу Мухаммад-беку, а 13449 динаров находились в откупе (забт) везира Азербайджана.

В выдержках, помещенных в тиулнаме, упоминаемые отдельные налоги часто писались дифференцированно «основная сумма» (اصل—асл) и накладные (буквально—«разница», تفاوت—тафавут или اضافه—изафе). «Разница» один раз за несколько лет добав-

¹¹ Там же, стр. 19—20.

¹² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 101.

¹⁰ Եսան Խասան-Ջալալյանի, Պատմութիւն կամ յիշատակարան, Եւզր. 1839, էջ 17-19:

лялась к налогам; как увидим ниже, она появлялась в результате постепенного упадка курса денег и, как указывалось в тиулнаме, являлась «разницей между старым и новым золотом» (تفاوت زر نو و كهينه). Всегда в дафтарях и тиулнаме накладные предварительно отмечались отдельной суммой, затем добавлялись к основной сумме. Иногда в тиулнаме, помимо разницы, упоминались также проценты этого налога (فرع—фар'), которые добавлялись к основной сумме в том случае, когда село не выплачивало в срок данный налог. Таким образом, в случае задержки выплаты налога райаты были обязаны выплачивать проценты¹³.

Из нескольких тиулнаме, хранящихся в Матенадараце и Музее Грузии, выясняется, что налог, взимаемый под наименованием мала и составлявший более половины общей суммы налогов, взимаемых с села, во второй половине XVII века взимался вчетверо большем размере. Так, например, в тиулнаме от 1660 и 1686 гг. в списке налогов принадлежащих Татевскому монастырю сел Аганц, Тандзатап, Сваранц, Борли и Кешикянц в графе мала поставлена одна сумма, напротив которой стоит условный знак «1—4», затем под этой суммой написана сумма, вчетверо большая, чем указанная выше; это та сумма, которую село было обязано выплатить тиулдару¹⁴. Затем под этой последней суммой выведена ее $\frac{1}{8}$ и рядом отмечено, что $\frac{1}{8}$ общей суммы мала община села обязана выплатить тиулдару—для урегулирования различных случаев и споров в селе—с тем, чтобы тиулдар при расследовании этих вопросов не требовал особой суммы¹⁵. Эта подать, которую тиулдары взимали в том случае, если они пользовались судебными функциями, называлась «расм-е эхдас—*رسم احداث*» (подать с тяжб). Как видно, райаты в селах предварительно выплачивали тиулдару определенную сумму, чтобы последний не использовал каждый случай для взимания с них податей по своему усмотрению.

¹³ Там же, док. 22; пап. 26, док. 107а, срав. მკობრ სტატეა стр. 170.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же пап. 2а док. 22 срав. სპარსული ისტორიული საბუღალბო, вып. II, стр. 3.

Вообще трудно выяснить, исходя из какого принципа сумма мала учетверялась и почему именно $\frac{1}{8}$ этой суммы выплачивалась в качестве «расм-е эхдас». Для того, чтобы яснее представить себе систему налогообложения, мы приводим полный текст одного тиулнаме, данный шахом Аббасом II в 1661 году па села Аганц, Тандзатап и Сваранц; к этому тиулнаме приложен подробный список тиульных сумм¹⁶.

«Августейший указ последовал о следующем.

Ныне райаты и убогие нижеупомянутых мест Капаната:

1. село Агакянди, 2. село Свари, 3. село Тандзатап, сообщили, что вышеупомянутые места назначены в тиул прибежищу амирства Такабур-султану, меж тем последний совершает посягательства, и [райаты] попросили священного указа.

Из утверждения великих мустофиев выяснилось и стало известно, что малоджахат и другие [налоги] упомянутых мест назначены в тиул вышеупомянутому прибежищу амирства и, согласно подсчету (бараворд), получается в прилагаемой форме. Поэтому мы решили, чтобы упомянутое прибежище амирства взимало тиульные суммы согласно установленному великими мустофиями дастур-ул-амалу и не совершало посягательств.

Бекларбек обязан оказывать законную помощь и, принимая это как строгое предписание, считать своей обязанностью.

Написано в месяце джумада I 1071 г. (2—31 января 1661 г.).

Утвержденный мустофиями подсчет тиульных сумм на оборотной странице документа.

Общая сумма отданных в тиул налогов трех сел

1. Малоджахат—36755
2. Тафавут-е джизья—22632

59387¹⁷.

¹⁶ Список налогов приводим с сохранением той формы, которая была принята для дафтаров дивана и тиулнаме.

¹⁷ Согласно нижеприведенному подсчету, общая сумма отданных в тиул налогов трех сел составляет 59393 динара. Ошибка идет от

Село Агакянди и поле Даралу
Малоджахат

I. Основная сумма			
1. Мал			
а) Полдинара доли эхдаса, чтобы при рассмотрении тяжб [денег] на расследование не требовали	2083		
б) [Остальное]	14581		
	$4166 \times 4 = 16664$	16998	
		334	
2. Джахат			19497
II. Процент, полтора из десяти в счет мала			
1. Один из десяти	1666		
2. Половина из десяти	833		2499

Тафавут-е джизья

I. Основная сумма			
1. Собственно сумма			
1. Собственно сумма	3800		
2. Разница между старым и новым золотом	760	4560	
II. Процент, полтора из десяти		684	5244
Сумма:			24741

Село Свари

Малоджахат

I. Основная сумма			
1. Мал			
а) Полдинара доли эхдаса	1250		
б) [Остальные]	8750		
	$2500 \times 4 = 10000$	10250	
		250	11750
II. Процент, полтора из десяти			
		1500	

Тафавут-е джизья

I. Основная сумма

общей суммы малоджахата, которая, согласно тому же подсчету, должна быть не 36755, а 36761 динар.

1. Собственно сумма	12600		
2. Разница между старым и новым золотом	2520	15120	
II. Процент, [полтора из десяти]		2268	17388
Сумма:			29138

Село Тандзатап
[Мал]

I. Основная сумма			
1. Полдинара эхдаса			
		598	
2. [Остальное]		4186	
	$1196 \times 4 = 4784$		5514
		730	
II. Процент, полтора из десяти			
Сумма:			5514

Из тиулнаме, хранящегося в Музее Грузии, узнаем, что мал и джахат села Куран были отданы в качестве тиула некоему Али-беку, который пожелал взять сумму своего тиула в соответствии с реальным урожаем—в форме «хаст-о-буда», однако владелец мулка села Аббаскули пожаловался шаху Аббасу II и получил настоящий тиулнаме, которым тиулдару предписывалось, чтобы тиулдар «по установленному порядку, согласно полученной от дивана выписке, из расчета 4 динара на один динар, получал бы малоджахат в руки и не требовал хаст-о-буда»¹⁸. В тиулнаме несколько раз подчеркивается выражение «получать в руки» (бедаст герефтан—*بدست گرفتن*), которое означает получать наличными от сельской общины и не прикасаться к урожаю райатов. В этом случае, как видно, крестьяне должны были платить вчетверо больше предусмотренной и записанной в дафтаре суммы, чтобы люди тиулдара не измеряли бы их урожай. В этом тиулнаме значительно лаконичнее дан перечень налогов, однако принцип тот же, что и в приведенных выше тиулнаме трех сел.

«Из расчета мала и джахата указанного села (Куран) два тумана и 4141 динар назначены вышеупомянутому Али-беку в качестве тиула, и требование тиул-

¹⁸ მაკარ ხუბუა, стр. 170.

дара из расчета 4 динара на один динар, включая также сумму эхдаса, выражается в следующем:

Общая сумма	
24141x4=96564, из которых:	
Полдинара эхдаса, чтобы при рассмотрении тяжб денег не требовали	Остальное
12070	84494

Из приведенных тиулнаме ясно видно, что в селах, являвшихся мулковой собственностью, часть государственных доходов отдавалась другим рептополучателям. Как по упомянутому тиулнаме от 1660 года, так и по тиулнаме от 1686 года нетрудно заметить, что джизья с малоджахатом всех монастырских сел были отданы в тиул (о джизье села Тандзатап в тиулнаме ничего не говорится). А в списке налогов, которые взимались с монастырских сел, составленном при вардапете Ованпесе, читаем: «Опять цари подушный харадж села Тандзатапа на освещение монастыря отдали, чтобы харадж давали сему монастырю, и тот, кто нарушит приказ древних царей, да лишится он веры своей и отречется от своего пророка, и под проклятие попадет, станет долею сатаны и ада, и да падет на таких тысяча проклятий»¹⁹.

Не известно, когда именно джизья села была отдана монастырю, но так или иначе подобные пожалования, как уже отмечалось, в XVII веке назывались «сойюргал» и будучи раз утвержденными «ланатнаме», не подлежали изменению.

Из указа, написанного в Тавризе в 1656 году, узнаем, что еще с конца XVI века $\frac{1}{5}$ джизья, взимавшаяся с вилайета Азербайджан, была в качестве сойюргала дана роду амира Не'матулла Абдулвахоби и, переходя по наследству от поколения к поколению, расчленилась между его потомками; указом от 1704 года эти права были вновь подтверждены. Таким образом, выясняется, что в течение 150 лет $\frac{1}{5}$ джизья, взимавшаяся с про-

¹⁹ «Ժամանակագրութիւն Ստեփաննոսի Օրբէլեանի» (հավելված), էջ 44:

живавших в вилайете Азербайджан армян, в качестве сойюргала принадлежала роду упомянутого амира²⁰.

Государственные налоги с одного и того же села могли взиматься разными лицами. Даже часть данного налога могла быть отдана одному, а другая часть его — второму человеку. Таким образом, если признать, что форма исчисления налогов была везде одинаковой, то формы реализации в конкретных селах отличались друг от друга. Однако, независимо от того, в какой своей части и кем взималась государственная рента-налог, она во всех случаях предварительно исчислялась, и общая сумма всех сборов фиксировалась в дафтерах дивана. Во всех случаях эти суммы реализовывались в оптимальных размерах и один раз за несколько лет к ним приплюсовывались накладные (тафавут), возникшие вследствие упадка курса денег, и проценты (фар') за задержку выплаты налогов.

Судя по имеющимся тиулнаме, указам и прочим архивным документам относительно хамесале и танхах (денежного жалованья), большое количество которых хранится в Матенадаране, государственных архивах Армении, Грузии и Азербайджана, книгохранилищах Грузии и Азербайджана, основная часть государственных налогов жаловалась в качестве «тиула», «хамесале» или «ин'ама» феодалам, числившимся на службе государства.

В селах дивани обычно все доходы государства поступали тиулдару или другому пожалованному лицу как феодальному собственнику. Хотя у нас нет прямых данных, но, исходя из имеющихся в нашем распоряжении тиулнаме, можно заключить, что и в случае тиульного владения, если сельская община приходила к соглашению с тиулдаром — налоги могли выплачиваться не «хаст-о-будом», а из расчета «1—4»²¹. Конечно, это в основном зависело от воли тиулдара. При любой форме в тиулнаме указывались максимальные размеры ренты-налога, которые тиулдар не имел права превысить. Однако, как видно из многочисленных документов, райаты постоянно жаловались на злоупотребления тиулдаров,

²⁰ Ann K. S. Lambton, указ. соч., стр. 45.

²¹ Указы, II, док. 13.

как правило, превышавших официально установленные ставки ренты-налога. В мулковых деревнях малик, владея ими в течение длительного срока, был сам заинтересован в том, чтобы хозяйство его райатов не разорилось и поэтому не слишком часто превышал установленные обычаем ставки ренты. Однако в селах дивани, число которых в Восточной Армении было велико, особенно в тех случаях, когда несколько сел целиком в качестве тиула отдавались одному лицу, райаты фактически находились в крепостной зависимости и подвергались самому разнузданному грабежу и разорению.

* * *

Трудовое крестьянство выплачивало государству или пожалованным им лицам многочисленные налоги и подати, большая часть которых не фиксировалась в официальных списках и налоговых книгах, а будучи издавна принята, систематически взималась государственными чиновниками. Большая часть этих налогов выплачивалась продуктами, остальная часть — паличными. Однако применялся и принудительный труд и всякого рода повинности. В первоисточниках и архивных документах XVI—XVII вв. указываются следующие налоги и подати.

1. Бигар (بیگار). Повинности трудом крестьянства или райатов в отношении государства называются в первоисточниках «бигар». Этот термин имеет весьма древнее происхождение; он был известен в Иране еще до господства Сасанидов. Главное содержание этого термина — обязательный, бесплатный труд крестьян на строительстве дорог, крепостей, дворцов для высокопоставленных сановников государства или во время военных действий, в обозе. Древнее происхождение термина «бигар» позволяет предположить, что он состоит, вероятно, из отрицательной частицы «бе» в древнеперсидском языке (в современном персидском — «би») и шумеро-аккадского корня «гар» (земледелие) и означает «неземледельческий труд» и в свое время он означал труд рабов не на плантациях, а на строительстве крепостей и прочих сооружений. Следует отметить, что термин «бигар» содержит этот смысл также в указах

Сефевидского и предшествующих периодов²². Однако в указах этого периода термин «бигар» сочетается с термином «шигар» (شیکار), который выступает как термин-синоним. В. Ф. Минорский, рассматривая его как ассимилированную форму персидского слова «шекар — «шкар» (под воздействием «бигар»-а), считает, что это тот принудительный труд райатов, который они были обязаны выполнять во время охоты феодалов²³. Однако нам кажется более вероятным, что он произошел от термина «шакар» или «шахар» (شاه کار), что означало бесплатный труд, выполнявшийся для царя, шаха.

Саркаваг Закария называет принудительный труд райатов для государства арабским термином «сухра» (سخرأ), который встречается и в некоторых турецких источниках. У того же автора имеются интересные подробности относительно трудовых повинностей крестьян в период бекларбекства Амир Гуна-хана (1605—1625 гг.). Примечательно, что свидетельства о трудовых повинностях как у Закария Капакерци, так и у Закария Агулеци (1679) относятся в основном к строительству Ереванской крепости и ханского дворца²⁴.

Надо отметить, однако, что очень часто государственные чиновники во время полевых работ крестьян прибывали в село и требовали некоторое количество рабочих рук для работы в каком-либо отдаленном месте и под этим предлогом взимали с каждого хозяйства некоторую сумму — для найма других рабочих. Таким образом, зачастую «бигар» заменялся денежной податью²⁵.

2. Авариз (ءوارض) — встречается также в форме множественного числа «аваризат»²⁶ и означает «прислешствия», «случай». Под этим наименованием также подразумевался обязательный труд крестьян во время

²² Указы, I, док. 6, 8, 18, 23.

²³ V. Minorsky, A Soyurghal of Qasim Aq-Qoyunlu, 903/1498, BSOS, vol. IX, part 4, p. 950.

²⁴ Չարսրիս Սարխախագ, հ. 1, էջ 46, Չարսրիս Ազուլեցի, էջ 146:

²⁵ Չարսրիս Ազուլեցի, էջ 77, 100, 112, 113-113:

²⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 6; пап. 16, док. 108; пап. 2а, док. 6, 7, 11, 136, 40, 44; пап. 26, док. 175, 198; пап. 4, док. 41а, 41б; срав. Указы, I, док. 2, 4, 9, 10; II, док. 33.

различных происшествий, который также очень часто заменялся денежной податью.

3. Улаг и улам (اللاغ والام). Так называлась повинность крестьян, которую они выполняли, представляя своих лошадей войску и государственным чиновникам для переезда из одного места в другое. Хотя в Сефевидском Иране не было «ям»-ов, присущих ильханскому периоду, однако взамен этого гонцы двора и письменосцы («чапар») имели право требовать во всех лежащих на пути селах лошадей и других выючных животных. Во время походов крестьяне были обязаны также перевозить на своем выючном скоте грузы и снаряжение армии. Это было довольно тяжелой повинностью особенно в те месяцы года, когда выючные животные были нужны для переброски урожая с полей и молотбы. Крестьяне, сопровождая своих животных, днями и неделями отрывались от полевых работ. «Улаг» дословно означает «выючное животное» (в современном персидском — «осел»). Не выяснена этимология термина «улам», который, однако, во всех документах употребляется в качестве синонима термина «улаг»²⁷.

4. Бахраче (بهرچه)²⁸. Из налогов, выплачивавшихся натурой, в первую очередь следует отметить государственный «бахраче» («бахраче-йе дивани»), который взимался с урожая каждого года в размере $\frac{2}{10}$. Бахраче составлял основную массу присваиваемого государством прибавочного продукта. Он взимался со всех сел без исключения, кроме сел муафов, где бахраче даровался владельцу села. Как нам представляется, отождествление терминов «бахраче» и «малоджахатом»²⁹, упоминаемых во многих документах как отдельные повинности³⁰, лишено основания. Так, например, католикос Симеон Ереванци совершенно определенно разделяет эти два понятия³¹. Одновременно необходимо

²⁷ Там же, пап. 1а, док. 6, 25; пап. 1г, док. 374; пап. 2а, док. 11, 20а; срав. Указы, I, док. 9, 18, 23.

²⁸ Там же, пап. 1а, док. 25; пап. 1б, док. 139; пап. 2а, док. 2, 56; пап. 2б, док. 107а, 107б, 125.

²⁹ См. И. П. Петрушевский, Очерки..., стр. 267.

³⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2б, док. 107а, 125.

³¹ «Զմեր», стр. 144, 159 и т. д.

отметить, что в документах большей частью подчеркивается, что «бахраче» или «бахра» почти исключительно взимались продуктами³², в то время, как мы увидим ниже, «малоджахат» часто взимался деньгами.

5. Мал (مال) — варианты: «маллийе» (مالیه), «маллийат» (مالیات)³³, арабск. «имущество», «богатство». Налог «мал» существовал еще во времена монгольского господства. По А. Манандяну, в этот период «мал» считался земельным налогом и налогом на собственность³⁴. Ныне уже неоспоримо, что этот налог имеет более древнее происхождение и относится к эпохе халифата. В то время и в последующие века государственную казну называли «бейт-ул-мал-е муслимин» (بيت المال مسلمين); а основной налог, взимавшийся в пользу казны, именовался «харадж». Во времена халифата и позднее налоговые ведомства вообще назывались «дававин-ал-амвал», т. е. «ведомство мала». Вероятно, и здесь наименование налога произошло от «бейт-ул-мала». Это явление весьма характерно для налоговых терминов: наименования большей части налогов показывают с какой целью или для кого они взимались.

Из имеющихся многочисленных документов явствует, что «мал» являлся в сефевидский период основным налогом, взимавшимся с крестьян; его брали с домов, садов, мельниц, дангов, маслобоен, плугов, крупного рогатого скота, домашней птицы, ульев и прочего доходного имущества как продуктами, так и наличными деньгами³⁵.

6. Дж а х а т (جهات), арабск. «стороны», «места». Начиная с XV века вместе с налогом «мал» обычно упо-

³² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 56.

³³ Там же, пап. 1а, док. 77; пап. 1г, док. 248; пап. 2б, док. 193; срав. Указы, II, док. 29.

³⁴ Հ. Մանանդյան, Գնահատման տեսություն հայ ժող. պատմության, Կ. III, էջ 27.

³⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 10, 18, 32, 87, пап. 1г, док. 358, 376; пап. 1д, док. 452, пап. 2а, док. 6, 7, 22, 28, 45, 52; пап. 2б, док. 107а, 107б, 198, 234 и т. д. Указы, I, док. 2, 4, 12, 20; II, док. 2, 13, 39.

минается также «джахат», который, как видно, взимался за все обрабатываемые площади села. В некоторых источниках и документах этот палог называется также «манал—*ممانال*» (достояние), что, однако, употребляется очень редко.

Важным налоговым термином является термин «малоджахат», который отмечается в первоисточниках начиная со второй половины XIV века и сохраняется до начала XIX века. И. П. Петрушевский полагает, что «малоджахат» не является соединением двух разных налогов, что это один налог и, как было отмечено выше, отождествляет его с «бахраче»³⁶.

В одной из наших статей, посвященной изучению технического значения «малоджахата», мы стремились показать, что указанная трактовка не является бесспорной³⁷. Изучение земельно-налоговой терминологии привело нас к выводу о недостаточности в целях исследования системы палогов данных нарративных источников, где различные налоговые термины упоминаются, как правило, без квалификации. Известно, что взимавшиеся с населения налоги подробно характеризовались в диванских дафтарях (*دفاتر توجیه*), которые, однако, не дошли до нас, вернее, таковые до сих пор не опубликованы.

Однако подробные списки налогов, взимаемых с отдельных объектов, как мы видели выше, приводятся в виде выписок из этих дафтаров в сефевидских указах, составлявшихся в связи с выдачей жалования государственным чиновникам, военнослужащим и духовенству (тиул, хамесале, танха-е маваджиб и т. д.) или по ряду других поводов. В этих указах отмечено, какую сумму должен получить тахсилдар, тиулдар или хамесаедар с данного села или с другого податного объекта, а также какая часть общей суммы приходится на долю каждого налога.

³⁶ И. П. Петрушевский, *Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков*, М.—Л., 1960, стр. 374.

³⁷ А. Д. Папазян, К вопросу о техническом значении налогового термина «Малоджахат», *Известия АН Арм. ССР*, серия общ. наук, № 2, 1961.

В архивных фондах Матенадарана имеются многочисленные подобные указы, которые в своем большинстве относятся к XVII—XVIII вв. Наиболее интересны уже знакомые нам два тиулнаме второй половины XVII века, сохранившиеся в архиве Татевского монастыря³⁸. Эти указы убедительно свидетельствуют о том, что хотя в большей части источников малоджахат упоминается в качестве одного единого налога, однако он содержит в себе два разных налога—«мал» и «джахат», причем напротив каждого из них в налоговых книгах записаны отдельные суммы.

Из указа шаха Аббаса II, данного настоятелю Татевского монастыря вардапету Ованнесу в месяце джумада I 1071 года хиджры (2—31 января 1661 г.) выясняется, что тиулдар монастырских сел Такаббур-султан должен был получить с села Агакянди (Аганц) 24741 динар, из коих 19497 динаров в счет малоджахата, а 5244 динара—в счет тафавут-е джизья. Затем из 19497 динаров малоджахата 16664 динара записаны в качестве мала, а 334 динара—в качестве джахата, остальные 2499 динаров—проценты, набежавшие на мал. Монастырское село Свари (Сваранц) выплачивало тому же тиулдару 29138 динаров, из коих 11750 динаров в счет малоджахата и 17388 динаров в счет тафавут-е джизья. Из 11750 динаров в счет малоджахата, 1500 динаров представляли собой проценты за мал, а 10250 динаров—основную сумму, из коей 10000 динаров записаны как мал, а 250 динаров—в качестве джахата.

Более интересен, однако, указ, данный шахом Сулейманом в месяце зихаджа 1097 года хиджры (19 октября—16 ноября 1686 г.), в котором суммы, получаемые тиулдаром с восьми монастырских сел, записаны раздельно против мала, джахата и тафавут-е джизья. Здесь даже не дана общая сумма мала и джахата, а в некоторых случаях сумма джахата даже приплюсована к дру-

³⁸ Матенадаран, *Диван католикоса*, пап. 2а, док. 22; пап. 2б, док. 107а. Фотокопии этих документов, расшифрованный текст оригиналов и русский перевод даны нами в конце указанной статьи.

гим налогам, как, например, к тафавут-е джизья или бахраче³⁹.

По этому указу вышеупомянутые 8 монастырских сел выплачивали своему триулдару в числе других налогов:

1. Агакянди	— мал	16664 дин., джахат	— 402 дин.
2. Тандзатап	»	4784 »	» 96 »
3. Борди	»	14520 »	» 300 »
4. Свари	»	10000 »	» 287 »
5. Тех	»	16800 »	» 499 »
6. Киц	»	15091 »	» 1228 »
7. Кешишкянди	»	1820 »	» 51 »
8. Ехенг	»	20000 »	» 575 »

Таким образом, становится ясным, что еще в конце XVII века в налоговых книгах против мала и джахата записывались отдельные суммы, и если в указе 1661 года дана общая сумма малоджахата, с указанием того, какую часть этой суммы составляет мал и какую джахат, то в указе 1686 года общая сумма малоджахата не приведена вовсе и мал и джахат выступают в качестве совершенно независимых друг от друга повинностей.

Что касается технического значения термина «джакхат», то надо отметить, что большая часть фактов гово-

³⁹ Особенно важны данные относительно исчисления налогов (бараворд — *دواورد*). Здесь также предварительная сумма налога «мал» умножена на четыре, и результат записан как основная сумма (*اصل*). Примерно $\frac{1}{4}$ этой суммы, как уже было нами отмечено записывалась в качестве триулдара за рассмотрение возникших между райатами тяжб и споров и называлась «полдипара эхдаса». Далее к основной сумме приплюсовывались ее 15 процентов, или, как сказано в документе, «одна и половина от десяти», и вся сумма единовременно взималась с райатов.

С этой точки зрения примечательна следующая резолюция на армянском языке, сделанная на этой копии указа шаха Сулеймана: «Это копия указателя бирадорта сел Борди, Аганц, Тандзатап, Киц». Сохранилась и другая, довольно неграмотная копия этого указа (нап. 26, док. 1076), на которой также написано: «это копия указа бирадорта Сваранца и других сел».

По всей вероятности, эта форма исчисления налогов называлась на месте по-азербайджански «бирадорд», что означает «четыре к одному».

рит о том, что он являлся поземельным налогом. Иначе говоря, после XV века он сменил термин «харадж». В источниках XIII—XIV вв., как это справедливо отмечает И. П. Петрушевский, мал всегда упоминается вместе с хараджем, в форме «мал-у-харадж»⁴⁰. Однако это явление им рассматривается как сочетание синонимов. Нам же кажется, что его надо рассматривать в качестве такого сочетания, каковым стало позднее сочетание терминов мал и джахат. Совместное упоминание этих двух терминов характерно также для тех указов XV века, которые написаны на основе указов предыдущего столетия и в которых все еще господствует старая терминология. Так, например, в указах, данных Татевскому монастырю султаном Джаханшахом Кара-Койюнулу от 853 года хиджры (1449 г.) и Хасаном-Али Кара-Койюнулу от 872 года хиджры (1468 г.), читаем: «Не брать с его посевов, урожая и пахотных земель мал и харадж»; или: «...не брать мала и хараджа с посевов и пахотных земель их и связанных с ними людей»⁴¹.

Однако уже начиная с XV века постепенно в источниках и документах повсюду выражение «малохарадж» заменяется «малоджахатом». Достоин внимания и такой факт, что как в вышеупомянутых указах, так и в указах шаха Исмаила от 908 (1503 г.) и 912 гг. (1506 г.) хиджры «джакхат» употреблен в смысле пахотных земель или посевов. Не заменил ли он в том же смысле «харадж»? Ведь из приведенных выше фрагментов можно заключить, что харадж взимался с пахотных земель или с посевов, иными словами, с «джакхата», а мал взимался со всякого рода имущества.

Несомненно, указанные факты не дают еще полного основания утверждать, что термин «джакхат» является синонимом существовавшего ранее термина «харадж», хотя такое предположение кажется весьма вероятным. В то же время не подлежит сомнению, что термин «джакхат» обладал самостоятельным содержанием.

7. Джизья (*جزیه*). Так назывался налог, который взимался наличными деньгами с проживавших в

⁴⁰ *مال و خراج* См. И. П. Петрушевский, указ. соч., стр. 373.

⁴¹ Указы, I, стр. 247—250, *از مزروعات و ارتغاعات و جهات او*, *مال و خراج نطلبند. از مزروعات و جهات ایشان و متعلقان مال و خراج نگیرند*

пределах Сефевидского государства христиан и евреев. Этот налог существовал со времен арабского владычества, а затем продолжал взиматься в период господства в Армении сельджуков, монголов и их преемников—вплоть до конца XVIII века. В некоторых документах этот налог называется «харадж-е саране» — خراج سرانه (подушная подать), или просто «харадж»⁴².

Начиная с XV века параллельно с термином «джизья» в документах и прочих первоисточниках начинает появляться термин «тафавут-е джизья» — تفاوت دجيزيه (разница джизьи). Иногда встречаются оба термина вместе, в форме «джизья и тафавут-е джизья», а иногда один из них или другой. «Тафавут-е джизья» — это надбавка на взимавшийся с иноверцев подушный налог, которая один раз в несколько лет, после всеобщей переписи, добавлялась к самой «джизье» или к основной сумме («асл-е اصل»). Но, как мы уже отмечали, эти накладные суммы всегда указывались отдельно и взимались в качестве отдельных повинностей. Однако случалось, что «разница» была столь велика, что превышала основную сумму; в этом случае общая сумма взимавшегося с села подушного налога называлась «тафавут-е джизья» — как это явствует, в частности, из списков налогов с принадлежавших в XVII веке Татевскому монастырю сел.

По уже знакомому нам указу шаха Аббаса II, «тафавут-е джизья» имела предварительную сумму, которая, видимо, была собственно джизьей; к ней добавлялась $\frac{1}{3}$ этой же суммы в качестве разницы в курсе денег (тафавут). Сумма этих двух сумм записана как «основная сумма» тафавут-е джизья, к которой также прибавлены ее 15 процентов. Однако в указе шаха Сулеймана тафавут-е джизья имеет только предварительно определенную сумму (мукаррар), которая, согласно тому же исчислению, в разных селах получала начисления разной величины, что также является следствием колебания курса денег. Таким образом, указанные документы позволяют утверждать, что и «тафавут-е джизья», которая в первоисточниках упоминается в ка-

честве лишь единовременного подушного налога, в налоговых списках обладает довольно сложным составом⁴³.

Подушная подать, взимавшаяся с райатов, занимала в государственном бюджете Сефевидской державы чрезвычайно важное место; иногда случалось, что этот налог составлял более половины общей суммы всех взимавшихся с села налогов. Главная причина этого в том, что если другие налоги (мал, джахат, бахраче и т. д.) взимались в соответствии с обрабатываемой площадью или величиной и богатством данного хозяйства, то джизья не определялась этим и взималась с каждого совершеннолетнего райата-армянина — в высшей, средней и нижней ставках (اعلى، اوسط، ادنى) в зависимости от его состояния. Понятно поэтому, сколь тяжелым было положение армянского крестьянина-труженика, который отдавал часть своего достатка в качестве земельного налога и довольно значительную долю своего дохода — в качестве «джизьи» или «тафавут-е джизьи», выплачиваемой в деньгах.

8. Эхдас (احداث). Дословно означает «возникнуть», «появиться», «иметь место»; встречается также в форме причастия «мухдис» (محدث)⁴⁴. Это та повинность, которую взимали в городах хакиды, а в селах — даруга, тиулдары государственных налогов и зачастую также забиты и мустаджиры — с крестьян, когда между ними возникали тяжбы и споры, рассматриваемые указанными лицами. Искандар Мунши, описывая богатство и роскошь города Тавриза, пишет, между прочим, что шах Тахмасп создал для жителей этого города все возможности для богатой и зажиточной жизни, и добавляет, что шах освободил их от подати «эхдас» («расм-эхдас»); для того, чтобы рассмотреть возникающие между ними споры, был назначен «кази эхдаса» с тем, чтобы даруга не собирали для этого подати; а виновные в нарушении этого установления подвергались только шариатским наказаниям (религиозные кары)⁴⁵. А в селах, как это видно из нескольких тиулнаме XVII века,

⁴² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 3; пап. 1г, док. 354, 358; пап. 2а, док. 6, 7; пап. 2б, док. 112 и т. д.

⁴³ Там же, пап. 2а, док. 22, пап. 2б, док. 107а.

⁴⁴ Там же, пап. 1а, док. 32; пап. 2а, док. 11.

⁴⁵ تاريخ عالم‌ارای عباسی، т. I, стр. 308.

в аббаб-е джам'е всех государственных палогов, взимающихся с данного села, для этой подати предусматривалась особая сумма, которая, как это было показано выше, примерно была равна $\frac{1}{8}$ общей суммы «мал»-а.

9. Чобан-беки (چوبانبيگي).⁴⁶ Денежный налог, взимающийся с мелкого рогатого скота, который в Араратской стране и Грузии назывался также «кодав» (کداو).⁴⁷ Этот налог, который больше относился к «илат»-ам (кочевникам), был значительно более легким, чем мал и, в особенности, дживзья. Так, например, из одного указа ереванского Кейхосров-хана от 1649 года узнаем, что в те годы в Араратской стране с каждого жершова мельницы и маслобойни и каждой лозы виноградника взимались 1587 днаров, а с каждой овцы—2,35 динара.

10. Даругеги (داروغگی). Подать, которая взималась в пользу даруга данного махала (главного полицейского начальника и сборщика налогов). Обычно подати, которые собирались в пользу того или иного чиновника, назывались «расм— رسم» (мнж. «русум—رسوم», в двойной множественной форме—«русумат—رسومات»), что означает «принятый порядок», «обычай». Поэтому эти подати в некоторых источниках встречаются в форме «русум-е даругеги—رسوم داروغگی».⁴⁸

11. Вазираге (وزیرانه) или «расм-ал-визарат»⁴⁹. Так называлась подать, которая взималась в пользу областных и окружных везиров. В Восточной Армении она взималась в пользу везира Ереванского бекларбекства и везира Азербайджана, резиденция которого находилась в Тавризе.

12. Ихраджат (اخراجات). Дословно означает «внешние». Встречается также в форме «хариджийат» (خارجيات) и «садирийат» (صادريت). Под этими наименованиями понимались все те повин-

ности, которые не предусматривались в палоговых списках, однако крестьяне были обязаны выплачивать их государственным чиновникам и высокопоставленным проезжающим лицам, которые останавливались в данном селе. Таким образом, «ихраджат» не был отдельным налогом, а суммой многочисленных налогов и податей, включая большую часть налоговых сборов и податей, которые перечисляются ниже.

13. Ихраджат-е кал'э (اخراجات قلعه). Налоги, которые крестьяне были обязаны выплачивать войскам гарнизонов ближайших крепостей⁵⁰.

14. Заре-черик (زر چريک). Упомянут только в указе шаха Исмаила, данному настоятелю монастыря Хавуц-тар вардапету Закария в 1505 году⁵¹. Дословно означает «деньги для ополчения». Возможно, это был специальный сбор наличными деньгами с райатов, которые не призывались в войско; возможно также, что он взимался во время военных походов, когда собирался «черик» (или ополчение кочевников).

15. Сурсат (سورسات). Встречается также в формах «сурусат» (سوروسات) и «союрсат» (سيورسات).⁵²

Так назывались те обязанности, которые возлагались на крестьян во время военных походов; они выплачивались, главным образом, большим количеством пшеницы и прочими продуктами. Помимо того, что райаты были обязаны в самый короткий срок дать требуемое количество пшеницы и других продуктов, они одновременно принуждались перебросить эти продукты на собственных вьючных животных и передать в «орду» (стан) представителям той или иной воинской части⁵³.

16. Нзул (نزول), арабск. «останавливаться». Под этим наименованием подразумевалась обязанность крестьян снабжать продуктами останавливавшихся в их деревне высокопоставленных чиновников или иностранных посольства с их свитами.

17. Савари (ساورى). Так называлась подать,

⁴⁶ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 81а, 81б; пап. 1г, док. 392, 414; пап. 4, док. 41а, 41б, и т. д. Указы, II, док. 34, 36.

⁴⁷ См. *Գաղթի ժողովրդի*, стр. 171—177.

⁴⁸ Н. Busse, Untersuchungen zum Islamischen Kanzleiwesen, Kairo, 1950, Urk. 20. Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР, дело А, 224, док. 5.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 11.

⁵¹ Указы, I, док. 9.

⁵² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 26, док. 162, 181.

⁵³ Там же.

которую взимали местные феодалы с райатов, когда шах со своей свитой проезжал через управляемый им вилайет или бекларбекство и останавливался где-либо в их пределах. Бекларбеки и ханы собирали «савари» и в том случае, когда прибывало иностранное посольство, направлявшееся к шахскому двору и останавливавшееся на простой в данном бекларбекстве на несколько дней, а зачастую недели и месяцы, пока из Исфагана поступало распоряжение о препровождении их в столицу. В течение всего этого времени послы и их свита кормились за счет взимавшегося с окрестных сел «изула» и «савари»⁵⁴.

18. Копалга (قنلغه)⁵⁵. На джагатайском языке означает «стоянка». Так называлась обязанность оказывать гостеприимство государственным чиновникам, гонцам двора и прочим лицам, совершавшим поездки по официальным делам. Крестьяне были обязаны принять их, устроить, кормить, ухаживать за их конями и удовлетворять все их требования. Очень часто случалось, что в небольшом селе останавливались более 50—100 всадников и в каждом доме жили днями 4—5 воинов, которые подобно саранче уничтожали жалкие запасы пшеницы и корма крестьян, пожирали домашнюю птицу. В армянских источниках эта повинность именуется «бранахюр» (բրահյւր) («гость насильно»).

19. Алафе-улуфе (علقه ەلوفه). Этот термин состоит из форм единственного и множественного числа арабского слова «алаф—علق» (сено). Как показывает само значение слова, это была подать, которую останавливавшиеся в селе чиновники взимали для прокорма своих коней. Это, конечно, первоначальный смысл термина, но, как видно из многочисленных документов XVI—XVIII вв. и нарративных источников, под этим названием понимались также и многие иные расходы на государственных чиновников, которые прибывали в данное село со специальным поручением⁵⁶.

⁵⁴ ذاردخ عالم‌اراي عباسی، т. II, стр. 720—721.

⁵⁵ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 6; пап. 2а, док. 11, 136, 20; см. также Указы, I, док. 8, 9, 10.

⁵⁶ Там же, пап. 2а, док. 8, 11, 13, 20а, 70а, 70б, 70г; Չարարիս Ազուլիցի, стр. 140; Указы, I, док. 6, 8, 18.

20. Хидматане (خدمتانه). Дословно означает «за службу». Как видно из одного указа шаха Сулеймана от 1668 года, который написан в связи с прошением татевского вардапета Ованнесса, и свидетельства Закария Агулеци, в «Дневнике» которого эта подать именуется по-турецки «гуллуг», «хидматане» взимался чиновниками, направленными в данное село, в качестве платы за ту службу, которую они выполняли в этом селе, занимаясь налоговыми и прочими делами райатов⁵⁷.

21. Мохлатане (مهل‌تانه). В вышеупомянутом фермане шаха Сулеймана встречаем и этот термин, который дословно означает «за время». По всей вероятности, когда государственные чиновники прибывали в село для получения налогов, а крестьяне запаздывали с выплатой их, то за задержку чиновники имели право требовать с райатов определенную сумму, или, получив определенную сумму, предоставляли райатам дополнительное время для сбора и выплаты налогов.

22. Намордар (نامردار). Этот термин сохранился только в указе шаха Исмаила I от 1505 года Закарию-вардапету в Хавуц-таре⁵⁸. Судя по этимологии слова, согласно которой этот термин составлен из отрицательной частицы «на» и слова «мордар» («нечестивый»), надо полагать, что это была та подать, которую требовали с райатов обосновавшиеся в армянских селах военные и чиновники за то, что они были вынуждены остановиться в доме христианина и, едя его хлеб, «бесчестили» или «загрязняли» себя. Эту сумму они якобы должны были расходовать на такие цели, чтобы искупить свои грехи и очиститься от этой «нечестивости».

23. Пишкаш (پيشکش). Означает «подносить», «дарить». Это были подати, которые под видом подарков требовались с населения или, вернее, с сельской общины; райаты систематически были обязаны в течение года по праздничным дням, в связи с именинами феодала, женитьбой, рождением его детей и прочим поводам подносить феодалу подарки. Такие «подарки» получали также тиулдары, забиты и те официальные лица,

⁵⁷ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 2а, док. 70а, 70б, 70г. Չարարիս Ազուլիցի, стр. 39, 90, 94, 121 и т. д.

⁵⁸ Указы, I, док. 9.

которые являлись непосредственными правителями райатов данного села⁵⁹.

24. Саламане (سلامانه), или салами (سلامی)⁶⁰, встречается также в форме множественного числа «саламат» (سلامات),⁶¹ что можно перевести как «плата за знакомство». Так назывались те подати, которые райаты выплачивали новоназначенным чиновникам или тиундарам, когда впервые представлялись ему и желали «добро пожаловать».

25. Эйди (عیدی). «Подарки», которые систематически преподносились феодалу и различным старшим или младшим чиновникам по случаю отмечавшихся в течение года различных народных или религиозных праздников («эйд-е фетр», «эйд-е гадир», «эйд-е горбан» и т. д.)⁶².

26. Новрузи (نوروزی). Подать, собираемая под видом подарков в связи с новым годом—весной каждого года (22 марта)⁶³.

27. Тарх (طرح). Этот термин чаще встречается в указах XVI и предшествующих веков⁶⁴. Однако, как видно из одного свидетельства Закария Агулеци, он применялся и в XVII веке, хотя и подвергся метатазе и превратился в «тахр»⁶⁵—подобно многим другим персидским терминам. Так, например, «мухасиб» (счетовод) превратился в «мусахиб», «маблаг» (сумма)—в «маглаб», «Магсуд» (имя собственное)—в «Масхуд» и т. д.⁶⁶.

Тархом называлось принуждение райатов уступать по ничтожной цене какой-либо товар должностным лицам или, наоборот, покупать у них какой-либо товар по

⁵⁹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 6, 49; пап. 1г., док. 374; пап. 2а, док. 11, 136, 40; Указы, I, док. 9, 10; II, док. 19, 33.

⁶⁰ Там же, пап. 1а, док. 6; пап. 2а, док. 11, 136; пап. 26, док. 107а, 107б; Указы, I, док. 9, 10.

⁶¹ Там же, пап. 2а, док. 44.

⁶² Там же, пап. 1а, док. 62а; пап. 26, док. 107а, 107б и т. д.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же, док. 25; пап. 2а, док. 20а, 40, 44.

⁶⁵ Չարարիւ Ազուրեցի, стр. 89.

⁶⁶ Չարարիւ Ազուրեցի, стр. 99, 105, 153 и т. д.

высокой цене⁶⁷. Так, Закария Агулеци рассказывает о том, как в 1670 году везир Азербайджана Мирза Ибрагим отправил в Агулис 40 литров шелка и принудил агулисцев купить его по цене 12.500 динаров за литр, между тем как литр лучшего шелка стоил в то время 8000 динаров. Хотя агулисцы послали к везиру человека и всячески пытались избавиться от этой неравной сделки, но ничего не вышло, а в течение всего того времени, пока шли переговоры, посланные везиром люди (13 человек) жили у агулисцев, что очень дорого обошлось им. В конце концов агулисцы были вынуждены купить шелк, и, по подсчетам Закария Агулеци, община Агулиса понесла в этой торговле ущерб в 20 туманов (200.000 динаров). «Как затраты и расходы на служебные дела, так и продажа шелка за низкую цену причинили агулисцам и даштцам 20 туманов убытка,—пишет Агулеци.—Через 8 месяцев приехали посланцы от везира и получили деньги за шелк»⁶⁸.

28. Дастандаз (دست‌انداز). Этот термин упоминается в ряде документов Матенадарана, относящихся к XV—XVII вв.; обычно он приводится вместе с «тархом»⁶⁹. Судя по этимологии слова (даст—рука, андаз—бросающий) и исходя из этого факта, что во многих документах «дастандаз» признается незаконным, недопустимым требованием, надо заключить, что «дастандаз» означало незаконным образом «протянуть руку» к имуществу райатов и пытаться каким-либо путем присвоить его или вообще заниматься вымогательством.

29. Шлтагат (شلتاقات). Встречается также в форме единственного числа—шлтаг, означает «клеветать», «взваливать вину на кого-то», «лживое обвинение». Как показывает этимология термина, под этим наименованием подразумевались те незаконные подати, которые взимались с райатов государственными чиновниками под всякого рода сфабрикованными ими же и

⁶⁷ А. Д. Али-Заде, Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1966, стр. 244—246.

⁶⁸ Չարարիւ Ազուրեցի, стр. 68. Русский перевод, стр. 76.

⁶⁹ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 6 и 25; пап. 16, док. 169; пап. 1г, док. 246; пап. 2а, док. 11, 136, 20а, 40 и 44; пап. 4, док. 416; Указы, I, док. 9, 10, 16, 23; II, док. 33.

надуманными предложениями. С этим термином часто употреблялся термин «شناقصات — шанакисат» (нарушения), упоминание которого сразу же после термина «шлтагат» показывает, что подати, взимавшиеся под этим названием, считались незаконными. Однако исключительно широкое употребление термина «шлтагат» как в нарративных, так и особенно в архивных первоисточниках⁷⁰ позволяет утверждать, что подати этого порядка всегда в больших размерах взимались с райатов.

30. Вджухат (وجوهات), таваджджухат (تو، متوجهات) мутаваджджехат-е дивани (متوجهات، ديوانی) хокук-е дивани (حقوق ديوانی) и такалиф-е дивани (تكاليف ديوانی)—под этими наименованиями вообще подразумевались все те налоги и подати, которые райаты были обязаны выплачивать верховному дивану. Однако надо отметить, что под терминами «вджухат», «таваджджухат» и «мутаваджджехат-е дивани», в основе которых лежит арабское слово «ваджх—وجه» (сумма), преимущественно понимались те налоги, которые выплачивались деньгами. Налоги же «хокуке дивани» выплачивались главным образом продуктами, в то время как «такалиф-е дивани» (диванские обязательства) скорее всего были всякого рода обязанностями, которые выполнялись, в частности, принудительным трудом райатов.

* * *

Таким образом, не трудно представить, какова была степень феодальной эксплуатации и сколь невыносимым положением трудового крестьянства, изнывавшего под бременем многообразных налогов и податей.

Однако это было не все. Трудовое крестьянство подвергалось эксплуатации также со стороны представителей феодализировавшейся общинной верхушки. Сельские старосты, танутеры, кядхуда и другие, помимо традиционных отчислений в их пользу за исполняемые ими в общине функции по сбору налога и т. д., посредством

⁷⁰ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 16, док. 169; пап. 1г, док. 246, 251, 198; пап. 2а, док. 11, 13, 20а, 52 и т. д.

различных махинаций и злоупотреблений грабили и присваивали средства общины, взимали с райатов специальные подати, которые назывались «русум-е кядхудаи» (رسوم کندخدايي). В одном документе относительно выборов сельского кядхуда довольно ясно сказано, что кядхуда должен «взимать подати за эту должность только в принятых в вилайете размерах»⁷¹. В другом акте, который скреплен печатями шести имущих райатов Агулиса, также отмечается, что райаты квартала Нуриджан Агулиса обязуются в качестве годового жалованья новоизбранного кядхуда Тевана, сына Маджнуна, выплатить за него его долю малоджахата за этот год⁷².

Армянское трудовое крестьянство имело обязанности и в отношении церкви, которые были столь же обязательны, как и другие налоги. Свои права в отношении армянского трудового крестьянства главы армянской церкви утверждали и закрепляли шахскими указами и «рагамами», в которых армянским райатам строго предписывалось неукоснительно выплачивать служителям церкви издавна принятые подати. Ферманы подобного содержания, относящиеся как к Эчмиадзинскому монастырю, так и к монастырям Гандзасара, Татева, Дарашамба, апостола Фомы в Агулисе, апостола Тадевоса в Маку, св. Спасителя в Хавуц-Таре и прочим, в большом количестве хранятся в фонде Дивана католикоса Матенадарана⁷³. К их числу относится, например, указ шаха Султана-Хусейна от 1700 года, к которому приложено заявление католикоса Есаи Хасан-Джалаляна, адресованное шаху. Из этого документа выясняется, что католикос Есаи специальным заявлением просил шаха, чтобы тот отдал распоряжение бекларбекам Ширвана, Карабаха, Закама собрать с армян этих местностей ту часть налогов, которые они задолжали предыдущему католикосу—Еремии. Шах незамедлительно отдал распоряжение бекларбекам Ширвана и

⁷¹ Там же, пап. 2а, док. 126.

⁷² Матенадаран, Диван католикоса, пап. 26, док. 193.

⁷³ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 13, 20, 26, 32, 56; пап. 2а, док. 11, 136, 134; пап. 26, док. 111 и т. д. Указы, I, док. 10, 16, 22; II, док. 2, 17, 22.

Карабаха и хакиму Кахети проверить факты, и если местные армяне не полностью выплатили церковные подати, немедленно собрать их и отдать католикосу Есаи⁷⁴.

Церковные подати делились на три группы, о которых довольно подробно говорится в кондаках католикосов Акопа Шамахеци и Симеона Ереванци; эти данные историк Лео приводит в третьем томе своей «Истории Армении»⁷⁵. Вот эти три группы налогов и податей:

1. Патриаршья подать, которая выплачивалась католикосам (в Восточной Армении—Эчмиадзину и Гандзасару).

2. Епископская подать, выплачиваемая предводителям отдельных общин и тем монастырям, паствой которых были жители этих сел.

3. Иерейская подать, которая выплачивалась священниками за отправленные ритуалы рождения, крещения, брака, похорон, поминок и прочие церемонии.

Из имеющихся документов выясняется, что выплачивавшаяся Эчмиадзину подать за «миро», а также подати «птги», «гандзанак», «карасник», «ктак», «аторамас», «кнкадрам», «когопут» (подать на одеяние епископов), «теарнакан», «хачорхнек» и прочие полностью взимались наличными деньгами. Это ясно видно хотя бы по списку церковных податей, которые взимались в XVII веке с армянских сел, жители которых входили в паству Татевского монастыря; список их опубликован в знакомом нам приложении «Хроники» Степаноса Орбеляна⁷⁶. В этом списке рядом с большей частью сел отмечено, сколько динаров обязано выплатить данное село монастырю. Закария Агулеци записывал в 1669 году в своем дневнике: «1669 г. 7 августа, Агулис. Сегодня заместитель Эчмиадзинского престола, архимандрит Микаел, прибыл в Агулис в качестве нвирака. Католикос Акоп все еще находился в Стамбуле, ввиду возникших там неурядиц. Засим заместитель [престола] приехал из-за подушного налога, который платил каждый армянин в размере 20 диан Эчмиадзину. Уже три года не

⁷⁴ Там же, пап. 26, док. 134.

⁷⁵ Ца. Հայոց պատմութիւն, т.3, стр. 135-136.

⁷⁶ «Ճամանակագրութիւն Ստեփաննոսի Օրբելեանի» (հավելում), стр. 41-43.

собирался сей налог. Он прибыл и собрал за три года с души по 60 диан»⁷⁷.

Мы не ставим целью подробно анализировать здесь церковные подати, которые хотя по своим размерам не могли сравниться с государственными налогами, однако, как было сказано, также были обязательны, и духовенство реализовывало их в оптимальных для себя размерах посредством и морального, и административного принуждения. Считаем не лишним перечислить здесь только те несколько персидских и турецких терминов, сохранившихся в шахских указах, которые относятся к взимаемым с армянских райатов церковным податям⁷⁸ и в этом значении не отмечались исследователями.

1. Русум (رسوم). Подати, взимаемые в пользу духовенства, как и в пользу различных должностных лиц, кядхуда и прочих, назывались «русум» (единств. число—«расм»). Под этим термином понимались все подати, вместе взятые, которые выплачивались данному монастырю или церкви.

2. Талибане (طالبانه). В источниках «талибани» (требователь, истец) называют верующих данной общины. Судя по одному указу шаха Сафи от 1634 года, который гласил, что проживавшие в Кашатаге армяне подчинялись Эчмиадзину, а не Гандзасару, можно полагать, что термин «талибане» преимущественно относился к податям, которые взимались с данной паствы в пользу посланцев (нвираков), прибывших из Эчмиадзина⁷⁹.

3. Назр (نذر). Выплачивался в том случае, когда какой-либо верующий заранее обещал определенную сумму или прочий дар какой-либо святыне. Этот термин мусульманский и соответствовал «хостмунк»—у патриаршей подати⁸⁰.

4. Закят (زكاة). Возможно, что он выплачивался в размере $\frac{1}{40}$ дохода, поскольку «закят» у мусульман выплачивался именно в этом размере. Эта по-

⁷⁷ Չարիրիս Ազուրեցի, стр. 86.

⁷⁸ Матенадаран, Диван католикоса, пап. 1а, док. 13, 26, 57; пап. 2а, док. 6, 7, 11 и т. д. Указы, I, док. 2, 4, 17; II, док. 17, 22.

⁷⁹ Указы, II, док. 22.

⁸⁰ Указы, I, док. 2 и 4.

дать соответствует «карасник»-у и «србадрам»-у из епископских податей⁸¹.

5. Хумс (خمیس). Дословно означает «пятая часть». Из одной купчей XV века можно предположить, что «хумсом» назывался «итги»⁸².

6. Хакк-лиллах (حکة لله). Означает «божье право» (читай: «во имя бога»). Этот термин употребляется вместе с «закятом» и почти в том же смысле⁸³.

7. Чраглыг (چراغلق). По-турецки означает «за освещение». Вероятно, речь идет о подати, выплачиваемой ризничему церкви⁸⁴.

Внимательное рассмотрение перечисленных выше многочисленных налогов и прочих повиностей трудового крестьянства в отношении государства и его чиновников убеждает, что та часть налогов и податей, которая не входила в «абнаб—джам» взимаемых с сел налогов, была более тяжелой и взималась с райатов в качестве чрезвычайных налогов, обрекая их на нищету. В «Дневнике» Захария Агулеци часто встречаем подобные упоминания: «1670 г. 12 апреля. Из Тавриза от Мирзы-Ибрагима приехал в Агулис даруга, по имени Аликули-хан, в сопровождении десяти всадников и пробыл здесь 20 дней. Заплатили ему 5 туманов кулуха, после чего он уехал. Его пребывание обходилось нам ежедневно 5000 динар»⁸⁵. Или: «1670 г. 5 июня. Сегодня прибыл из Тавриза в Агулис от Мирзы-Ибрагима даруга, по имени Баграм-бек, для сбора малоджахата. Он был сопровождал 20 всадниками и остался 9 дней, причем его пребывание нам обходилось ежедневно один туман. Затем он взял 17 туманов кулух и отправился в другие участки (хассы), ибо все 5 участков находились во владении (в забте) Мирзы-Ибрагима»⁸⁶.

Как видим, по различным поводам государственные чиновники и сборщики налогов (тахсилдары, мубашпиря, мумаййизы, ма'муры, шатиры, даруга и т. д.) большими

группами (по 10—20 и более всадников) прибывали в село, днями и неделями оставались в них, взимая с райатов подати, грабя и разоряя их. Поэтому крестьяне предпочитали собственными средствами перевезти выплачиваемые им в качестве налога зерно и прочие продукты в указанное место к приезду в село специальных чиновников. В записках Захария Агулеци читаем: «В 1675 г. Агулис находился во владении (в забте) везира Азербайджана Мирзы-Ибрагима. В этом году агулисским меликом состоял Мелик-Ови. В этом году мелики селений хасс отправились в Ереван, виделись с Мирза-Ибрагимом, понесли ему несколько туманов в подарок и просили, чтобы в этом году он не прислал даругу. Он согласился».

Следовательно, сельская община даже была готова заранее дать некоторую сумму своему тиулдару или забиту—лишь бы в село не направлялся даруга, визиты которого им обходились очень дорого. В течение года стоимость их составляла примерно 16,5 процентов суммы всех государственных налогов. Между тем, как явствует из «Дневника» Захария, Агулис посещали одновременно десятки и более раз и другие высокопоставленные должностные лица, члены шахской семьи. Перед взимавшимися для них под разными предложениями податями бледнела та сумма, которая подлежала уплате в качестве государственной ренты-налога с данного села.

⁸¹ Указы, II, док. 17.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Указы, I, док. 16.

⁸⁵ *Ճարճարճի Ազգայնի*, стр. 30. Русский перевод, стр. 76.

⁸⁶ Там же, стр. 94. Русский перевод, стр. 79.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение феодальной действительности в Армении XVI—XVII вв. обнаруживает наличие большого разнообразия в существовавших здесь формах феодальной земельной собственности. Составляя в эпоху средневековья основу производственных отношений, феодальная собственность на землю выступала в виде государственных или доменных земель, служебного военно-ленного и частно-феодального землевладения. При общей для всех этих категорий феодальной собственности социально-экономической сущности, сводившейся к тому, что все они были основаны на эксплуатации главным образом наделенного собственными средствами производства земледельца (в результате чего большую роль играло внеэкономическое принуждение), частные права собственников (право отчуждения, наследования, налогового иммунитета и т. д.), а также отношение их к крестьянской земле (наличие у феодалов или отсутствие у них права непосредственного расположения этой землей) были различными.

Исторический материал показывает, что права феодала распоряжаться крестьянской землей и отчуждать свое владение вплоть до продажи могли иметь место при тех или иных формах феодальной собственности на различных этапах развития феодальных отношений. Однако эти права не были атрибутивными (т. е. неотъемлемыми) качествами ее и на ранних стадиях феодализма были развиты слабее, чем в последующие периоды средневековья. Их более широкое распространение было связано, в частности, с начавшимся с конца XVII века и усилившимся впоследствии процессом ограничения

прав крестьян на возделываемую ими землю. Это явление характеризовало новый этап в развитии феодальной собственности, знаменуя, по существу, ее разложение.

Число деревень в Восточной Армении, входивших в фонд земель шахского демона (хассе или хассе-йе шарифе), было незначительным. Это объясняется, видимо, не только относительной неплодородностью многих земель в Армении, но и пограничным положением ее, таившим всегда угрозу опустошений и разорения во время военных действий между турецкими и иранскими войсками. Около половины всех возделываемых земель составляли служебные держания (тиул). Их держатели (тиулдары) свои тиульные владения нередко получали и передавали по наследству. В то же время они обладали весьма значительной административно-военной властью и осуществляли внеэкономическое принуждение в более жестоких для населения формах, нежели некоторые другие категории феодальных собственников (малики, в частности, армянские монастыри).

Военно-феодальная знать в Армении в XVI—XVII вв., представляя крупное светское землевладение, принадлежала к знати тюркских, курдских и некоторых других кочевых и полукочевых племен. Процесс захвата земель в Восточной Армении этими племенами начался за несколько столетий до исследуемого периода. Он сопровождался острой борьбой как между племенами и армянскими феодалами, так и между самими племенами. Уже к XV—XVI вв. армянские феодальные роды, систематически истреблявшиеся на протяжении нескольких веков завоевателями, были вытеснены как политическая сила с исторической арены. Их земли перешли в руки амиров и других представителей племенной знати.

Крупная армянская земельная собственность в Восточной Армении в XVI—XVII вв. была представлена в основном монастырским землевладением. Источниками расширения последнего были земельные дарения, получаемые от представителей местных светских феодалов, которые посредством такого рода актов стремились спасти свои немногие, уцелевшие от захвата кочевой знатью владения, а также купля монастырями деревень или отдельных их частей.

Армянские монастыри, как феодальные собственники, пользовались некоторыми привилегиями и льготами, в частности налоговыми. В первой половине XVII века право налогового иммунитета (муаф) распространялось лишь на ту часть их владений, которая была вакфом (религиозным даром). С прочих земельных владений, купленных монастырями, последние обязаны были выплачивать государственные налоги, которые часто предоставлялись в качестве жалованья служилой знати—тиулдарам или же служилым, получавшим хемесале. В отдельные периоды сефевидские шахи освобождали представителей высшего армянского духовенства и, прежде всего, католиков от определенной суммы налогов. Естественно, что это не освобождало крестьян от уплаты государственных налогов, которые в таких случаях поступали монастырю.

В XVI—XVII вв. по мере развития денежных отношений и роста потребностей государства и отдельных феодалов в деньгах, все более широкое распространение получает система откупа (иджаре, забт) налогов. Откупщики (мустаджир, забит) выплачивали единоразовную сумму собственнику земли и получали право взимания в течение определенного срока всех налогов или части их с населения данной территории. За откупом или куплей-продажей права взимания ренты скрывалось не что иное, как специфическая форма феодальной собственности, характерная для позднефеодального общества с его относительно развитой денежной экономикой.

Чужеземные завоевания Армении, сопровождавшиеся захватом и конфискациями земель армянских феодальных родов, не могли не внести целого ряда изменений в структуру феодального землевладения страны. В частности, они нанесли значительный удар по родовому вотчинному землевладению. Отчуждаемые завоевателями земли частично превращались в служебные держания неармянской служилой знати; немалая часть их, сосредоточиваясь в бейт-ул-мале, затем продавалась с санкции главы государства частным лицам и становилась их мулковой собственностью.

В то же время следует заметить, что чужеземные завоевания, ускоряя тот или иной процесс в развитии

феодального землевладения, не приводили к созданию каких-либо абсолютно новых форм и институтов. Например, большинство феодальных институтов, существовавших в Армении периода правления здесь мусульманских династий, обнаруживают черты преемственного развития с более ранними (чисто армянскими) феодальными институтами. Естественно, что включение территории Армении в пределы различных государств, в которых ислам был официальным вероисповеданием, а государственным языком и языком делопроизводства был арабский или фарси, привело к распространению в стране арабо-персидской земельно-налоговой терминологии и соотношению целого ряда правовых установлений шариата ко многим экономическим и социальным институтам, сложившимся в самой Армении. Это относится, в частности, к институту мулк, как частной феодальной собственности, известному в Армении, по крайней мере, с VII—VIII вв. под армянским термином «айреник («вотчина»).

Феодальная собственность на землю реализовывалась в изъятии от крестьян совокупной феодальной ренты, которая в Восточной Армении XVI—XVII вв., в зависимости от конкретной формы феодальной собственности, распределялась в тех или иных долях между государством, получившим государственную ренту-налог (в случае отсутствия на данной земле других феодальных собственников) или же государственный поземельный налог (в случае, если земля имела и других собственников, получавших феодальную ренту) и различными категориями частных феодальных собственников. Часть последних обладала налоговым иммунитетом (муаф); в этом случае совокупная феодальная рента, охватывавшая практически весь прибавочный продукт, поступала целиком феодальному собственнику в виде феодальной ренты. Малики Армении присваивали обычно лишь часть прибавочного продукта (притом меньшую). Согласно традиции, их доля равнялась $\frac{1}{10}$ урожая, в то время как государственный налог с тех же земель составлял $\frac{1}{5}$ урожая.

В течение XVII века феодальная эксплуатация крестьян заметно усилилась. Это было связано как с ростом частной власти феодалов над крестьянством,

расширением их привилегий, так и развитием в стране денежных отношений, стимулировавших феодальный грабеж и разорявших подпадавших в ростовщическую кабалу крестьян. Характерным явлением социально-экономической действительности с конца XVII века становится потеря частью крестьян Армении хозяйственной самостоятельности, усиление зависимости от кредитования их феодалами. В результате начался процесс частичного обезземеливания крестьян и более широкого распространения докапиталистической крестьянской аренды, а также кабального наемничества; выражением усиления эксплуатации крестьян был рост бремени как всевозможных государственных налогов и повинности, так и феодальной ренты, выплачиваемой малику (появление так называемого «двойного мулка», т. е. феодальной ренты, равной $\frac{2}{10}$ крестьянского урожая). Правда, в силу неравномерного социально-экономического развития в стране некоторые деревни вообще не платили ренты частному феодальному собственнику, являясь формально собственниками мулка своих деревень; однако лежавшее на них бремя государственных налогов было столь же тяжелым, как и на крестьянах деревень, имевших своих маликов. Борьба за овладение деревнями, не платившими ренты малику, носила острый и длительный характер и свидетельствовала о том упорстве, которое все еще способно было проявлять общинное крестьянство в XVII веке (хотя и далеко не повсеместно) в защиту своих старинных прав и вольностей.

В конце века злоупотребления в области налогообложения достигли чудовищных размеров. Создалось положение, когда государственные палого не давали такой суммы, которая могла бы удовлетворить растущие изо дня в день расходы государства и двора. Чтобы выйти из тяжелого положения, государство, с целью увеличения размеров податей, составляло новые налоговые списки и проводило по всей стране чрезвычайные сборы налогов, взимающихся с райатов-земледельцев.

Однако в создавшихся условиях эти чрезвычайные меры могли лишь увеличить доходы алчных должностных лиц и не были в состоянии спасти государство Сефевидов от надвигавшегося краха.

AGRARIAN RELATIONS IN EASTERN ARMENIA DURING THE SIXTEENTH AND SEVENTEENTH CENTURIES

by H. D. PAPAIZIAN

The devastating wars waged between Iran and Turkey at the onset of the sixteenth century brought Eastern Armenia under the sway of Safavid Iran. After the battle of Chaldīran in 1514 and the succeeding events, hostilities continued with brief lulls till the thirties of the following century. The agreements concluded in 1555 and 1639 brought no substantial changes to the frontiers.

Under the Safavids the country was divided into vilayets which had originated as early as Ilkhan times. Apart from the province of Gougark, that came almost entirely under the vail of Eastern Georgia, certain Armenian regions and provinces, that came under Safavid rule, were subject to the beglarbegi of Chukhur-Sa'd, Qarabagh and Azarbaijan. The vilayet of Chukhur-Sa'd, which comprised most of the historical province of Ayrarat, was conspicuous for its geographical contiguity and its large Armenian population.

The borderline vilayets of Chukhur-Sa'd, Qarabagh and Azarbaijan were ruled by military governors or beglarbeks who ruled supreme in their respective vilayets.

In peaceful times they exercised civil authority and in the time of war assumed the power of commander-in-chief.

As the Qizil-bash Ilks made new dislocations in the sixteenth century, large fiefs were redistributed among tribal leaders including those of Rumlu, Ustajlu, Shamlu, Zulkadar, Kajar, Kangarlu, Takalu, Bayat and Sa'dlu. They then obtained hereditary possessions in the historic Armenian provinces of Vaspurakan, Syunik, Artsakh and Gugark. In the meantime bloody skirmishes took place among the above mentioned tribes when they tried to take possession of vital areas rich in pasturelands. They took hold of one vilayet after another and filled these with their own tribesmen.

As the prerogatives exercised by the central authority were loose, the nomadic elders consolidated their rights in the various provinces of the country, and the beglarbegis frequently were made into hereditary estates. However, the province of Ararat or the vilayet of Chukhur-Sa'd formed an exception. Echmiadzin, the Holy See of the Armenians, was an influential factor in the domestic affairs of the country. The catholicos of Echmiadzin enjoyed, notably in the seventeenth century, great esteem and had a decisive say in the nomination or resignation of the beglarbegis.

The replacement of the Armenian feudal nobility by non-Armenians was a prolonged historical process which had originated in the fourteenth century and completed two centuries later. However, the abolition of the lay Armenian feudal class was not a smooth-going process and was marked by the resistance of Armenian feudal lords who were still retaining their regal positions.

To make a proper investigation of this fateful phase in the history of the Armenian people it is essential to

embark on a scrupulous analysis of the socio-economic motives of those changes and to demonstrate on what legal, or to be more precise, on what shariat laws, land confiscations were made and who was in charge of subsequent ownership and utilization of those lands.

Several cadastres and shariat registers, that have reached us either in the original or as notary copies of the 15th—16th centuries, attest that following largely the overthrow of dynasties or during the lull after prolonged hostilities, new assessments of lands, the checking the registers of estates and the documents of demesnes (**bazdid o porsesh**) were made in the captured areas. In the meantime land confiscation was effected. The lands belonging to the feudal lords and especially to the non-muslims or „opponents of the religion“ (**mukhalifan**), badgered by the new authorities, were confiscated in favour of the court or were declared the property of **beytul-mal**.

Relying upon 15th century cadasters and the memoranda of Armenian manuscripts we invariably arrive at the conclusion that during the century in question, notably in the second half of it, the persecutions and harassments to which the last representatives of the Armenian feudal families (**azatordi**) were subjected, had assumed large dimensions; they were driven to apostasy. Those feudal lords who refused to apostatize had to hand over their landed property to the authorized agents of **beytul-mal**. This old Moslem institution which during the period under consideration took charge in Islamic countries of the lands of those who died heirless, exercised an independent political function in Armenia aimed at eliminating the landed lay property of the Armenians.

However stiff the resistance might have been, most of those subjected to persecutions gave way in the long

run and, to preserve their property prerogatives, had to be converted to Islam. Those who opposed and attempted to keep hold of their estates at the expense of great financial sacrifices were continually subjected to oppression: their estates were gradually reduced, and they turned into petty land-owners or altogether left the ranks of feudal land-holders and tried their luck at trade.

Those feudal lords, however, who joined the clergy were in the majority; they sought to avail themselves of the privileges enjoyed by the clergy; in this way they saved their landed property from confiscation and held their sway over the Armenian working people. Thus the insignificant remnants of the Armenian lay feudal lands turned eventually into vaqf property of the monasteries.

Historical documents abound in numerous facts concerning the **beyt-ul-mal** selling confiscated lands at a low price to wandering dignitaries, especially to high-ranking military and fiscal officers. Thus the last representatives of the lay Armenian feudal class was stripped of its estates which formed the economic fulcrum of its political power, these lords relinquished their leading positions in the feudal hierarchy, paving the way for the ascendancy of the Mohammedan ruling class.

The problem of landowning rights in the Islamic world for a long time has been the object of scrutiny. It is currently believed that land, according to the shariat, was considered as divine ownership and in Islamic theocratic states the imam, caliph or the shah were regarded as „the shadows of God“. They were therefore the supreme owners of the land, while the remaining representatives of the feudal hierarchy were looked upon only as temporary owners entitled to collecting part of the rent.

However, the problems of land-owning in the countries of the East, as rightly pointed out by V. Minorsky,

„cannot be solved on the basis of the so-called „Islamic institutions“ which differed from country to country and, in our case, were only a juridical superstructure on the various local practices“.

Certain economists and lawyers, who have studied the land law of Transcaucasia during the 19th century, take the view that the juridical concept of land ownership and possession is reflected as one united phenomenon in the minds of the people of the East.

Examining the recurrent landowning terms in historical documents we come to the conclusion that the ideas of „possession“ and „ownership“ are quite distinct in sources of the 14th—17th centuries. Ownership was invariably expressed by the terms **tamlik** or **tamalluk**, while the idea of possession was conveyed by the word **tasarruf**. The inheritable and purchased villages were called **mulk**, which literally means „ownership“, while the owners of mulks were named „**malik**“ or „**mallak**“ which signified „owner“. To underline the rights of the owner of the property, the estate was frequently termed **tasarruf-e malikaneh** which meant „private holding ownership“.

A comparative study of ample factual data enables us also to ascertain the fact that despite Moslem dogmas on „divine ownership“, the shariat had throughout the centuries elaborated standing principles in defence of the right of land ownership, which was upheld by clerical judiciary bodies as well as by civic authorities and the highest administrators.

The shaky political condition and the unlimited rights of the autocrat to take away at will the property of even the most influential feudal lords, is not sufficient to cast doubt on the right of feudal ownership. Most of the decrees promulgated are in favour of that right. The sha-

riat right sanctified land ownership declaring it **shar'i** (legal) and as long as the feudal lord would not be deprived of his rights through some penalty, he was considered the legal owner (**malik-e shar'i**) and his rights to the mulks differed in no way from those of the landowner.

Under Safavid rule the villages and farms, that were units of farming produce, were divided into four classes according to their ownership: a) state or **divani**, b) those pertaining to shah's court or **khasseh-ye sharifeh**, c) those owned by clerical, educational and social establishments called **mauqfat** and d) private ownership—**maleki** or **arbab**.

Sources attest that the divani-owned villages formed a great area in Eastern Armenia. Some data maintain that by the 17th century over fifty per cent of the arable lands had become divani. The vast expanses of divani lands in bordering districts were the result of continuous hostilities and insecure conditions which caused the confiscation of land belonging to various feudal lords.

The rent-tax levied on the divani and the maliki lands was the main item of revenues for the divan treasury, that fiscal fulcrum of the state. Immediate administration of the gradually expanding divani lands called for tremendous organizational activities which in fact was beyond the power of Safavid state. The revenues of the divani villages were under the jurisdiction of the finance ministry and were given to high-ranking clergy and military and government officers as **tiyul** or **hamesaleh** to cover the expenses of their military and civil services.

If the tiyuls, apportioned from the divani villages, were given on condition that the whole rent-tax of the village should be exacted, then they must be looked upon as a special form of rewarding, temporary land-

ownership. If the village in all its assessments came under the charge of the given **tiyuldar** and the practice continued for decades and at times was handed down by way of inheritance, relations proper to the land-owner and the rayat-farmer renting his land would emerge between the tiyuldar and the rayats. In this way an immediate responsibility ensued which virtually came to be the collective responsibility of the rural community. Such tiyuldars were vested with administrative and judicial authority in respect of their rayats.

Another form of salary was called **hamesaleh** (annual). Being authorized to exact revenues from a certain taxable object the **hamesaledars**, who were paid **hamesaleh**, made use of this right until further instructions. In effect **hamesaleh** was nearly the same as **tiyul**; in several **tiyulnameh** it is referred to as a synonym to **tiyul**. If the **tiyuls** were given by entire villages and divani village groups together with their whole dutiable obligations, the **hamesaleh** sums were smaller and were levied largely as part of the overall sum of the assessment of divani and non-divani villages alike, or against the sum total of certain specified tax.

The taxes exacted from villages and other taxable objects were rented by tenants. This lease is termed in the documents **ijareh** or **zabt**. The tenants were called **musta'jir** or **zabit**. Other lists of salaries that were given not by the right of **tiyul** or **hamesaleh** but by way of receiving a certain sum once only, show that the military men and the functionaries were periodically instructed in written form (**barat** or **havaleh**) to get their salaries in cash from the zabits, at the expense of renting sums (**vujihat-e zabti**). Similar sums were called „salary sums“ (**tankhah-e mavajib**). If on **tiyul** and **hamesaleh** farmans it was compulsory to note from what object, how much

in cash and in kind would the tyuldar and hamesaledar get their salary, only the sum of the salary would be written down in the salary tankhah of the farmans, and the **mustofis** of the supreme divan were instructed „to record it in the ledgers and pay annual tankhah from any object“. In this case it was up to the mustofis to decide where to go in order to get „the sum of their salary“.

The **khass** villages belonging to the Shah's court, and personally the Shah, were few in number during the 16th and 17th centuries in Eastern Armenia. „The affairs of the sacred khass“ (**sarkar-e khasseh-ye sharifeh**) were in the charge of those revenues but after the 17th century those villages were exempt from tiyul. They were, however, in the hands of special functionaries appointed by the above establishment—called **khassedars** and, as mentioned in the decrees of the same period, they often occupied the position of the local **darougha** (police chief). The rent-tax too, levied on khass villages was rented by various tenants largely along the lines of zabt or ijareh.

Among the Armentans, the big land-owners enjoyed greater facilities of free development only as far as the monastic landholders were concerned. The gradual fusion of the lay feudal notables into the religious feudal lords was a factor that naturally consolidated monastic estates.

The mediaeval monasteries, as early as the 9th—10th centuries and even before, owned large estates part of which they had taken over from pagan temples and, for the most part, they had acquired them later as donations of kings and princes. In the 14th century those estates were seized chiefly by ruling Mohammedan circles, especially by nomadic military-feudal dignitaries.

However, in the 15th century, new donations seem to have been made. Rustam, son of Beshken, one of the

last offsprings of the Orbelian dynasty of Syunik, under the guise of sale, presented Echmiadzin with seven villages in the province of Ararat that paved the way for a transfer of the Holy See from Sis to Echmiadzin. The oldest cadasters that have reached us also bear testimony to donations of villages and farms made to other monasteries in Eastern Armenia (e.g. Tatev, Havuts-Tar, the Monastery of Magharda, Gandzasar and so on). According to those land registers or shariat records, a definite number of villages and other estates went to the above monasteries as their permanent properties.

But this condition does not last long. In the 16th century new restrictions were imposed on the estates of the monasteries. Being deprived of the prospect of further land donations the catholicoses of Echmiadzin began purchasing, after the forties of the 17th century, numerous villages with the means of the monastery. Under catholicos Hakop of Jougha (1655—1680) Echmiadzin turned into a large land-owning unit of the province of Ararat, counting twenty-three large and small villages, an extensive area of arable lands, vineyards, water—and oil-mills, crushes and other properties. The estates of Tatev, Gandzasar and other monasteries also expanded measurably over the same period.

Thus the monastery-owned demenses were either donated by the faithful and were called vaqf properties (**amlak-e vaqfi**) or bought in cash, in which case they were named cash mulks (**mulk-e zarkharid**). The two estates differed as to their land-owning rights. The cash mulks were subject to either temporary or permanent estrangement; in similar transactions, the catholicoses and the abbots or their representatives acted as juridical persons; while the vaqf estates, aside from short-term renting (one to three years) knew no other estrangement and

remained in the charge of the given monastery for permanent use.

During the 16th and 17th centuries the practice of donating complete villages was on the wane, yet the gift of separate land plots, vineyards and other immovable properties by the urban and rural population continued in use. However, those lands formed still part of the total arable area of those villages. It was only the right of their cultivation that was enjoyed by the monastery which tilled those plots by the rayat corvée or hired labour from the same village or leased them to the peasants of the same village. But the cultivation of those lands by the monastery was duty-free, and the religious bodies had no share in the taxes levied on those communities; moreover, even the burden of the tax share of the monastery was shouldered by the rayats of the same village.

Being vaqf properties and exempt from sale or other estrangement, those estates continually expanded at the expense of community-owned lands, and the landless peasants had to pay twice or thrice as much rent to cultivate them.

Data available on the taxation rights of the church and the clergy of the muafi make it possible to explore the problem more profoundly and form a clearer picture of the conditions during the 15th—17th centuries. A scrupulous comparison shows that a striking difference existed in this matter between Moslem religious institutions and the clergy and the Christian and other religious congregations and their clergy. Although the 15th—16th century decrees emphasize the exemption from all state duties and obligations of the monasteries and the members of the congregation, it is obvious that frequently the regulations were violated by the local authorities, and the catholicoses and abbots of large estates usually paid an annual sum to the Divan to get rid of recurrent taxation.

The Persian decrees of the first half of the 17th century irrevocably attest that the Armenian clergy and religious institutions had been more or less subject to taxation from the middle of the preceding century. The sums of yearly taxes exacted from them were registered in the district and central cadastere. Dutiable were even the monasteries that were the inheritable properties of particular clergymen and were classed with the soyurghals in view of their clerical muafi nature. All of these taxes were the result of the decline of the institution of soyurghal after the sixteenth century which gradually made room for the tiyul system of feudal rewarding.

The soyurghals granted to particular representatives of the feudal clergy in the 17th century differed in essence from the tiyul. It was hereditary rather than temporary. Nevertheless, the soyurghal was subject to reprobation by the name of the new heir. The establishment of the tiyul universal system of salary payment to the donated feudal landed property and state and military officers and the widespread practice of **tank-hahs** and other compensations against **hamesalehs** and salaries arising from the consolidation of the above system, eventually transformed the institution of **soyurghal**, changing it into a variety of feudal grants arising from the general system of the tiyul.

Thus, after the sixteenth century neither Echmiadzin nor the other monasteries of Eastern Armenia enjoyed full tax privileges and were accordingly forced to pay every year a certain amount of money to the treasury as capitation (**jizya** and **tafavut-e jizya**), land and property taxes (**malojihat** and **vujihat**) as well as animal tax (**vujuh-e chupanbegi**) and other levies. First, non-vaqf cash mulks and profit-yielding estates were taxed. In several cases the catholicoses managed to receive part of these taxes in the form of donations which were made

under different names (**soyurghal**, **in'am**, **vazifeh**, or simply **muafi**). Such donations were quite current in the 17th century, the general financial supervision of which was entrusted to the general **mustofi** or **mustofi-ul-malik** residing in the capital.

A detailed study of original sources, and particularly the latest data culled from estate records, are helpful in throwing some light on the relation of landed properties of hereditary and purchased villages (**maleki**, **arbabi**), the forms of using the land in those villages as well as the mutual economic and judicial relations of the landowner and the land-tilling rayats.

Armenian lapidary inscriptions and scriptural recordings reveal that the origin of this form of private-land-ownership which was not associated with military and civil service, dated back to the 7th and 8th centuries or even earlier times. The 14th and 15th century land registers in Arabic and Persian familiarise us only with the subsequent history of this institution, re-affirmed and consecrated by shariat laws. The hereditary villages and other immovable properties which are termed in shariat acts **mulk-e mourusi** in Persian, are designated as **hayrenik** in Armenian sources, while the estates bought in cash and called **zarkharid** in Persian are named **gandzagin**.

As a result of forced expropriation in Eastern Armenia during the 14th to 16th centuries the tribesmen and leaders of nomadic races, settled in every area, and their military-feudal notables took possession of vast hereditary estates. These military officers, who had grown rich in the war, would sometimes make cash purchases of villages and plots of tilled lands from native landowners.

The supremacy of foreign landowners was also consolidated by the so-called law of imam Ja'far according

to which the heir converted to Islam was entitled to the right of appropriating the entire property of his deceased father and depriving the Christian heirs of their hereditary rights. Several valuable documents and sheykh-ul-islam **fetvas** have reached us that mention specific cases when the whole property of the deceased Armenian landowner passed over only to the son who had adopted the Islamic religion.

With this practice, we also come across landowning dealers in the 16th and 17th centuries in the cadasters. Reference is made to both Moslem and Armenian **khojas** who bought entire villages from the heirs of nomadic feudal proprietors.

A peculiar form of relation, normalized over the centuries between the village-owner and the rural community, according to which matters of distributing and using common arable lands among the rayats were largely resolved by the rural community that pledged to compensate the landowner's rent collectively, has suggested certain researchers to advance the thesis that the village-owning maliks were no land-owners. The proponents of this view adduce the following as proof. In the province of Ararat the rent paid to the village-owner was also called **mulk**, but it was commonly known that **mulk** designated „ownership“, „private ownership“.

In documents relating to the sale of **mulk** villages the reference made to all usable lands within the village limits allows us to assume, however, that it was the land or, to be more precise, the landownership right that was sold; this accounted for rent collection from the rayats using the land in question. As an owner (**malik**) of certain territory demarcated in the estate record, the **malik** of the village had the right to demand part of the harvest against the rent. Therefore when they said that a certain

village, wholly or in part, or such and such **dang** (one-sixth part) belonged to a certain party, this naturally implied that possession included also all the revenues or a particular part of them. In the long run, this was the material substance of village ownership. It could not be otherwise if we realize the fact that as possessions the mulk villages were inherited by numerous heirs, and the revenues obtained were divided not only into one-sixth part or **dang** but even into smaller parts such as half a dang (**tasul**), a quarter of a dang (**sha'ir**), etc.

The records and testaments relating to inheritance certify that the will made by the malik was of crucial importance in apportioning the mulk inheritance. By his will the malik could completely deprive some of his heirs of the right of inheritance and vice versa. It also has been proved that if the inheritor died without a will, the wife and sons of the deceased person, according to shariat laws became entitled to equal shares while his daughters received half as much.

A comparative investigation of hundreds of 15th—17th century documents also makes known the steady rise of the mulk prices of villages that was due largely to the gradual devaluation of the currency. Village prices were directly affected by other factors as well: a) the arable area of the village, b) the average crop yield of the land, c) the irrigation system, d) the number of farmsteads engaged in tilling, e) the distance of the village from the nearest farm produce market.

We learn from the rent acts (**ijarenameh**) of the mulks of villages that the percentage relation of the money equivalent of the land-owning rent received, compared to the cost price of the same village, corresponded to the profit percentage obtained from the leased capital over the same period.

The revenues of villages have differed not only in the volume of gross production but also in the norms of rents paid to the land-owner. Relying on general information of the original sources, that are confirmed particularly by the data of Simeon Yerevantsi's „Jambr“, the rayats of mulk villages gave two-tenths of their crops to the state and one-tenth to the malik. In official documents and tax registers this apportionment was named **bahreh** or **bahrecheh**, which meant „portion“; accordingly the portion allotted to the village-owner was called **bahrecheh-ye malikaneh**, and that delivered to the state—**bahrecheh-ye divani**. As the 17th-18th century economic documents indicate, the percentage of the land-owner's rent varied in accordance with place and time and ranged between $\frac{1}{25}$ to $\frac{3}{10}$.

Agreements concluded between the maliks and the rural communities have been preserved; they reveal the amount of rents and the forms of payment. Payment in kind was the basic way of rent compensation during the period in question. It was customary to recover the rent in proportion to the crop of the given season, according to norms set up in advance during reaping or threshing. This form is termed in the documents as **hast o bud** (according to what is available). In this case the crop was weighed and a certain percentage recovered. At times agreement was reached between the village-owner and the community for the entire **bahrecheh-ye malikaneh**, irrespective of the amount of the crop in order to get regularly a yearly sum in advance or a definite amount of grain and other products. This form was called **muqatta'** which meant „cut off“. The agreements provide also some information as to the labour reward for the rent. The peasants had to work for several days on the private lands of the village-owner and do all kinds of farm work.

In the plains and foothills of Armenia the unirrigated land ceased to be a source of profit. Therefore, land-owning issues in such places were closely linked with irrigation. Original sources testify that the right to own water was the privilege of those who had laid the given canal or ditch.

But the cadasters of mulk villages also make mention in the list of malik's properties the canals and ditches and the springs and wells within the limits of the village. This means that the feudal ownership right of the irrigation system was likewise reserved to the village-owner or the malik. This explains the right to exact a double rent from irrigated lands and is referred to in the documents bearing on the villages of the province of Ararat as well as on the monastery-owned estates of Tatev.

The right to water usage was more specifically established in grape-and fruit-growing areas. In documents relating to the sale and purchase of grape-and fruit-gardens, the amount of water and the right to make use of it were affixed without fail; this was called „**haqqabeh**„ (water right).

During the period under investigation mulk villages were considered also those whose ownership right belonged to the rayats of the same village. These were in effect free rural communities. It was pointed out in those cadasters that the rayats were compelled to pay the state rent-tax only from the crop obtained (**bahrecheh-ye divani**), and as the village had no malik, the **bahrecheh-ye malikaneh** was theirs.

Many documents are available, specially in the south of Old Jugha, that deal with the free communities of the Armentan villages of Bashkand, Ortakand and Dibkand, on the right bank of the Arax. These documents reflect scores of years of stiff opposition of the communities to large Moslem religious institutions and feudal land-ow-

ners who were on the look out for an expropriation of those villages and an economic enslavement of the members of the community. Of great value are particularly those documents that dwell on the help given to the Armentan population of those villages by neighbouring Moslem Azarbaijanian communities who resisted the well-known Moslem institutions and strived to defend the interests of the Armentan rayats and save their lands from seizure.

It is not obvious from those documents in what way the right to ownership had been achieved. It is doubtful whether these free rural communities could have been the remains of the free communities of antiquity, if we realise in particular the fact that they are identified in official documents with mulk properties. Several 16th—17th century documents bear testimony to the re-buying by certain communities of the ownership right of their village from the malik of the same village or on the contrary, of re-selling the right obtained.

Two varieties of mulk ownership were mentioned in estate acts, assessment lists and other documents, as well as narrative sources: a) villages that were called in Arabic by the shariat term **qariyyeh** and b) farms that were named **mazra'eh** (a site of sowing and tilling) in Arabic. The latter, however, were not simple farming lands but were settled feudal estates. Villages were free communities of long-standing, that had come under feudal allegiance subsequently and the mazra'ehs, like the **dastakerts** of earlier times, were large estates turned into irrigable and cultivable lands as a result of the efforts of particular well-to-do people or influential feudal lords who organized the forced and unpaid labour of the working population. The manager or the legal owner of the lands was the rural community in villages, and only part of the crop would go to the malik in order to make resti-

tution for the feudal rent. In mazra'ehs that right was reserved entirely to the landowner, and those lands were tilled largely by either hired farmers or, by mutual agreement, were once again placed at the disposal of the individual peasant farms, provided that a certain percentage of the crop would go to the cultivator.

It is common knowledge that in slave-owning society prisoners taken during military campaigns or landless peasants, who had been enslaved in consequence of economic oppression were settled on **agaraks** (farms) and **dastakerts**. However, during the period under investigation such feudal estates were peopled by peasants deprived of their lands in view of the heavy taxation and were lacking means of production or were forcefully evicted rayats.

In addition to those self-dependent productive unit-mazra'ehs, other masra'ehs in separate mulk villages cultivated by the corvée or hired labour of the rayats of the given village were also in existence.

The rayats or communal peasants of villages or **karriyyehs** could give up the right to utilize the cultivable lands that they had inherited. Frequently the **maliks** of the same village became buyers of that right. Such lands passed from the community into the hands of the landowner as mazra'ehs where the rights of both owning and using the land belonged to the **malik**. Facts in profusion are available pointing out that most of the rayats or a group of them or the entire rural community in view of heavy taxation, mortgaged for small sums the cultivated land, orchards, water-mills and other real estates that were eventually apportioned by the village-owner against the debt.

The utilization and cultivation of such mazra'ehs in the villages were done variously depending on the judi-

cial status of the rayats and more so on the royal rank that the **malik** held in the feudal hierarchy.

Most of the land-owners exploited the corvée labour of the peasants in cultivating the lands of the mazra'ehs. This practice was widespread especially on monastic estates, when the rayats had to cultivate the church-owned lands within the limits of the same village. In such villages part of the rent was virtually paid by labour and the rest by farm produce; the mazra'ehs were also cultivated by the system of renting. The landless peasants were the land tenants who cultivated the land with their own farming implements and draught cattle and delivered part of the crop to the land-owner as land rent.

A widespread form of land cultivation was hired labour, which increased at the close of the 17th century and was prevalent common in the 18th century. In this case the land was tilled by hired labourers who worked with the land-owner's draught and farming implements. These were for the most part tilling workers or **ranjbars**. Deprived of land and other productive means, they cultivated the proprietor's land and received part of the crop in reward.

The rayats of the period under discussion were not the serfs of land-owners, nor were they subject for sale or any other estrangement, with or without land as was the case in neighbouring Georgia or later in Russia, before the reform. The transaction documents of villages make no mention of the farming rayats. Despite this the rayats were, together with their tax obligations, tied to their residential area, and their names were registered in the cadasters. Without the permission of the state authorities they could not quit the given village and settle in another place.

Specifications were made in the decrees of the Safavid Shahs to the effect that the rayats who had abandoned their village were subject to return to their domicile within twelve years. At the same time, recurrent mention was made of fugitive rayats or „scattered communities, (jam'iiyat-e tafriqeh) who left the village in groups in order to settle in other rural areas. According to the above law if they lived for twelve years in another area but paid the tax imposed on them by their former residence, they could not be made to return, and twelve years later no one had the right to enforce their return any longer. Although the village-owners and tiyuldars could make use of this law and force the rayats, who had abandoned their respective villages, to return in particular cases, the rayats managed to move with several families to another village or found a new village. Such migrations took place usually noiselessly if they did no harm to the land-owner of the rural community or if they did not disturb the routine taxation system.

The assessment obligations of the peasants, excepting the community-owned villages, were almost the same in all the other villages. The surplus products of the farming rayat were appropriated by the land-owner and the state under different names and in varying amounts. As noted above the apportionment made from the total crop in favour of the land-owner or the state was called „bahreh“ or „bahrecheh“ which meant „portion“; the part allotted to the land-owner was called **bahrecheh-ye malikaneh** and the allotment to the state—**bahrecheh-ye divani**. In hereditary and purchased villages the **bahrecheh-ye malikaneh** was levied by the village-owner or the malik. Villages, where the owner or the malik was considered to be the community of the same village, were exempt from **bahrecheh-ye malikaneh**. Monastery owned villages,

being entirely vaqf, were freed from taxes. In private villages whose owners enjoyed the right to **muafi** for various services, the peasants had to pay both the **divani** and the **malikaneh bahrecheh** to the monastery or the authorized malik. In **khass** villages both types of **bahrechehs** were exacted in favour of the court, and in **divani** villages—in favour of the treasury. Therefore, the amount of **bahrecheh** exacted from the given village, except the community-owned villages, remained invariable for all other cases.

Although no complete tax registers relating to the 15th—17th centuries have reached us the collation of excerpts concerning the tax calculations of particular villages and village groups, especially in **tiyulnamehs**, give a true picture of the taxes and forms of their restitution as levied on the peasants.

Detailed descriptions of census and the general assessment of taxes are to be found in greater numbers in Armenian sources. Deacon Zakaria, in particular, has given a vivid description of the sorry plight of assessment and heavy taxation on the miserable rayats who were subjected to the heaviest physical sufferings in order to abjust the number of able-bodied members of the family and the amount of the farmsteads.

After a census during which separate farmsteads were tabulated, the arable lands measured and the list of all the adult able-bodied persons was compiled, the assessed taxes were added up and their cash value, named **abvab-jam'** was entered in the registers of the province. The particulars of this **abvab-jam'** were entered in the provincial and central finance offices that were in charge of the **mustofis**. The registers containing a detailed description of taxes were called **daftar-e avarejeh** or **daftar-e tovjih-e divan**. They specified the percentage of the total sum of

taxes to be paid in cash (**naqd**) and the amount to be paid in kind (**jins**), or they would determine the amount of **bahrecheh**, **malojihat**, **jizya** and other taxes to be levied on the village.

Every village was entered in the assessment book as one single productive taxable unit; the responsibility of exacting the total sum of taxes lay not with particular rayats but with the rural community as a whole. The distribution of the total sum of taxes over the various farmsteads of the community, called **tovjih**, was carried out within the community and did not come under the jurisdiction of the state.

The **tiyulnamehs** made it also possible to carry out a thorough investigation of the sums added for many years to the state taxes levied on separate villages. As a result of the re-estimation of taxes (**baravord**), the previously established sum of **abvab-jam'** was multiplied several times. This was complicated in nature. The sum total of every tax consisted of the basic sum (**asl**) and a surcharge called **tafavut** (difference) or **izafeh** (surplus). Detailed estimations show that the surcharges were due to the gradual devaluation of the currency or, as the registers put it, "to the difference of old and new currencies," (**tafavut-e zar-e nov va kohneh**). Aside from the differences, the **tiyulnamehs** also indicate the interest accumulated on the taxes (**far'**) which were added to the basic sum and the sum total of the difference of taxes that were overdue.

Thus, for instance, according to a **tiyulnameh** of 1071 a. h. (1661 A. D.) the rayats of the village of Aghants, owned by the monastery of Tatev, paid an annual poll-tax (**jizya**) of 5244 dinars. Estimates have shown that the preliminarily sum (**muqarrari**) stipulated had amounted to 3800 dinars, to which 760 dinars were added

bringing the difference between old and new currency to 4560 dinars to which a 15 per cent interest had been added raising the sum payable to the **tiyuldar** to 5244 dinars.

More complicated is the estimation of the **malojihat**, the basic income tax of the same village. According to the same **tiyulnameh** the village of Aghants paid 19497 dinars of **malojihat**. Estimations indicate that the sum was calculated in the following way: there was a preliminary sum of 4166 dinars of the **mal** tax which was multiplied by four and amounted to 16664 dinars. One eighth part of this sum, 2083 dinars, was apportioned as **half a dinar of ehdas** that the rayats allegedly paid to the **tiyuldar** in order to examine the quarrels of peasants. This four-fold multiplication of the **mal** has been called "four to one" (**biradord**, in Azarbaijanian). To this sum 334 dinars as **jihat** was added which brought the basic sum of **malojihat** to 16998 dinars. To this, 15 per cent of the total sum of the **mal** (16664 d.), or 2499 dinars was added, which brought the total sum of the tax, exacted from the village under the guise of **malojihat**, to 19497 dinars.

As pointed out above, the principal form of state tax levying was the delivery of the sums against salaries to the military and government functionaries as **tiyul** or **hamessaleh**. However, the forms of tax payment were different. It is obvious from calculations available in the **tiyulnamehs** as well as from protests made by the rayats against their **tiyuldars** that the latter collected largely their state rent-tax by measuring the yearly crop and taking the percentage established, by **hast'o bud**. This practice seems to have been disadvantageous to the rayats who made repeated protests to the court demanding that the **tiyuldar** "received the **malojihat** in hand, at the

rate of four per one dinar, in compliance with the existing regulations, according to an extract from the *divan*, and demanded not by *hast o bud*". The term "received in hand" (*bedast gereftan*) is recurrently met with in the *tiyulnamehs*. This means to receive in cash from the rural community and stay aloof from the crops and tilled lands of the *rayats*. In that case the *rayats* would obviously pay a sum four times as much as preliminarily stipulated so that the *tiyuldar's* men would not weigh their crops.

Entered in the *tiyulnamehs* were only those taxes that indicated definite sums in the registers and formed part of the state budget. They were as follows:

a) the *divan bahrecheh* that was exacted at the rate of two-tenths of the crop and its cash equivalent was entered in the *malojihat*;

b) the sum total of the land and income taxes levied on the village, the *malojihat*, that comprised all the cultivable lands (the crops, the kitchen-gardens and vineyards) and other landed property (water-mills, crushes, oil-mills, etc.);

c) capitation (*jizya*) exacted from the non-Mohammedans or the *zimmihs* once a year was collected from every adult man by three different norms: high, medium and low (*a'la, ovsat, adna*). The surcharges called "difference of *jizya*" (*tafavut-e jizya*) and imposed on the total sum of capitation in consequence of the growth of the rural population and the gradual devaluation of currency, were entered in *tiyulnamehs* as a separate tax obligation;

d) the tax called *chupanbegi* collected in the 17th century for the sheep at the rate of 25-35 *dnars* per capita.

However, the peasants paid to the state and its officials many other taxes and duties that were not entered as a rule in the official cadasters but, as in the past,

were regularly exacted by assessing-fiscal and military and administrative bodies.

The taxes collected from the working peasantry on various occasions were numerous. In case of need, the rural communities had to provide the required number of hands to build military fortifications and roads, such an obligation being called *bigar* or *sukhra*. Extraordinary military taxes were imposed during campaigns, and were known as *avariz* and *sursat*. The villagers living in the neighbourhood of big strongholds and citadels helped with the needs of the headquarters and did military service that was called *ikhrajat-e qal'e*.

The peasants had also to bear the expenses of visiting envoys, the Shah or members of his family and the escort, messengers (*chapar*) and other government officers travelling on official business, as long as they stayed at the place. The general term for such obligations was *ikhrajat* (expenses). But, on occasion, those tributes had different names and figured in original sources as *nizul, savari, konalgha, namordar* etc. The placing of horses or other means of transport at the disposal of travelling officers or providing beasts of burden for carrying government and military loads were called *ulagh* and *ulam* and the forage supply *alafeh* and *ulufeh*.

The *rayats* had to give presents to the khans, *beglarbegis*, as well as to the *malik* and the *tiyuldar* of the village and other royalties on various holidays, or on their first visit to the village, on the birthday anniversaries of their sons and daughters and on many other occasions. Those compulsory donations that are entered in the origin sources as *pishkash, salamaneh, eydi, novruz* and by other similar terms were regularly practised and were as much compulsory as the taxes levied by the state.

The high-and low-ranking administrative and finance functionaries, supervisors and tax collectors (**vakils, mutasaddis, mubashirs, tahsildars**, etc.) were also privileged with the right to exact some taxes in their favour. The general name given to those taxes was **rusum** or **rusumat**. Such a tax was the duty named **rasm-e ehdas** collected by the **tiyuldars** and the administrative bodies levied when a discussion of quarrels flared up among the peasants. The tax collected in favour of the darougha was called **rasm-e darughegi**, and the one given to the vezir, **rasm-al-vizarat** or **vaziraneh**. The rural and urban **kadkhoudas** also exacted special taxes that were called **rusum-e kadkhudayi**. The government officers sent on errands with special instructions to some village exacted a certain amount of sum from the rural community, that was termed **khidmataneh** or **mohlataneh**.

Overcharging the rayats when some goods were sold to them or the purchase of some goods from the rayats at a lower price, which was looked upon as an abuse of the functionary's position, was called **tarh**. The forceful appropriations were named **dastandaz**; generally the various unlawful appropriations or extortions were registered in the documents as **shiltagh** or **shiltaghat**, in the plural.

The Armenian working men also paid multiform and numerous taxes to the church and the clergy. Those taxes could be divided into three categories: a) patriarchal crop and tribute that were paid to the catholicoses of Echmiadzin and Gandzasar; b) episcopal and prelate crop and tribute that were given to the heads of various dioceses or to those monasteries under whose religious charge the village came; c) priest crop and tribute—a reward to the priest for birth, baptism, wedding, funeral, various blessings, offering and other

rites. Most of the examinations, based on historical documents, attest that the taxes paid to Echmiadzin by way of donation or in time of chrism distribution, as well as **ptghi, gandzanak, hokebazhin, karasnik, atoramas, khatchorhnek, tiarnakan, knkadram** and other taxes were wholly exacted in cash.

In Persian official documents church taxes are referred to by the general term **rusum** or by the Moslem terms **nazr, zakat, khums, haqq-lillah, talibaneh** and other similar words. An analysis of Persian original sources and especially archival documents indicates that the above taxes and duties did not form part of the general **abvab-jam'** state taxes levied on the village; they were heavier and more unbearable and reduced the peasantry to a state of abject poverty. The frequent visits of daroughas, tahsildars and various official figures and functionaries and the compulsory hospitality to be offered them by the peasants were real scourges that ruined the economy of the rayats. Documentary facts in profusion are available attesting that the peasants would apply to the tiyuldar or the zabit of state taxes and promise extra sums provided no darougha should be sent to collect the taxes. In addition, the peasants promised to despatch grain and other victuals with their own beasts of burden and deliver them at a place convenient for the tiyuldar or the zabit.

The unbridled plunder and oppression of the rayats assumed wide proportions especially during the second half of the 17th century. The various awards and pensions allotted from state taxes, once bestowed, were for the most part handed down from one generation to another thus overburdening the treasury. The sale and purchase of state taxes and other revenues by wandering notables, government officers and military men was practised on a large scale. By the end of the century fraudu-

lence and misappropriation was practiced in large measure. The resulting condition was such that the sums received from state taxes could no longer meet the day by day growing expenses of the state and the court. To find a way out of the quandary, the state began to tighten its grip on taxes. General tax assessments became more recurrent, the taxes imposed on the rayats multiplied in number and new taxes were introduced.

Nevertheless, under the existing conditions, the extraordinary tax burden only increased the incomes of major and minor officers and was unable to rescue the Savid state from imminent collapse.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

А. Рукописные источники и архивные документы

1. Институт древних рукописей имени М. Маштоца—«Матенадаран».
Диван католкоса, папки 1а, 1б, 1г, 1д, 1е, 1з, 2а, 2б, 3, 4 и 250.
Фонд личных архивов, папка 80 г.
Дело Мелик-Шахназарянов, папки 1—4.
Фонд армянских рукописей, рук. 3031.
Фонд арабских рукописей, рук. 75, 103, 233.
2. Архив Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР.
Дело А-224.
Архив В. Г. Тизенгаузена, фонд 52.

Б. Изданные первоисточники

1. Армянские источники
Արամյան Կրեապի. Արրահամ կաթողիկոսի կրեապետի Պատմագրութիւն տնայիցն իւրոց և նասր-Շահին պարսից, Վաղարշապատ, 1870.
Արրահամ կրեապետի հիշատակարանը (ծոցի տետրակը), հրատ. Ս. Տէր-Ավետիսյան, Երևանի Փետական համալսարանի «Գիտական աշխատութիւններ», հ. 13-րդ.
Արամյան Ս. Ժամանակագրութիւն Սահեփաննոսի Օրրէլեանի, Երևան, 1942.
Անալյան Հ. Անձնանունների բառարան, հ. 1—5, Երևան, 1942—1962.
Առաքել Գալստիանցի. Պատմութիւն Առաքել վարդապետի Գարիծեցուց, սակս գիպուածոց Հայաստանեայց և գաւառին Արարատայ և ճախին Գողթան գաւառի, սկսեալ ի ՌՄԱ թուականին հայոց մինչ ի ՌՃԺԱ թ., Վաղարշապատ, 1896.

Գրիգոր Գարանաղյի. Ժամանակագրութիւն Գրիգոր վարդապետի Կամախեցոյ կամ Գարանաղցոյ, հրատ. Մեսրոպ վարդապետ Նշանյան, Երուսաղէմ, 1915:

Գրիգոր հայ վիճակագրութեան, կազմեց՝ Ս. Գ. Բարբուղարյան, պրակ 2, Երևան, 1960, պրակ 3, Երևան, 1967:

Եսայի Հաասն-Ջալալյան. Պատմութիւն համառոտ Աղուանից երկրի, յորինեալ ի Տ. Եսայի Աղուանից կաթողիկոս Հաասն-Ջալալյանից, Երուսաղէմ, 1868:

Զաֆարիա Քանափեղի. Զարբեայ Սարկաւազի Պատմագրութիւն, հ. 1—3, Վաղարշապատ, 1870:

Զաֆարիա Ագուլեցի. Զարբիա Ագուլեցու օրագրութիւնը, հրատ. Արմֆանի, Երևան, 1938:

Քովմա Մեծովիցի. Պատմութիւն Լանկ-Քամուրայ և յաջորդաց իրոց, Փարիզ, 1860:

Քովչլյան 2. Ցուցակ ձեռագրաց Դատեան Խաչիկ վարդապետի, մասն Ա, Վաղարշապատ, 1898:

Ժն դարի հայերեն-ձեռագրերի հիշատակարաններ, մասն Ա, Բ, Գ, կազմեց՝ Լ. Ս. Խաչիկյան, Երևան, 1955—1967:

Կոստանյան Կ. Վիճական տարեգիր, Պետերբուրգ, 1913:

Ղաֆաղարյան Կ. Հաղրատ, ճարտարապետական կառուցվածքները և վիճակն արձանագրութիւնները, Երևան, 1963:

Մանր ժամանակագրութիւններ, 13—18-րդ դդ., կազմեց՝ Վ. Ա. Հակոբյան, հ. 1, Երևան, 1951, հ. 2, 1956:

Սիմոն Երևանցի. Զամբո, Գիրք որ կոչի յիշատակարան արձանացոցիչ-հայիկի և պարոնակող բնաից որպիսութեանց Սրբոյ Աթոռոյ և իւրոյ շրջակայից վանօրէիցն, Վաղարշապատ, 1873:

Закария Акунисский. Дневник, Изд. Арм. ФАНа, Ереван, 1939.

Закария Канакерци. Хроника, перевод с армянского, предисловие и комментарий М. О. Дарбинян-Меликян, М., 1969.

Симеон Ереванци. Джамбр, Памятная книга, зеркало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина и окрестных монастырей. Перевод С. С. Малхасянца, под ред. и с предисловием П. Т. Арутюняна, М., 1958.

2. Персидские хроники и прочие источники

اسکندر بيک ترکمان' تاريخ عالم ارای عباسی' جلد ۱-۲' تهران ۱۳۳۴ ه. ش.

بها الدين محمد عاملی' جامع عباسی' تهریز' ۱۳۳۱ ه. ق.

تذکره شاه طهماسب' بسعی و اهتمام. س. فیلول' کلکته' ۱۹۱۲ م.

ذیل تاریخ عالم ارای عباسی' تالیف اسکندر بيک ترکمان شهیر بمشقی و محمد یوسف مورخ' بتصحیح سهیلی خوانساری' تهران' ۱۳۱۷ ه. ش.

شیخ حسین بن شیخ عبدال زاهدی' سلسله النسب صفویه' نشریه "ایرانشهر" بولین' ۱۹۲۴ م.

عباسنامه یا شرح زندگانی ۲۲ ساله شاه عباس ثانی' تالیف محمد طاهر و حمید قزوینی' بتصحیح و تخریص ابراهیم دهگان' اراک' ۱۳۲۹ ه. ش.

غیاث الدین بن همام الدین' خواجه میر' حمید السیر' بمبئی' ۱۲۷۳ ه. ق.

فضل الله رشید الدین' جامع التواریخ' جلد سوم' بسعی و اهتمام عبدالکریم علی زاده' پاکو' ۱۹۵۷ م.

مکاتبات رشیدی' بسعی و اهتمام محمد شفیع' لاهور' ۱۹۴۷ م.

محمد بن خاوند شاه میرخوند' روضه الصفا' لوکنو' ۱۳۰۰ ه. ق.

محمد بن هند و شاه نخچوانی' دستورالکاتب فی تعیین المراتب' نسخه خطی دین هاوزن درارشيو اینستیتوت خاور شناسی شعبه نئینگراد' دوسیه شماره ۵۲.

ایضاً جلد ۱-۲ همام منبع' متن علمی و انتقادی و فهرستها بسعی و اهتمام عبدالکریم علی اوغلی علی زاده' مسکو' ۱۹۴۴.

Abdolla al-Mazandarani, Die Resalā-ye Falakiyyā, von W. Hinz, Wiesbaden, 1952.

A chronicle of the early Safawis being the Ahsanu't-tawāriki of Hasan-i-Rūmlū, vol. I (persian text), ed. by C. N. Seddon, Gaekwad's Oriental Series, No. LVII, Baroda, 1931—1934.

Scheref-nameh ou histoire des Kourdes par Scheref, prince de Bidlis, publiée par V. Veltaminof-Zernof, tt. I—II, SPB. 1860—1862.

Tadhkirat al-Muluk, A manual of Safavid administration by V. Minorsky, London, 1943.

The early years of Shah Ismail, founder of the Safavi Dynasty, by E. Denison Ross, „Journal of Royal Asiatic Society“, 1896.

Uzunçarşılı H. I. Kanun-i Osmani Meihum-i defter-i hakani, „Bellekten“, g. XV, sayı 59, Ankara, 1951.

3. Европейские путешественники

Chardin J. Voyages de Mr. le Chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'Orient, tt. I—X, Paris, 1811.

Tavernier J. B. Les six voyages de Jean-Baptiste Tavernier, tt. I—II, Paris, 1692.

The voyages and travels of the ambassadors sent by Frederick Duke of Holstein, to the Great Duke of Moscovy and the King of Persia. Began in the year MDCXXIII, and finished in MDCXXXIX, London, MDCLXIII. By Adam Olearius, secretary of Embassy.

В. Публикации архивных документов

- Գալվածապրեր, կազմեց՝ Հար. Արրանաძեան, սրբակ 1, Երևան, 1941.*
Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве. Вып. I, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович, под редакцией А. К. Арендса, Изд. АН Уз. ССР, Ташкент, 1954.
- Из архива шейхов Джуибади. Материалы к земельным и торговым отношениям Средней Азии в XVI в., изд. Ин-та востоковедения АН СССР, М.—Л., 1938.
- Материалы по истории Ура-Тюбе, Сборник актов XVIII—XIX вв. Составление, перевод и предисловие А. Мухтарова, под редакцией А. А. Семенова и О. Д. Чехович, изд. Ин-та истории АН Тадж. ССР, М., 1963.
- Передняя Азия в документах. Серия памяти проф. Ю. Н. Марра, кн. I, Нахчеванские рукописные документы XVII—XIX вв., перевод и комментарии К. П. Смирнова и Дж. Ганбова, под ред. Ю. П. Марра, изд. Груз. ФАНА, Тбилиси, 1936; кн. II, Указы кубинских ханов, Тбилиси, 1937.
- Персидские документы Матенадарана. I, Указы, Составил А. Д. Папазян, вып. I (XV—XVI вв.), Ереван, 1956; вып. II (1600—1650 гг.), Ереван, 1959.
- Персидские документы Матенадарана. II, Купчие, составил А. Д. Папазян, вып. I (XIV—XVI вв.), Ереван, 1968 г.
- Чехович О. Д.* Из источников по истории Самарканда XIV в. В сборнике: «Из истории эпохи Улугбека», Ташкент, 1965.
- Чехович О. Д.* Бухарские документы XIV века, Ташкент, 1965.
- Мусави Т.* Орта эср Азербайжан тарихинә даир фарс дилиндә язлымыш сәһәдләр, Баку, 1965.
- Мусави Т.* Баку тарихинә даир орта эср сәһәдләри, Баку, 1967.
- ზებუა მ., საქართველოს მეზეუმის სპარსული ფირმანები და პოქმები, თბილისი, 1949.
- კართულ-სპარსული ისტორიული საბუთები, გამ. ვლ. ფუთურძემ, თბილისი, 1955.

სპარსული ისტორიული საბუთები საქართველოს წიგნთსაცავებში, გამ. ვლ. ფუთურძემ, წიგნი I, ნაკვეთი 1 თბილისი, 1961, ნაკვ. 2, 1962, ნაკვ. 3, 1963.

اسناد و نامه های تاریخی دوره صفویه، بامقدمه نبیچ الله صفا
تهران، ۱۳۴۳
مجله بررسیهای تاریخی، سالهای سوم، چهارم، پنجم، تهران
۱۳۴۹—۱۳۴۷

- Aubin Jean*, Note sur quelques documents Aq-qoyunlu (Archives persanes commentées, 1), Mélanges Louis Massignon, 1, Damas, 1956.
- Aubin Jean*, Note préliminaire sur les archives du Takya du Tchima-Rud (Archives persanes commentées, 2), Téhéran, 1955.
- Aubin Jean*, Un soyurghal Qara-qoyunlu concernant le bulük de Bawānat-Harat-Marwast (Archives persanes commentées, 3), „Documents from Islamic Chanceries“, Oxford, 1965.
- Busse H.* Untersuchungen zum islamischen Kanzleiwesen, Kairo, 1959.
- Horst H.* Timür und Hoga 'Ali, Ein Beitrag zur Geschichte der Safawiden, Akademie der Wissenschaften und der Literatur, Abhandlungen der Geistes und Sozialwissenschaftlichen Klass. 1958, N. 2, Wiesbaden.
- Lambton Ann K. S.* Two Safavid Soyurghals, BSOAS, 1952, p. 45.
- Minorsky V.* A soyurghal of Qasim Aq-qoyunlu, BSOS, vol. IX, p. 4, London, 1939.
- Roemer H. R.* Le dernier firman de Rustam-Bahadur Aq-qoyunlu?, „Bulletin de l'Institut français d'Archéologie orientale“, 1960, t. LIX.

ЛИТЕРАТУРА

- Ալիջան Ղ. Ալբարատ, Վենետիկ, 1890:
- Ալիջան Ղ. Միսական, Վենետիկ, 1893:
- Եզանյան Հ. Մ. Գյուլդարբադի վիճակը ժամանակակից Իրանում, Երևան, 1960:
- Լեո. Հայոց պատմություն, հ. 3, Երևան, 1946:
- Խաչիկյան Լ. Տեսնական գործարքների մասին գրառումները հայերեն ձեռագրերի մեջ և նրանց աղբյուրագրության նշանակությունը, «Բանբեր Մատենագրարների», № 5, Երևան, 1960:
- Հովսեփյան Գ. Խաղրակահանք և Պոռնանք Հայոց պատմության մեջ, Ք հրատ. Անթիլիսիա-Կիրանան, 1969:

Մանանդյան Հ. և Անանյան Հ. Հայոց նոր վիաները (գիտ. հրատ.) Վա-
ղարշապատ, 1903.

Մանանդյան Հ. Քննական տեսություն հայ ժողովրդի պատմության, հ. 3,
Երևան, 1952.

Մարիոսյան Ա. Ազրարային հարաբերությունները Արարատյան երկրում,
17—18-րդ դդ. և 19-րդ դարի առաջին քառորդում, Երևան, 1959.

Մառարոսյան Ա. Մարտիրոս Ղրիմեցի, Երևան, 1958.

Պողոսյան Ա. Եկեղեցական հոգատիրությունը Երևանի խանությունում 17—
18-րդ դդ. և Էջմիածինը որպես խոշոր կալվածատեր, Երևանի պետ.
համալսարանի «Փիտական աշխատություններ», հ. 13, Երևան, 1940.

Ջալալյանց Ա. Ճանապարհորդությունից ի մեծն Հայաստան, հ. Բ, Տիֆլիս,
1858.

Սմբատյանց Մ. Տեղագիր Գեղարքունի ծովազարդ դուռանի, Վաղարշապատ,
1896.

Տեր-Հովհաննիսյան Հ. Պատմություն նոր-Ջուղջուց, որ յկասպահան, հ. Ա—Բ,
Նոր-Ջուղջա, 1880—1881.

Տեր-Հովհաննիսյան Գ. Բաղդասար մետրոպոլիտի կենսագրությունը, «Փորձ»
ամսագիր, 1880, № 5.

Րաֆֆի, Խամսայի մելիքություններ, Քիֆլիս, 1895.

Փափազյան Հ. Մի էջ Արեւելյան Հայաստանի քաղաքական կյանքի պատ-
մությունից, շՄՄՀ ԳԱ «Տեղեկագիր» (հաս. գիտ.), 1955, № 8.

Փափազյան Հ. Օտար տիրապետությունը Արարատյան երկրում (ժԵ դ.),
շՄՄՀ ԳԱ «Տեղեկագիր», (հաս. գիտ.), 1960, № 7—8.

Փափազյան Հ. Վաղարշապատ գյուղի 1725 և 1728 թթ. թուրքական հարկա-
ցուցակները, «Բանբեր Մատենադարանի», № 5, Երևան, 1960.

Փափազյան Հ. Երկու նորահայտ իրանական լադիկներ, «Բանբեր Մատեն-
ադարանի», № 6, 1962.

Али-Заде А. А. Социально-экономическая и политическая история
Азербайджана XIII—XIV вв., Баку, 1956.

Արություն Б. Крупное монастырское хозяйство в Армении XVII—
XVIII вв., Ереван, 1940.

Արություն П. Освободительное движение армянского народа в пер-
вой четверти XVIII века, М., 1954.

Արություն П. «Джамбр» как первоисточник по истории Армении.
Предисловие к русскому переводу «Джамбра», Симеон Ере-
ванци, Джамбр, М., 1958.

Եսаян А. Мулькардарское право в Армении, Ереван, 1948.

Եգիазаров С. Исследования по истории учреждений в Закавказье,
т. I, Сельская община, Казань, 1883.

Եգիазаров С. О водовладении в Закавказском крае, Киев, 1896.

Иванов П. П. Хозяйство джуйбарских шейхов. К истории феодаль-
ного землевладения в Средней Азии в XVI—XVII вв., изд.
Ин-та востоковедения АН СССР, М.—Л., 1954.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана, М., 1952.

Левитов В. Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в., Баку,
1944.

Маркс К. Капитал, т. I (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23,
М., 1966).

Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производ-
ству, М., 1940.

Маркс К. и Энгельс Ф. Избранные письма, М., 1953.

Мукминова Р. Г. К истории аграрных отношений в Узбекистане
XVI в., по материалам «Вакф-наме», Ташкент, 1966.

Սաթյան А. Д. Аграрные отношения в Ереванском ханстве в XVII
веке, автореф. дис., Ереван, 1954.

Սաթյան А. Д. Персидские, арабские и турецкие официальные до-
кументы Матенадарана XIV—XIX веков и их значение для
изучения социально-экономической жизни стран Ближнего
Востока, М., 1960.

Սաթյան А. Д. К вопросу о техническом значении налогового тер-
мина «малоджахат», «Известия» АН Арм. ССР (общ. науки),
1961, № 2.

Петрушевский И. П. Персидские официальные документы как источ-
ник по истории феодальных отношений в Азербайджане и
Армении XVI—начале XIX вв., «Проблемы источникововеде-
ния», кн. 3, Л., 1940.

Петрушевский И. П. Вакфные имения Ардебильского мазара в
XVII в., Труды Ин-та истории им. А. Бакиханова, АН Аз. ССР,
т. I, Баку, 1947.

Петрушевский И. П. Внутренняя политика Ахмеда Ак-Койунлу,
«Сборник статей по истории Азербайджана» (ССИА), вып. I,
Баку, 1949.

Петрушевский И. П. Государство Азербайджана в XV в., ССИА, I,
Баку, 1949.

Петрушевский И. П. Азербайджан в XVI—XVII вв., ССИА, I, Баку,
1949.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в
Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., Л., 1949.

Петрушевский И. П. Земледелие и аграрные отношения в Иране
XIII—XIV вв., М.—Л., 1960.

- Шопен И.* Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи, СПб, 1852.
- Филдрозе Н.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов, «Очерки по новой истории стран Среднего Востока», изд. МГУ, 1951.
- Busse H.* Persische Diplomatie im Überblick Ergebnisse und Probleme, „Der Islam“, Zeitschrift für Geschichte und Kultur des islamischen Orients, Band XXXVII, Berlin, 1961.
- Minorsky V.* The Aq-Qoyunlu and land reforms, BSOS, vol. XVII, part 3, 1955.
- Minorsky V.* Tiyul, „Encyclopédie de l'Islam“.
- Mochavav F.* L'évolution des finances iraniennes, Paris, 1938.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абабакр Техрани 12
- Аббас I Сефевид 11, 12, 53, 54, 90, 92, 93, 97, 98, 109, 110, 127, 137, 140, 143, 147
- Аббас II Сефевид 13, 55, 57, 86, 127, 148—150, 184, 185, 189, 221, 223, 231, 234
- Аббаскули малик 223
- Аббаскули-хан 99
- Абдул-Азиз-хан 78, 79
- Абдулвахаб Абдулвахабн 146
- Абраам дьяк 117
- Абраам Кретацн 21
- Абраамиян Ар. 22, 183
- Абу-Юсуф 79
- Авак парон 75
- Авни Омар Эфенди 87
- Агамир Крдунц 19
- Агбуга, сын Гасана 71
- Адибек (его имени сад в Ошака-не) 128
- Айваз кядхуда 183
- Айдин, сын Турсуна 71, 76
- Айказ парон 75
- Акоп-джан ходжа, см. Акоп сын Сета
- Акоп Джугаеци 17, 54, 117, 119, 120—123, 125—127, 149, 171, 183, 199, 244
- Акоп нерей 183
- Акоп ходжа, сын Сета 86, 121, 124, 154
- Акоп Шамахеци 244
- Акоп шинакан 209
- Александр Джугаеци 129, 150
- Али-бек Са'длу, сын Кайитмни-бека 167—169
- Али-бек тнулдар 223
- Али-Заде А. А. 210
- Али шейх, сын Сафи-эд-дина Ардабили 27, 38, 92, 115, 196
- Аликули-бек 180
- Алишер Навон 10
- Амазасп, сын Шахена 75
- Амир-Гуна-хан 12, 53, 56, 85, 86, 89, 120, 227
- Аракел Даврижеци 16—18
- Аракел кядхуда, сын Погоса 193
- Арутюнян Б. 6
- Арутюнян П. 7
- Аслан-ага 216, 217
- Аслан-бек Братели 99
- Аствацатур католикос 180, 181
- Ахи-бек 12
- Ахмад Ак-Койюнлу 138
- Ахмад-ага Койлахисарлу 157
- Ахназар, сын Шахназара 169
- Ашот I Багратуни 73
- Баба 160, 161
- Баба кядхуда, сын Андреаса 193
- Баба-бек Са'длу 167
- Бабаханян А. (Лео) 31, 244
- Багер Джугаеци ходжа 183

Баграм-бек 246
Бададе-бек, сын Рустам-бека 99
Барсег из Канакера 217
Бегум-хатун, дочь Пиазкули-бека Са'длу 166
Бегум-хатун, жена Джаханшаха Кара-Койюнлу 142
Бежи, сын Гаспара 209
Беро, сын Гаспара 209
Бешкен Орбелян 38, 46
Бурджали, сын Мухаммадули 170
Бусе Г. 27, 137

Баграм Пахлавун 73, 152, см. также Григор Вкайасер
Васак Бжнийский 73
Вахах, дочь Кеджавона 90

Гагик Багратуни 73, см. также Шахиншах
Газан-хан 88, 210
Газанфар, сын Джана 154
Газар из Канакера 217
Газарос кядхуда, сын Эйвата 193
Гарстгаузен А. 81
Гаспар, сын Залбека 209
Гаспар ходжа 117, 120
Гевонд парон 170
Геворг (его имени бахча в Вагаршапате) 127
Гёгча-бек 144, 745
Гиас-эд-дин ибн-Хумам-эд-дин Хандамир 10
Гоги, сын Гаспара 209
Григор (его имени бахча в Вагаршапате) 127
Григор Вкайасер 73, см. также Баграм Пахлавун
Григор Даранахци 18

Григор Камахени, см. Григор Даранахци
Григор магистрос Пахлавун 73, 131
Григор Маквечи, сын Джалал-бека 38, 71, 77—79, 115—117, 133, 135, 155, 200, 201
Григор, сын Смбата 39, 115, 170
Гулам-Али-хан 62
Гурихан, дочь Карахан-бека Са'длу 167, 168, 170
Гурихан, дочь Мухаммадули 170
Гурихан, дочь Пиазкули-бека Са'длу, 166
Гусейн Абд-ал-Захиди шейх 14, 91
Гусейн-хан Румлу 53

Давид варданет (его имени сад в Порке) 128
Давид мелнк 217
Джалалянц С. 31
Джанибек-хан 139
Джаханбану, дочь Пир-Али 170
Джаханшах Кара-Койюнлу 28, 130, 142, 233
Джа'фар имам 159
Джидлас, сын Ходжи 196, 197
Джовха-султан Румлу 52
Джувейни 209
Див-султан Румлу 52

Егнзаров С. 5, 81
Еремия католикос 243
Есан Хасан-Джалалян 21, 216, 218, 243
Есяян А. 7

Закария Агулеци 19, 61, 63, 110, 112, 113, 227, 239—241, 244, 246, 247

Закария вардапет, из Хавуц-Тара 132—134, 196
Закария Канакерци 20, 21, 56, 216, 217, 227
Закария Саркаваг, см. Закария Канакерци
Закария, сын Мехдикули 160, 161
Закария Хавуцтаречи, сын Шахена, сына Джаханшаха 72—74, 76, 89, 132, 133, 237
Захид Гилани шейх 14, 139
Зейнаб-Султан, дочь Карахан-бека Са'длу, 167, 168, 170
Зелинский С. 5
Зирак кядхуда, сын Багдасара 193
Золфегар-хан 140

Иракли II 24, 62
Исахан -бек, сын Мусабека 112, 113
Искандар-бек Туркман, см. Искандар Мунши
Искандар Кара-Койюнлу 79
Искандар Мунши 11—13, 68, 93, 97, 98, 101, 235
Исмаил I Сефевид 11, 41, 67, 131, 233
Исмаил II Сефевид 11, 97, 132, 194, 196
Исмаилкули, сын Султан-бека Са'длу 166

Казн-Ахмад Каффари 12
Казар католикос 119
Кайитмиш-бек Са'длу, сын Корхмиш-бека 167—169
Какос из Вагаршапата 201
Карахан-бек Са'длу, сын Кайитмиш-бека 167—170
Касым Ак-Койюнлу 26
Кейхосров-хан Сагинашвили 111, 126, 148—150, 236

Киракос Вирапечи 133
Киракос Трапизонци 16
Корхмиш-бек Са'длу 169
Кубак князь 65
Кучаев М. 5
Кялб-Али, сын Хусейн-бека Са'длу 166
Кямал-эд-дин Абдин-бек 72, 74, 76, 78, 162, 163
Кямал-эд-дин Гусейн ходжа 77, 157

Ламбтон Анн К. С. 27, 145
Ланк-Тимур, см. Тимур
Лаша, сын Тамары 65
Лео, см. Бабаханян А
Луарсаб I 97
Луарсаб-бек Братели 99

Маджнуи-бек Са'длу, сын Тахмаспули-бека 166, 174, 175
Малиджан кядхуда, сын Айрапета 193
Манандян А. 229
Матевос католикос в Гаяндзасаре 134
Марнам, дочь Закари 160
Маркосян С. 7, 83
Маркс К. 85
Мартiros (его имени мельница в Дохсе) 128
Мартiros (его имени сад в Вагаршапате) 127
Мартiros Кримечи 70
Мартiros ходжа, сын Бархудары 129
Маруге из Канакера 217
Ма'сум-хан 69
Махмад, слуга хана 201
Мевлакули, сын Султан-бека Са'длу, 166

Мейрам-бек, сын Гёгча-бека 145
Мелик-Акоянн А. (Раффи) 31
Меликсет кядхуда, сын Назара 193
Мелкум, сын Шахназара 169
Мехди 74
Мехдикули новообращенный мусульманин 160, 161
Мехраб, сын Туни 197
Микаел архимандрит 244
Минорский В. 14, 26, 28, 81, 107, 227
Мирак ходжа 74
Мирза-Абуталиб 98
Мирза-Агаси 191—193
Мирза-Атаулла 42
Мирза-Ибрагим 112, 241, 246, 247
Мирза-Мухаммад везир 180
Мирзаджан кядхуда, сын Карапета. 157
Мриджан, сын Тадеоса 42, 67, 87
Мир-Сафи Гаджчи 189—192
Мир-Туман, сын Бабы 196
Мир-Яхья Сейфи-Казвини 12
Мкртчич, отец Закарии Капакерци 217
Мовсес ходжа, сын Паноса 180
Мовсес Хотанани 16, 54
Монавер Фазлулла 84
Мукминова Р. Г. 26
Мулак-хатун, дочь Пирхусейна 157, 170
Мурад-бек 124
Мурад-бек новообращенный мусульманин 111
Муртузакули-бек Са'длу 174
Муса-бек, сын Исахан-бека 113
Мусави Т. 25
Мухаммад-ага Койлахисарлу 157
Мухаммад-Али-бек Карадаглу 103
Мухаммад-Багир Абдулвахаби 146

Мухаммад-бек Са'длу, сын Карахан-бека. 167, 168, 170
Мухаммад-бек хаким Борчалу 219
Мухаммад ибн-Деххода 157 170
Мухаммад ибн-Хавандшах Мирхонд 10
Мухаммад-Ибрагим Абдулвахаби 146
Мухаммадули ибн-Каландар 170
Мухаммад Нахчевани 69
Мухаммад-Тахир Вахид-Казвини 13, 14
Мухаммад, сын Кялб-Али Татарлу-Айрумлу 101
Мухаммад Худабанде Сефевид 97
Мухаммад-Хусейн калантар 180
Мухаммад-Юсуф 13, 14
Мухаммад-эфенди 178
Мухтаров А. 26
Мхитар Шиху шишакан, 209
Наанет католикос 129
Наджаф-Али-бек 105
Надир-Гуна-бек, сын Амир-Гуна-хана 64, 86
Надир-шах Афшар 21, 24, 32, 51, 96
Назар, сын Мухаммадули 170
Насир-эд-Дин Туси 108
Нахчевани Хаджи-Мухаммад 145
Не'матулла Абдулвахаби 145, 224
Нерсес кядхуда. 183
Новруз ходжа, сын Хейдара 163
Нубаршах, сын Джанымшаха 153
Обен Ж. 27
Ованес вардапет из Татева 177, 178, 187, 202, 203, 205, 224, 239
Ованес Прошян епископ. 76
Ованес католикос в Гандзасаре 142

Ованес кядхуда 183
Ованес кядхуда, сын Киджмира, 157
Ованес Цареци 17
Ови мелик 247
Оганджан, сын Шахназара 169
Омар халиф 66
Отар-бек Братели 111

Панах-хан Дживаншир 51
Петрос архимандрит 186
Петрос нерей 183
Петрушевский И. П. 8, 9, 32, 55, 155, 195, 209, 210, 230, 233
Пилипос Ахбакеци 16, 54, 120—122, 147—150, 166, 171, 174, 175, 184, 185
Пилипос кядхуда 183
Пирвали-ага Койлахисарлу 157
Пириджан протонерей. 183
Пиркули 154
Пир-Мухаммад-хан 198
Пир-Хусейн, сын Амира Са'да 157
Погосян С. 6
Путуридзе В. 24

Раджаб-паша 178, 181, 185, 187
Рафи'-эд-Дин садр 90
Рашид-эд-Дин 88, 209
Ромер Г. Р. 27
Рустам Ак-Койюнлу 27
Рустам Орбелян 38, 46, 78, 79, 115, 117, 124, 130, 200

Саак калантар, внук ходжы Сета 124
Сарвинар, дочь Нназкули-бека Са'длу 166
Са'д амир 50, 157
Са'ди-бек Са'длу 170
Са'ди-Ваккас 76, 162, 163, 166

Садук-бек, сын Мустафы 193
Саргис Аргутянц епископ 209
Саргис (его имени мельница в Ереване) 128
Саргис епископ 16
Саргис католикос в Ани 73
Саргис католикос 74
Саргис ходжа 63
Саргис, сын Хатит Мелика, католикос в Гандзасаре 154
Сару-Мелик, сын Алихан-бека 157, 170
Сархад ходжа 137
Сафикули, сын Тахмаспули-бека Са'длу 166, 174
Сафи-эд-Дин Ардабили шейх 91, 92, 139
Сафикули-хан 112, 117
Сафи Сефевид 12—14, 86, 149, 245
Сейеди-Али ходжа, сын Кямал-эд-дина Хусейна 77, 157, 163
Семенов А. А. 26
Симеон Ереванци 6, 30, 31, 45, 73, 75, 76, 83, 106, 116, 122, 125, 131, 133, 180, 181, 200, 201, 228, 244
Смбат Орбелян 154
Смбатян М. 31
Степанос вардапет 120, 166
Степанос епископ. 119
Степанос Орбелян 244
Сулейман I 52
Сулейман Сефевид 14, 119, 122, 126, 137, 190, 191, 199, 219, 231—234, 239
Султан-бек Са'длу, сын Алихан-бека 166
Султан-Хусейн Сефевид 122, 150, 193, 211, 217, 218, 243
Супан князь 152
Тадеос, сын Манвела 42, 67, 87

Тадж-эд-Дин ходжа 69
 Такаббур-султан 221
 Тамраз кядхуда, сын Хачика 193
 Тархан, сын Воскана 121
 Тахмасп I Сефевид 10, 11, 53, 97,
 132, 136, 143, 235
 Тахмаспули-хан, сын Амир-Гуна-
 хана 12, 86, 216
 Теван кядхуда, сын Маджнуна 243
 Тер-Оватесян Г. (Мурацян) 31
 Тер-Овнанян А. 31
 Тигран Оленц 152
 Тимур 27, 38, 92, 115, 139, 196
 Товма Мецопеци 15, 73, 133
 Торпау Н. 5, 81
 Туман, сын Саргиса (его имени
 сад в Ереване) 128
 Туман Ходжени, 185, 186
 Турифор П. 59

Фазлали-хан 125
 Фараджули, сын Мухаммадули
 170
 Фарах-эд-Дин ходжа 157
 Фатма, дочь Закари 160
 Фатхи-бек Туси 40, 157, 196

Хабиб 70
 Хамдаллах Казвини 209
 Ханданкули, сын Хусейн-бека
 Са'длу 166
 Хансари Сухейли 12
 Хасан Ак-Койюнлу 138, 142
 Хасан-Али Кара-Койюнлу 130, 142,
 233
 Хасан-бек Румлу 10—12
 Хачатур, брат Закари Кавакерци
 217
 Хачикян Л. 22

Хейдар-Али ходжа 157
 Хечик шинакан, 209
 Хорет Г. 27, 38
 Хоси, сын Гаспара 209
 Хосроп-ага 112
 Хубуа М. 24
 Хусейнкули, сын Мухаммадули
 170

Чехович О. Д. 25, 26

Шараф-хан Битлис 11
 Шарден Ж. 62, 69, 94, 108
 Шахали, сын Мухаммадули 170
 Шаханшах (Захарид) 65
 Шах-Зейнаб, дочь Султан-бека
 Са'длу, 166
 Шахиншах 73, см. также Ганик
 Багратуни
 Шахкубад-ага Са'длу 157
 Шахмансур-ага Са'длу 157
 Шахмурад, сын Мухаммадули
 170
 Шахназар, сын Мехдикули 160—
 162
 Шахназар, сын Шахназара 169
 Шахриар-ага Са'длу 157
 Шейбани-хан 26
 Шмавон Ангехакотци, сын Хачату-
 ра 38, 39, 117, 130, 135, 154
 Шмавон ходжа 63
 Шопен И. 5, 81

Энгельс Ф. 56

Ягуб Ак-Койюнлу 40, 72, 74, 78,
 142
 Ягуб-бек 133
 Ягуб-хан 68

Абдулвахаби 145, 146, 224
 Айрумлу 156
 Акджа-Койюнлу 53
 Ак-Койюнлу 10, 26, 27, 33, 41, 72,
 74, 78, 132, 138, 142, 155
 Алпавут 156
 Аргутянц 209
 Аршакиды 114
 Афшар 96
 Аштарханиды 78

Багратиды 74, 114
 Баят 48
 Братели 99, 111

Вачутян 46

Джелаириды 155
 Дживаншир 51
 Домян 46, 71, 76
 Дунбули 48

Захариды 46, 114
 Зулкадар 48, 68

Каджар 28, 48, 84
 Кангарлу 48, 50
 Карадаглу 103
 Кара-Койюнлу 28, 33, 79, 142, 155,
 233
 Койлахисарлу 156, 157

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абаран 50, 62, 178
 Абаранский махал 105
 Аванасар 72, 89, 131, 133, 196
 Аваник 72, 76, 89, 131, 133, 196
 Агавнатун 115

Кызылбаш 48, 49

Махмуди 48

Орбелин 38, 46, 51, 78, 80, 115,
 117, 244

Пазуки 48

Пахлавуни 73

Прошян 46, 76

Румлу 10—12, 48, 52, 53

Сагинашвили 111

Са'длу 48, 156, 157, 166—170

Сасаниды 66, 226

Сефевиды 8, 10, 12—15, 18, 20, 28,
 32, 33, 41, 47—51, 55, 58, 82, 84,
 86, 94, 96, 107, 109, 118, 146, 158,
 208, 210, 217, 227, 228, 234, 235,
 250, 252

Такалу 48

Татарлу-Айрумлу 101

Туркеман 11

Туси 40, 108

Устаджлу 48, 52, 53

Хасан-Джалалян 21, 46, 130, 135,
 243

Шамлу 48

Аганц 38, 117, 131, 154, 183, 206,
 220, 221, 231, см. также Агакян-
 ди
 Агакянди 131, 221, 222, 231, 232,
 см. также Аганц

Агахечк 51
Агесманэ 152
Агстафа 62
Агулис 60, 63, 109, 110, 112, 113,
136, 137, 148, 157, 169, 241, 243,
244, 246, 247
Агулис нижний 137
Адибека сад 128
Азад-Джиран 50, 110—112, 136,
157, 196, см. также Гохти
Азата 152
Азербайджан 7, 10, 12, 28, 41, 42,
49—53, 55, 67, 90, 100, 112, 132,
145, 146, 156, 163, 177, 188—
190, 203, 208, 209, 211, 212, 214,
219, 224, 225, 236
Айгер-лич 105
Айратат 19, 49, 50
Айреванк, монастырь 31
Алашкерт 48
Албания 17, 21
Алберик 65
Алинджак 50 см. также Ериджак
Аменаприкч, монастырь 73, 74, 76,
см. также Св. Спаситель и
Хавуц-Тар
Амири-гюх 120, 124
Анания апостол, монастырь 16
Анапат, церковь 128
Анапата сад 128
Ангехакот 107
Апаран, см. Абаран
Апнагех 105
Арагац 62, 184
Арагацотн 21, 60, 61, 156
Арагеч 152
Арак 108
Аракс 49, 51, 57, 61, 62
Арамус 198
Арарат 49
Араратская долина 57, 59

Араратская область 53, 54
Араратская равнина 50, 59
Араратская страна 7, 13, 14, 17,
52, 53, 56, 58, 63, 72, 83, 122,
156, 182, 184, 216, 236
Арасбар 51
Аратун 154
Ардабиль 91, 130, 140
Ардабилский мазар 139
Аревик 51
Армения 5—7, 9—12, 15—19, 28,
29, 46, 48, 49, 51, 54, 55, 59, 60,
71, 80, 82, 83, 93, 109, 114, 118,
132, 135, 155, 156, 182, 183, 209,
216, 225, 234, 248—252
Армения восточная 5, 6, 14, 15, 19,
22, 23, 25, 28—32, 46—49, 52,
53, 60, 61, 63, 65, 70, 72, 74, 96,
105, 109, 113, 114, 135, 147, 150,
158, 176, 182, 208, 209, 212, 226,
236, 244, 249, 251
Армения западная 19, 22, 30, 48,
52, 56
Армения северная 198
Армения северо-восточная 208
Армянский хребет 49
Арпа, река 52
Артаз 51
Арцах 21, 48, 49, 51, 60, 61, 135,
198
Астатат 109, 112, 211, 213
Атрпатакан 49
Ахпатский монастырь 115
Ахурян 49, 50, 62
Аштарак 115, 128, 152, 163
Базарашен 198
Базирган ёли 62, 127, см. также
Дорога кушцов
Баку 25, 99
Балх 79, 92

Баргушат 51
Батриндж 120, 173
Башкянд 187, 189, 191
Бердак 40, 157, 196
Бжни 62
Бжни, монастырь 31
Ближний Восток 16, 81
Бнунис 131
Большая дорога 163
Борди 131, 203, 220, 232
Борчалу 62, 219
Бохенис 121, 124, 125
Бухара 78, 79
Бюракан 121
Вагаршанат 38, 57, 59, 60, 62, 85,
89, 100, 105, 115, 120—122, 126—
128, 131, 148—150, 154, 157, 164,
170, 187, 199, 201, 202, см. также
Учкпынса
Вайоц Дзор 50, см. также Даре-йе
Элегис
Ван 56
Ванаид 110, 136, 137
Варажнуник 50, 156
Варанда 51
Васпуракан 17, 22, 48, 49, 51, 135
Воротанское ущелье 16
Ваврохенц 153
Галиция 17
Гандзак 51, 62, см. также Гянджа
Гандзасарский монастырь 21, 45,
130, 134, 141—143, 154, 243—
245
Гардман 51
Гарни 72
Гарни-Вади 50
Геворга сад 127
Гегард, монастырь 31
Гегаркуни 50, 60

Гераненк, земля 127
Гёг-Гюмбет 57
Гёгча-Дангиз 50, 100
Гёлкянди 86
Гёлязи 131, 198
Гилян 108
Годис 152
Горис 107
Гохти 50, 110, см. также Азад-
Джиран
Гошаванк, монастырь 31
Григора сад 127
Грузия 12, 24, 28, 49, 65, 163, 208,
225, 236
Грузия восточная 49, 209
Гугарк 48, 49
Гуштасиф 51, 90, см. также Каша-
таг
Гюлистан 51
Гянджа 51, см. также Гандзак
Гянджинское ханство 208
Давида сад 128
Данакерт 196
Даралу 222
Дарачичаг 50
Дарашамб 40, 68, 142, 148, 164,
187—189, 191—193, 211—213
Дарашамбский монастырь 141, 183,
см. также Степанос первому-
чешик
Даре-йе Элегис 50, см. также Вай-
оц Дзор
Дастаджерд 131, см. также Даста-
керт
Дастакерт 100, 198, 219, см. так-
же Дастаджерд
Джавахк 49
Джермадзор, сад 154
Джраберд 51
Джуга 28, 60, 62

Джуйбар 25
Дзаганк, монастырь 31, 198
Дзорагюх 59, 60, 63, 128, 154
Дзорк 51
Дибак 157, см. также **Дибаклу**
Дибаклу 120, см. также **Дибак**
Дибкянд 40, 68, 187—189, 191, 193
Дизак 51
Дилижан 62
Доге, см. Дохе
Дорога купцов 62, 127, см. также
    Базырган ёли
Дохе 128, 152
Драгун 198
Дрнис 40, 72, 131, 133, 196, см.
    также **Тарнис**

Европа 171
Егвард 62, 107, 121, 124, 125, 154
Езнарацк, паства 206
Езынка 152
Елгован 198
Ереван 19, 43, 52, 53, 56—63, 86,
    110, 112, 117, 119, 126, 128, 132,
    154, 158, 166, 168, 180, 209, 217,
    247
Ереванская крепость 227
Ереванская страна 63
Ереванский вилайет 99
Ереванское бекларбекство 52, 53,
    236
Ереванское ханство 57, 73, 107,
    165, 208
Ериджак 50, см. также **Алинджак**
Ехенг 232

Загрос 49
Закавказье 5, 6, 8, 14, 25, 53, 62,
    81
Закам 243
Зангезур 51

Зареванд 51

Иланлу 127
Индия 61
Иран 7, 8, 13, 23, 28, 30, 48, 49,
    58, 61, 92, 96, 187, 194, 195, 208,
    228
Иран северный 25
Ирак арабский 49
Исфаган 15, 112, 113, 158, 190, 238

Кавакерт 57
Кагызван 49, 50, 62
Кайыклу 111
Канакер 21, 216
Канал шаха 127, см. также **Шах**
    архи
Канан 51, 60, 90
Капанат 39, 51, 58, 87, 221
Капкунц 153
Карабах 49—51, 53, 55, 57, 99, 145,
    243, 244
Карабахское ханство 51
Карадаг 102
Каракешини 62
Каракилиса 131, 163
Каракит 127
Каракоюн 120, 123
Карби 60, 62, 63, 105, 152, 163, 167,
    168, 169, 178, 200
Карин 56, 62, см. также **Эрзерум**
Кармундж 100
Карпи, см. Карби
Карпийский махал 105, 200
Карс 50, 62
Картли 49, 51, 97
Кархат 153
Касах, река 62, 185
Касах, село 121
Каср 154
Кахети 49, 51, 99, 244

Кашатаг 51, 90, см. также **Гуш-**
    тасиф
Кашуник 51
Кегвард 76, 133
Кеги 39, 51
Кечарис, монастырь 31
Кеш 79
Кешишкянд 120, 157, 173, 220, 232
Кёпру-кянд 62
Кираджлу 120—122, 178
Киц 131, 232
Кладбище гарибов, бахче 127
Ковсакан 51
Константинополь 58, см. также
    Стамбул
Котайк 21, 60, 74, 76, 156
Кохб 61
Кохд 72, 89, 131, 133, 196
Коцмакот 38, 154
Кудис 72, 131, 196
Кулаби 79
Кум 28
Купеческая дорога, см. Дорога
    кунцов
Кур 51
Куралан 154
Куран 223
Курдистан 11, 49
Кутуцванк, поместье 72, 89, 131,
    133, 196
Кунтасиф, см. Гуштасиф
Кызылванк, село 72, 89, 132, 196,
    см. также **Хавуц-Тар**
Кызылкилиса 111
Кырхбулагский махал 107, 198
Кюлтана 100, 105, 127
Кялар 57, 167, 169
Кялейбар 102
Кятур 120

Ленкоран 99, 108

Лехрам 109, 112
Лори 61, 62, 208
Лорстан 49

Мазаз 50
Мазандаран 108, 158
Макенаоц, монастырь 152
Маку 42, 48, 51, 57, 58, 198, 243
Малая Азия 25
Манканоц 120, 157
Манкус 72, 76, 89, 131, 133, 196
Манташкясан 167—169
Марага 69
Маракерт 51
Маранд 51, 212
Мармашен, монастырь 152
Мартироса мельница 128
Мартироса сад 127
Массяотн 50, 156
Мастара 121, 122, 178, 181, 187,
    202
Мегри 51, 109, 111, 112, 194
Мелики-гюх 120, см. также **Мелик-**
    кянд
Мелик-кянд 62, см. также **Мелики-**
    гюх
Месопотамия северная 48
Минактун 154
Миджаван 51
Москва 26
Муган 139
Мугни, монастырь 31
Мугни, село 115
Муш 56
Мшаконец 153

Нахичеван 39, 40, 43, 53, 57, 58,
    62, 63, 110, 159, 187, 192
Нахичеванское ханство 106, 165
Нахчаван 50
Нессф 79

Ниг 50, 156
Нижний Кёндаган, земля 127
Новая Джуга 17, 60, 137, 158
Нораванк, монастырь 65
Норагавит 115
Норагех 86, 121, 124, 128, 154
Норк 61, 120, 123, 128, 164, см.
также Чоламаги
Нуриджан, квартал в Агулисе 243

Ованаванк, монастырь 20, 31
Ованаванк, село 157
Ордубад 43, 110, 136
Ортакинд 187, 189, 191
Оргули 111
Ошакан 37, 45, 63, 71, 76—78, 118,
120—124, 128, 152, 162, 164, 166,
171, 173—175, 178—182, 184, 201

Пайтакаран 49
Памбак 61, 208
Паракар 57
Парисос 51
Парскаайк 49, 51
Парспатуник 51
Портанг 152

Рим 123
Россия 5, 62, 81, 208

Саве 69
Сагмосаванк, монастырь 31
Сагмосаванк, село 90, 105, 157
Садаклу, земля 127
Сал 40, 196
Салмаст 48, 51, 57, 58
Самарканд 79
Санаинский монастырь 153, 200
Салат 57
Саргиса мельница 128

Сахата пос. 50, см. также Чухур-
Сал
Сварани 131, 154, 183, 206, 220,
221, 231, см. также Свари
Свари 38, 131, 221, 222, 231, 232,
см. также Сварани
Св. Богородица, монастырь 152
209
Св. Григор, церковь 153
Св. Карапет, церковь 65
Св. Спаситель, монастырь 71, 72
131, 132, 196, 243, см. также
Хавуц-Тар и Аменапркич
Севавер 121
Севанский монастырь 31
Севан, озеро 61
Сев Кар 62
Серкевли 73, 105, 152
Сис 15
Сисаджан 39, 50, 100, 107, 198,
219, см. также Сисян
Сисян 100, см. также Сисаджан
Снасени, родник 185, см. также
Три родник
Сотк 50
Средняя Азия 25, 61
Средний Восток 82
Стамбул 244, см. также Константинополь
Степаннос первомученик, мона-
стырь 142, 183, см. также Да-
рашамбский монастырь
Сурб-Саркис, село 72, 76, 89, 131,
133, 196
Сыкнак 99
Сюник 16, 19, 46, 48—51, 60, 61,
135, 152
Тавриз 50, 58, 61, 63, 74, 98, 99,
136, 140, 145, 163, 224, 235, 236,
246, см. также Тебриз

Тадгоса апостола монастырь 198,
243
Таджикская ССР 26
Танакерт 40
Тандзаган 38, 117, 131, 154, 183,
220, 221, 223, 224, 232
Тарнис 89, 196, см. также Дриис
Тас 131, 198
Татев, село 59, 60, 131, 177, 178
183, 187, 203, 206
Татевский монастырь 38—40, 45,
68, 87, 117, 126, 130, 141, 142,
154, 164, 165, 177, 183, 187, 198,
202—205, 220, 231, 233, 243, 244
Ташкент 79
Ташу 38, 117, 131, 154
Тбилиси 62, см. также Тифлис
Тебриз 98, 190, см. также Тавриз
Тегенис-Кираджлу 115, 121
Тегеран 28
Тех 232
Тифлис 97, 129, см. также Тбилиси
Траби 51
Три лопаты воды, земля 127
Три родника 185, см. также Спа-
сени
Тумана сына Саргиса сад 128
Туман-е Нахчеван 39, 50, 100, 107,
110, 111, 157, 187, 188, 198, 211,
219
Туркестан 79
Турция 30, 47, 48, 54, 86, 11, 124

Узбекистан 25
Утик 49
Урмиа 51, 58
Урут 178
Урц 50
Учкилиса, село 120, 154, 157, 167,
168—170, 178, 181, 187, 200, см.
также Вагаршапат

Учкилиса, монастырь 147, 200, см.
также Эчмядзинский мона-
стырь

Фарс 68, 158
Фомы апостола монастырь 136,
243
Франканоц 120, 122—124, 178

Хабанд 51
Хавуц-Тар, село 72, 76, 77, 131—
133, см. также Кызылванк
Хавуц-Тар, монастырь 31, 72, 131,
132, 135, 141, 196, 239, 243, см.
также Св. Спаситель и Амена-
пркич
Хаджилар, земля 127
Халидзор 40, 87, 131, 164, 183, 187,
203
Хасангале 62
Хасанкянди 100
Хачен 46, 51, 144, 145
Хекайат 198
Хенаванк, село 157
Хер 51, см. также Хой
Хзнавуз 167—169
Хиар-е Шадоман 79
Хой 48, 51, 57, 58, см. также Хер
Хорасан 92
Хоромшин 106
Хот 40, 87, 131, 164, 187, 203
Хотанан 131
Хор Вирап, монастырь 31
Хут, монастырь 126
Хиконк, монастырь 117, 153

Цавдеац 51
Цамакцов 153
Цар 71, 76
Цопагис 120
Цхук 50

Чай-Кайтаран, сад 128
 Чакатк 50, 156
 Чалдыран 48
 Чаук 50
 Чодмагчи 61, см. также Норк
 Чорс 51, 193
 Чуаш-рот 51
 Чухур-Са'д 13, 49—55, 72, 77—99,
 150, 163, 169, 178, 196, 200, 211,
 212 см. также Сахата пос

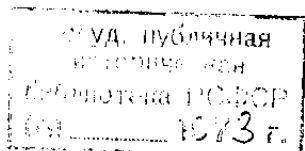
Шагверта сад 128
 Шамахи 62
 Шарур 57, 59
 Шахаб 198
 Шах архи 127, см. также Канал
 шаха
 Шахбуз 50
 Шахбузский махал 106
 Шахвер, река 163
 Шахгедан 127
 Шейхийе, мечеть 190, 191, 193
 Шенкар 62
 Шинуайр 164, 183, 203, см. также
 Шихер

Ширабад 128
 Ширак 50, 61
 Ширван 49, 55, 108, 243
 Шихер 40, 87, 131, см. также Шин-
 нуайр
 Шорагял 50
 Шоракят, земля 127
 Шорот 109, 112, 137
 Шуши 51, 63

Ынцинаберд 183

Эрзерум 62, см. также Карин
 Эрзерумская дорога 62
 Эчмиадзинский монастырь 6, 7,
 15, 18, 30, 31, 38, 39, 45, 54, 59,
 60, 63, 71, 72, 74, 77, 78, 80, 85,
 115—125, 127—129, 133, 135,
 146—148, 150, 154, 171, 178—181,
 184, 185, 187, 199—202, 204,
 243—245, см. также Учкилиса

Яйджи 86, 120, 123, 124

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. Научная разработка вопроса и основные первоисточники	5
Глава II. Восточная Армения под владычеством Сефевидов	46
Глава III. Процесс ликвидации крупного армянского светского землевладения в XV—XVI вв.	64
Глава IV. Шариатские правовые нормы и вопрос феодальной собственности	81
Глава V. Государственные земли, ленная система и шахский домен в XVI—XVII вв.	96
Глава VI. Монастырское землевладение и сущность муафства, данного армянской церкви и армянскому духовенству.	114
Глава VII. Наследственные и купленные села.	152
Глава VIII. Государственная рента-налог и повинности трудового крестьянства в отношении государства.	208
Заключение	248
Резюме на английском языке	253
Список использованных источников и литературы	281
Указатель имен	289